

ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 39 СЕНТЯБРЬ 1984

2.

ПРО

3.

1.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 39 (2984)

22 СЕНТЯБРЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

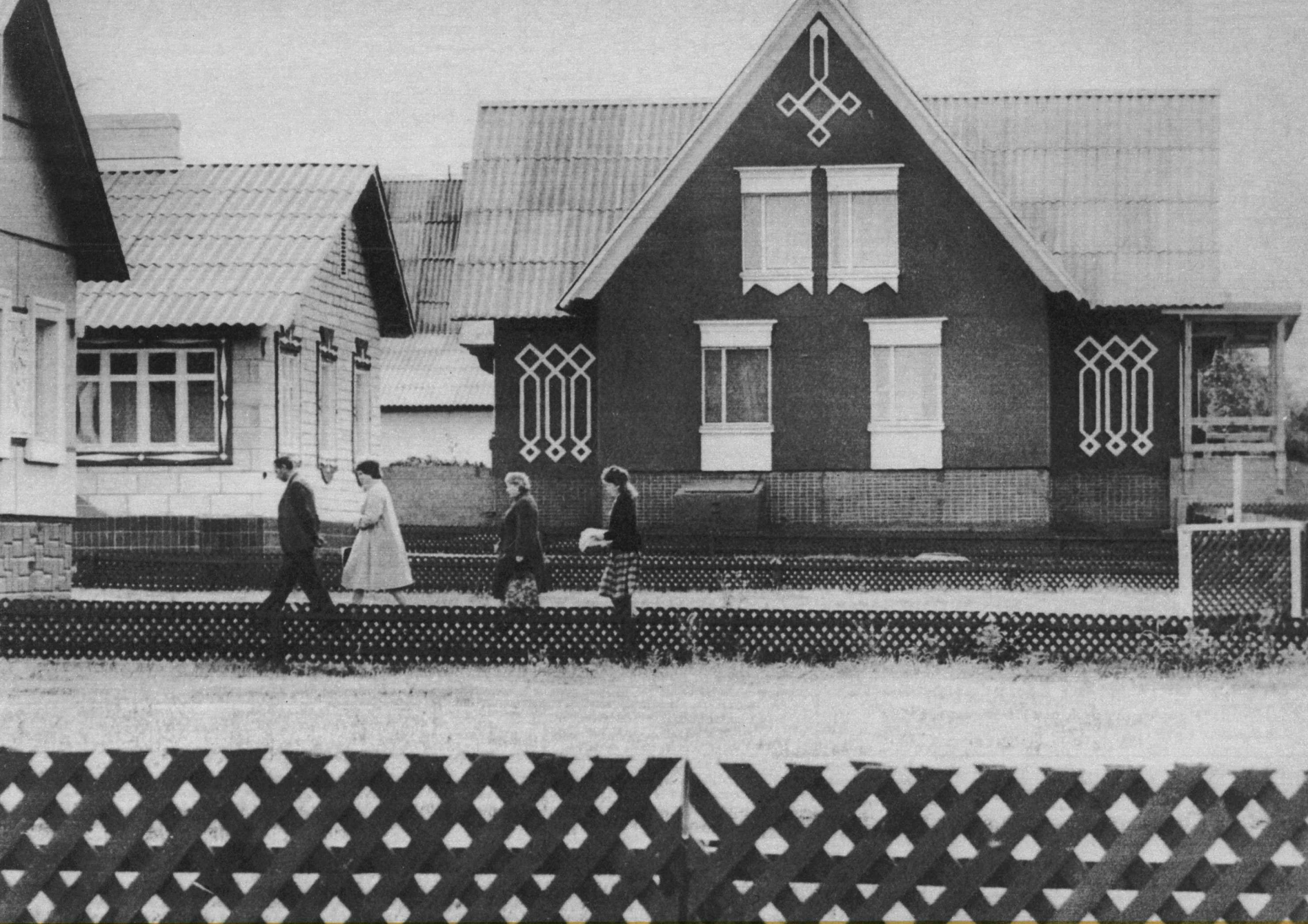
Фото Д. ДЕБАБОВА

1. Магазин приглашает покупателей.

2. Дома на «прилавке».

3. В торговом зале.

ДА Е Т С Я Д О М

ВРУЧЕНИЕ ВЫСОКОЙ НАГРАДЫ

К. БАРЫКИН

Что нам стоит дом построить? Солидную пятистенку или садовую сторожку. Пусть без фундамента, но и не на курьих ножках — дом все же... Что стоит? Подсчитать это в общем-то несложно, если обойти прилавки «Вашего дома», заглянуть на его торговый двор, пройти по площадке, где чуть пожелтевшими, смоляного духа штабелями лежат вагонка и пиленный брус, а чуть поодаль — шифер и плиты, кирпич и мешки с цементом, плинтусы, наличники, облицовочная плитка, печное литье из темного, одним своим видом сулящего уют и тепло чугуна. Печные дверцы, заслонки, вышки, колосники, а вот кочерга притулилась, — как соскучились мы по их надежной простоте, по названиям и то соскучились. А тут все овеяно воспоминаниями давнего детства, деревенским житьем-бытьем, неподдельностью. Да и поди подделай — под пластмассу, что ли? — выскобленную добела осиновую лопату для снега: без такой не обойтись сельскому подворью.

— «Ваш дом» — магазин в чем-то экспериментальный, пробный. Это первый такой торговый комплекс, — рассказывает мне заместитель председателя Центросоюза

В. Г. Нестеренко, с которым мы беседовали в подмосковной Кубинке, где открылся этот магазин.

Давно поговаривали о надобности такого предприятия. Планировали, так сказать. Но планы можно поверять бумагой, можно — делом. Кооператоры выбрали дело.

Я узнаю о том, что задумывался «Ваш дом» поначалу как магазин строительных товаров, затем перерос первоначальный проект, и сейчас тут можно приобрести все: от гвоздя до готового дома. Это теоретически. Практически же комплекс обеспечивается не всем нужным товаром. И все же, видимо, «Ваш дом» поможет отработать модель такого торгового предприятия, которые затем появятся в других областях и районах. У потребительской кооперации обширная и четкая программа создания подобных магазинов, торгующих и сельскими домами и материалами для их сооружения и поддержания в порядке.

Беседуем мы в основном здании «Вашего дома». По галерее второго этажа выстроились ряды с холодильниками и компактными — размером с тот же холодильник — инкубаторами; тут же инструмент, готовые панели шкафа, рядом скудный, к сожалению, прилавок с книгами по профилю: как разбить-соблюсти огород, как ухаживать за малиной и смородиной, как выращивать кроликов. А вот строителю домика продавцы ничего предложить не могут. «Голод» на такую литературу возник не сегодня, о нем знали, но в этом магазине он высветился со всей определенностью.

Но не второй этаж делает торговую погоду, определяет магазинное настроение. Вот внизу —

да чего тут только нет! Вот где загораются глаза застройщика! Будущего обладателя хором в одну-две комнаты с крохотной верандочкой (как повелевает садоводческий устав) или селянина, замахнувшегося на большую стройку, на такой дом, какие стоят у въезда в магазин, — это тоже товар. Но недешевый. Много тысяч стоит каждый из домов, выставленных на прилавке-улице; не всякому такие по карману.

Многие, подсчитав и поразмыслив, хотят строиться сами, переходят от одного отдела к другому, присматриваются к материалам и изделиям, ищут знатока-консультанта. Но пока уникальный магазин ходит (иждивением Московского областного союза потребительских обществ?) в разряде обычных торговых точек, никак, похоже, из них не выделен. Потому нет здесь и консультанта,

хотя каждому ясно, что крайне нужны здесь люди, у которых можно было бы все узнать о поступившем товаре, потолковать об особенностях задуманной стройки, приобрести по сходной цене план-схему будущего домика, а то и полный расклад: что во что обойдется, какие доски лучше для наружной обшивки, а какие — на стены комнаты. А фундамент? Выкладывать из кирпича или лить бетонное основание? Ах! Где ты, консультант?

— Мне бы плиту бетонную приобрести, — не отступает один из покупателей. — Да не с «иглолки», а выбракованную. Для подвала.

Не новый это вопрос для нового магазина. Часто спрашивают: товар некондиционный, с заводским ли браком, либо по дороге на большую стройку потерявший безупречность. Отбит уголок, чуть

Линолеум, обои — это уже завершающие штрихи при строительстве дома.

**ПРОДАЕТСЯ
ДОМ**

18 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко вручил орден Ленина Генеральному секретарю ЦК Коммунистической партии Греции Х. Флоранису.

Выступая при вручении высокой награды, товарищ К. У. Черненко, в частности, сказал:

Дорогой товарищ Флоранис! С чувством глубокого удовлетворения выполняю возложенную на меня приятную миссию. Разрешите вручить Вам — видному деятелю международного коммунистического и рабочего движения, испытанному руководителю героической Коммунистической партии Греции и верному сыну греческого народа — дорогую для каждого коммуниста награду — орден Ленина.

Этой наградой Вы удостоены за большие революционные заслуги, за самоотверженную борьбу против империализма и реакции, за мир, демократию и социальный прогресс, а также за крупный вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами Греции и Советского Союза и в связи с семидесятилетием со дня рождения.

В ответном выступлении товарищ Х. Флоранис искренне поблагодарил ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и лично товарища К. У. Черненко за столь высокую оценку его деятельности. Он подчеркнул, что эта высокая и почетная награда означает признание борьбы Коммунистической партии Греции, символизирует неразрывные связи КПСС и КПГ.

При вручении присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешавили, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, а также член Политбюро ЦК КПГ К. Цоланис и член ЦК КПГ К. Гацос. Они тепло и сердечно поздравили награжденного.

На снимке: при вручении награды.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ЗА РАЗВИТИЕ ДРУЖБЫ И БРАТСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

12 сентября Генеральный секретарь ЦК КПС, Президент ЧССР Г. Гусак принял члена Политбюро ЦК КПСС, министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова, находившегося в Чехословакии во главе советской военной делегации, участвовавшей в учении союзных армий «Щит-84».

Г. Гусак вручил Д. Ф. Устинову орден Клементы Готвальда. Этой высшей награды ЧССР Д. Ф. Устинов удостоен за большой вклад в дело развития дружбы и братского сотрудничества между народами и вооруженными силами СССР и ЧССР.

Состоялась теплая, дружеская беседа Г. Гусака с Д. Ф. Устиновым.

Д. Ф. Устинов передал Г. Гусану и Президиуму ЦК КПЧ сердечный привет и пожелания плодотворной деятельности от товарища К. У. Черненко и всех членов Политбюро ЦК КПСС.

15 сентября член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов возвратился в Москву.

На снимке: во время вручения награды. Фото Д. Гетманенко

трещина пошла — такую плиту на многоэтажку не пустишь, а для того же подвала, для сельской дворовой постройки — придумаешь ли лучше пол или стену? Кто не видел вокруг строек плиты, перекрытия, пролеты, которые не подошли для стеновых блоков, для возведения здания? Иногда их возвращают на предприятие: для ремонта-исправления, чаще же втихомолку зарывают в ближайшем овраге. А погрузить бы их в автомобиль и сюда — в «Ваш дом».

— Не можем ни заказывать, ни торговать таким товаром, — объясняет мне директор торгового центра Евгений Николаевич Стрелков. — Нет на нестандарт цены, как ту же плиту купить-продать?

Впрямь, как? Да очень просто! Мы говорим об этом, и чувствуется, что Стрелков и сам озабочен, переживает оттого, что не может заключить договор со строительными комбинатами, чтобы они там у себя уценяли бракованные детали и присылали их в магазин. Или, того проще, сообщали о них магазину, здесь покупатель оплачивал бы покупку (внося треть, а то и меньше того, что стоит плита без сучка и задоринки) и забирал товар прямо с завода. Доказывать разумность этого — слова лишние говорить. Но кому-то такая инициатива создаст неудобства, кто-то побаивается: дескать, могут быть злоупотребления...

И все же «Ваш дом» располагает довольно широким ассортиментом товаров. Руководство потребкооперации искренне старается, чтобы новый магазин не подкачал, не ударил лицом в грязь; сюда идет много хороших и нужных изделий. Но много — вовсе не значит достаточно.

Я прошу товароведа — а это

человек знающий, с авторитетным дипломом Московского института народного хозяйства имени Плеханова, — я прошу Светлану Михайловну Шукину показать мне требования и спецификации, листки заказов и те странности, на которых она должна вести учет того, что поступило, и того, что пока не пришло. Но нужно. Нет перлитовых плит, а обещали! Нет стеклблоков — такими выложить веранду — залюбуешься. Вот краску ждут и нитрошпаклевку — это из Новомосковска Тульской области. Вагонка, по старинке ее тесом называют, — вагонки очень мало. Жуковский деревообрабатывающий комбинат мог бы быть порасторопней. Кирпича мало...

Недавно получили мотоблоки. И вспахать такой поможет, и другая деревенская работа ему по силам. Вроде и недешевы — по 660 рублей, — раскупили разом. Правда, по двум машинам уже пришли рекламации. Магазин встревожился, дал знать заводу, там тоже это близко к сердцу приняли, обещали послать своих гонцов-ремонтников к покупателям.

Конечно, главная забота работников «Вашего дома» — помогать тем, кто живет и работает на селе, в колхозе ли, в совхозе. Но первые же дни работы магазина показали, что среди покупателей много владельцев дачных участков, индивидуальных, как говорим, застройщиков. Однако режим благоприятствования, что создан для сельского жителя, на них не распространен. И горожанин, поставивший где-то на неудобье свой небольшой домик, не может рассчитывать на полное внимание «Вашего дома». А жаль.

И это еще один вопрос, последний в нашем репортаже о хорошем, нужном магазине.

ДОБРАЯ МАРКА

Химическая промышленность стала ведущей отраслью народного хозяйства Узбекской ССР. Город Чирчин — колыбель узбекской химии. Далеко за пределами республики известно чирчинское производственное объединение «Электрохимпром», удостоенное орденов Ленина и Трудового Красного Знамени. Ныне это один из крупнейших в стране поставщиков минеральных удобрений, аммиака, напролантам.

На гранулах плодородия не только марна Чирчина, но и других городов республики: Коканда, Самарканда, Ферганы, Навои, Алмалына, прибавивших к своей традиционной продукции — хлопку еще и химическую. Если в 1940 году в Узбекистане производилось всего полторы тысячи тонн туков, то теперь — около десяти миллионов тонн.

Чирчинские химики стремятся высоко держать марку первенца отрасли. Они успешно освоили выпуск напролантам — сырья для синтетического шелка, шинного корда. Чем больше синтетики для технических и хозяйственных нужд, тем больше хлопка останется для одежды!

Вяч. КОСТЫРЯ, собкор «Огонька»

На снимке: здесь получают напролантам.

Фото Р. Джуманиязова

Александр Алексеевич ЖАРОВ

Советская литература понесла тяжелую утрату. На 81-м году жизни скончался видный советский поэт, член КПСС с 1920 года, участник Великой Отечественной войны Александр Алексеевич Жаров.

А. А. Жаров родился в 1904 году в деревне Семеновская Можайского района Московской области.

Юность поэта неразрывно связана с комсомолом. В 1918 году Александр Жаров работает секретарем одной из первых комсомольских ячеек, в 1920 году — избирается делегатом 3-го Всероссийского съезда комсомола, на котором с исторической речью выступил В. И. Ленин.

В молодую советскую литературу поэт вошел страстными, вдохновенными стихами, славящими революцию, трудовые подвиги народа. Лирическая поэма «Гармонь» А. А. Жарова заняла достойное место в отечественной поэзии.

Член Союза писателей СССР с 1934 года, делегат Первого всесоюзного съезда советских писателей, А. А. Жаров всегда был на

передовых участках социалистического строительства. Многие поколения советских пионеров вдохновенно пели и поют его знаменитую песню «Взвейтесь кострами, синие ночи...».

Поэмы, стихи, песни А. А. Жарова, такие, как «Заветный камень», его корреспонденции из частей Военно-Морского Флота, где он служил в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., были нужны и дороги советским воинам как мощное духовное оружие.

До последнего дня жизни А. А. Жаров упорно трудился над созданием новых произведений, вел большую педагогическую деятельность в Литературном институте имени А. М. Горького.

Родина высоко оценила творческий и ратный путь А. А. Жарова, наградив его орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почета», медалями.

Писатель-патриот А. А. Жаров отдал весь свой талант служению Родине, советскому народу, борьбе за высокие коммунистические идеалы.

К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Г. Ф. Сизов, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, Б. Н. Пастухов, Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, В. И. Конотоп, А. М. Роганов, Е. М. Чехарин, В. М. Мишин, Г. М. Марков, С. А. Азимов, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Ю. Я. Барабаш, С. А. Баруздин, А. А. Беллев, Ю. В. Бондарев, Г. А. Боровин, Ю. Н. Верченко, Ю. П. Воронов, Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, А. Д. Дементьев, К. М. Долгов, Е. А. Долматовский, П. А. Загребельный, Л. А. Земляничкова, М. А. Ибрагимов, А. С. Иванов, Е. А. Исаев, М. Каноатов, В. В. Карпов, А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, Ф. Ф. Кузнецов, Л. М. Леонов, Э. Б. Межелайтис, С. В. Михалков, В. М. Озеров, Р. И. Рождественский, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко (М. Танн), Ю. И. Суровцев, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, О. Н. Шестинский.

«ОГОНЬКУ» ОТВЕЧАЕТ МИНИСТР ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР

В № 33 «Огонька» за этот год был опубликован фельетон Виктора Пронина «По собственному желанию... директора». Приводим письмо, присланное министром здравоохранения СССР С. П. Буренковым на имя главного редактора журнала «Огонек».

«По фактам, изложенным в статье В. Пронина, присланной Вами в Министерство здравоохранения СССР в апреле 1984 года, и по материалам, имевшимся в министерстве и отрицательно характеризовавшим деятельность Д. Н. Лоранского, решением коллегии Минздрава СССР он был освобожден от должности директора Центрального научно-исследовательского института санитарного просвещения.

На эту должность назначен доктор медицинских наук, профессор В. Ф. Попов, которому предстоит совместно с партийной организацией оздоровить обстановку в институте и повысить эффективность его работы. Министерство здравоохранения СССР контролирует осуществляемые меры.

Министр

С. П. БУРЕНКОВ».

С первого взгляда может показаться, что этот уголок старой Европы ни в чем не изменился. Пятнистые коровы, позвякивая колокольчиками, лениво жуют осеннюю траву на склонах холмов. Автострада пронесется мимо старинных городков, в которых вроде бы прошлое и по сей день дремлет под красными черепичными крышами. Иные из них помнят еще легионеров Цезаря, оставших здесь о себе несокрушимую гранитную память — гигантские ворота, через которые некогда шагали, позвякивая доспехами, незванные пришельцы из Рима.

Вот один из таких городов — древний Трир. Здесь на тесной Брюккенштрассе, 10, в крохотном домишке, чудом уцелевшем в вихре перемен, стояла колыбель Карла Маркса. Вот Гейдельберг, карабкающийся по скалам в долине Неккара. Когда-то обитель школяров и алхимиков, он давно уже стал одной из западногерманских университетских столиц, где ни кайзеру, ни Гитлеру так и не удалось похоронить вольнодумство. Неподалеку отсюда город, воспетый немецким поэтом конца позапрошлого и начала прошлого века Генрихом фон Клейстом в его «Кетхен из Гейльбронна». То была милая романтическая история, разыгравшаяся в тихой провинции, и она никак не вяжется с грохочущим бездушным Гейльбронном, каким он открывается при внимательном рассмотрении. И все же имя этого города, как и имена его соседей, воскрешает в памяти образы романтиков и мыслителей, первых борцов на баррикадах против бесправия, образы молодого Маркса и его сподвижников.

Катишь по автострате, и в окне машины кружат перелески, холмы, остроконечные шпиль далеких церквей, подернутые осенним багрянцем дубравы. Глядишь и думаешь: не верь глазам своим! Как обманчив этот мир издали, если предаваться одним лишь воспоминаниям и не заглядывать под призрачный колпак туристских красот, чтобы познать сущность дела. Ничто не было бы дальше от действительности, чем представление, будто перед нами буколические картинки из старинного немецкого катехизиса. Приглядитесь повнимательнее, заезжайте в один городок, в другой, бросьте взгляд на облака, за которыми грохочут невидимые с земли «фантомы», присмотритесь к самой автострате, по которой то и дело пронесется зеленые грузовики с пометкой «U. S. Army», и вы мгновенно вернетесь на грешную землю.

А она грешна здесь, как нигде в Западной Европе. Между обледеневшими скалами Нордкапа в Норвегии и солнечными пляжами Сицилии нигде не сосредоточено столько ядерных зарядов, как здесь. Нигде в Западной Европе американцами не спрятано под сенью дубрав столько «консервов смерти» различного содержания и упаковки, как именно здесь. Когда-то вошедший в легенду курфюрст Иоганн Казимир, лихой охотник, стяжал себе известность своими буйными экспедициями в рамштейнские леса. В те давние времена они казались безбрежными — в них вольно разгуливали не только курфюрст с челядью, но — ирония судьбы — и его восставшие крепостные, осмелившиеся поднять руку на грозного и жестокого владыку.

А теперь? От былой безбрежности или, лучше сказать, дремучести и следа не осталось. Не знаю, рискуют ли еще иные легкомысленные галки опускаться на ветви деревьев в этих лесах. Людей там, во всяком случае, нет, если исключить молодчиков в американской униформе, совершающих прогулку с овчарками между рядами колючей проволоки — ряды эти прочертили здесь лес вдоль и поперек. Под покровом густых елей, дубов и платанов таятся на протяжении многих сотен гектаров

Николай ПОЛЯНОВ

ТЕНЬ

РЕПОРТАЖ ИЗ ФРГ

американские запасы оружия, предназначенного для массовых убийств. Западногерманские борцы за мир подсчитали: только девять ядерных ракет из тех, которые недавно были привезены в Рамштейн самолетами с той стороны Атлантики, могли бы разрушить больше, чем было разрушено в Германии в ходе второй мировой войны.

Густое покрывало секретности накинута на эти леса, дороги, деревушки и даже на сам город Рамштейн. Если вы поедете по улице, лежащей несколько в стороне от главной артерии, то рискуете столкнуться с «джипом», в котором сидят три солдата в белых шлемах американских военных полицейских. Они вас не только подозрительно оглядят, не только ощупают ваши карманы, но и с пристрастием допросят насчет «куда» и «почему», а в довершение всего пригрозят:

— Попробуйте только еще раз появиться в этих местах, мы вам тогда покажем!

Некоторые западногерманские журналисты, в том числе коллега из журнала «Штерн», попробовали. И в два счета очутились в кутузке.

Впрочем, незачем даже совершать путешествие в места, оцепленные колючей проволокой под током наподобие гитлеровских концлагерей. Зловещее дыхание американской военной машины в Рамштейне, в окрестностях этого города, в долинах Рейна и Неккара да и во всей Западной Германии чувствует каждый человек. И большинство не мирится с этим! Вновь и вновь выходят люди на улицы этой осенью. Становится известно, что через Атлантику под покровом ночи к рейнским берегам перебрасываются все новые «першинги-2» и крылатые ракеты. Правда, в разобранном и закамуфлированном виде. Американский военный аэродром в Рамштейне — главная перевалочная база. Здесь совершают посадку слоноподобные «гэлакси», в чреве которых через океан перебрасывается атомный фрахт. Отсюда он на вертолетах рассовывается по широкому кругу стартовых площадок — иные из них находятся неподалеку от Рамштейна, другие — подальше, например, близ городка Швебиш-Гмюнд. Американские режиссеры и их западногерманские подопечные стараются побить рекорды хитроумия: ночь, строжайшие каноны секретности, мощные залпы дезинформации плюс успокоительные речи, звучащие в резиденции канцлера в Бонне, — все пущено в ход, лишь бы скрыть от общественности существо и размах преступного заговора.

Но глаза нынешних западных немцев становятся все зорче. Подобно своим единомышленникам в Англии, где борцы за мир устроили едва ли не постоянный бивак протеста у ограды военно-воздушной базы Гринэм-Коммон, противники войны в Федеративной республике действуют все энергичнее. Автор этих строк видел их близ Швебиш-Гмюнда — молодые и старые люди, одетые в походные куртки, с рюкзаками в руках, сидели около проволочной ограды американской военной базы. Женщины пришли с детскими колясками. Старик принес с собой одеяла: опасно простудиться в пожилом возрасте. Несколько мужчин с мегафонами переходили от одной группы к другой и разъясняли обстановку. Демонстранты не дрогнули, когда на них двинулись полицейские в шлемах и с пластиковыми щитами наперевес. Чуть ли не каждого из участников протеста полицейским пришлось тащить за руки и за ноги в тюремную машину, которую здесь именуют «Зеленым Генрихом». Вся округа была заполнена этими темно-зелеными тюремными камерами на колесах, но они долго не двигались с места, долго оставались пустыми: демонстранты продолжали сопротивляться натиску полицейских.

Американские солдаты на химических маневрах в ФРГ.

Фото из журнала «Штерн».

Могут сказать: но все-таки полиция победила, не так ли? Да, ей в конечном счете удалось рассеять демонстрантов. Но люди во всей Федеративной республике узнали об этом. Неравное побоище показало телевидение не потому, что телевизионные боссы на стороне борцов за мир, а потому, что массовое столкновение с полицией — это сенсация, которую нельзя не замечать. Об этой сенсации писали и газеты. Против корней зла — ядерных ракет — с гневом высказывались многие видные люди: ученые, писатели, священники, ряд политиков из числа социал-демократов и «зеленых».

Пастор Ганс Иоахим Дёффлер давно уже, более двух десятилетий, живет в этих местах. На его глазах американцы соорудили в гуще лесов свои ядерные депо. Более чем сто начиненных сатанинской взрывчатой силой складов разбросаны там, где раньше на лесных опушках зрела знаменитая здесь свекла, а на склонах холмов — виноградники. И вот сейчас, мысленно оглядывая родные перелески и поля, пастор, пожилой человек, знающий

здесь каждую семью со всеми ее радостями и невзгодами, с грустью вздыхает:

— Мы живем на пороховой бочке, точнее сказать, на крыше крупнейшего ядерного склада Соединенных Штатов в Западной Европе.

Приход Дёффлера — его называют «священником мира» — находится в Виггенсбахе, неподалеку от Рамштейна. Но во всем Пфальце едва ли найдется человек, который бы не знал пастора. И, конечно, не потому, что люди пропададут на проповедях в церкви: просто этот священник, как выражаются немцы, не намерен «прикрывать рот листочком». Он громко говорит то, что думает. А его мысли очень-очень тревожны для Рамштейна, для Пфальца, для всей Западной Европы.

— Американцы играют возможностью нанесения первого удара по социалистическим странам, — говорит он группе прихожан, встретившихся у бургомистра в Кацвейлере, небольшом поселке в двух минутах езды от Рамштейна, — поэтому они так спешно и вооружаются. Уже сегодня на каждого из нас,

«ПЕРШИНГОВ» НАД ДУБРАВАМИ

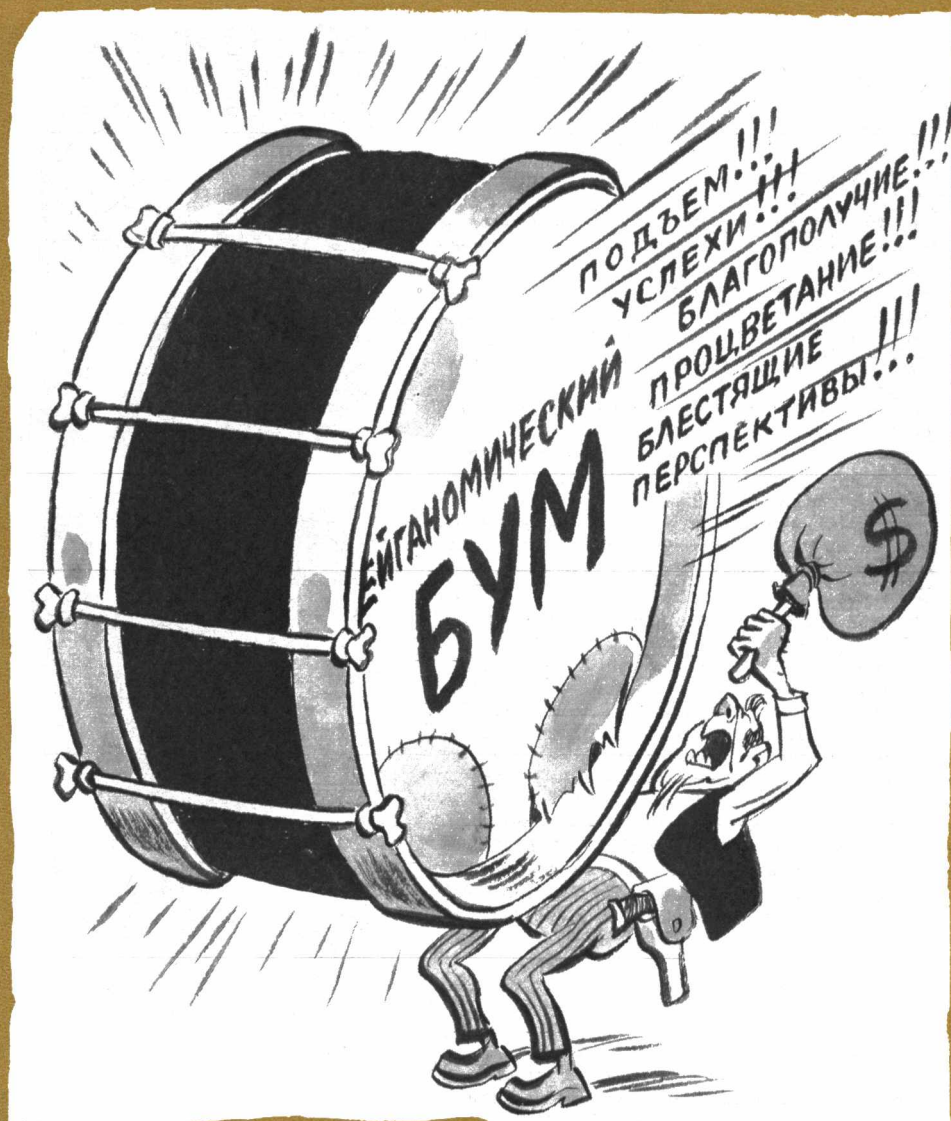

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

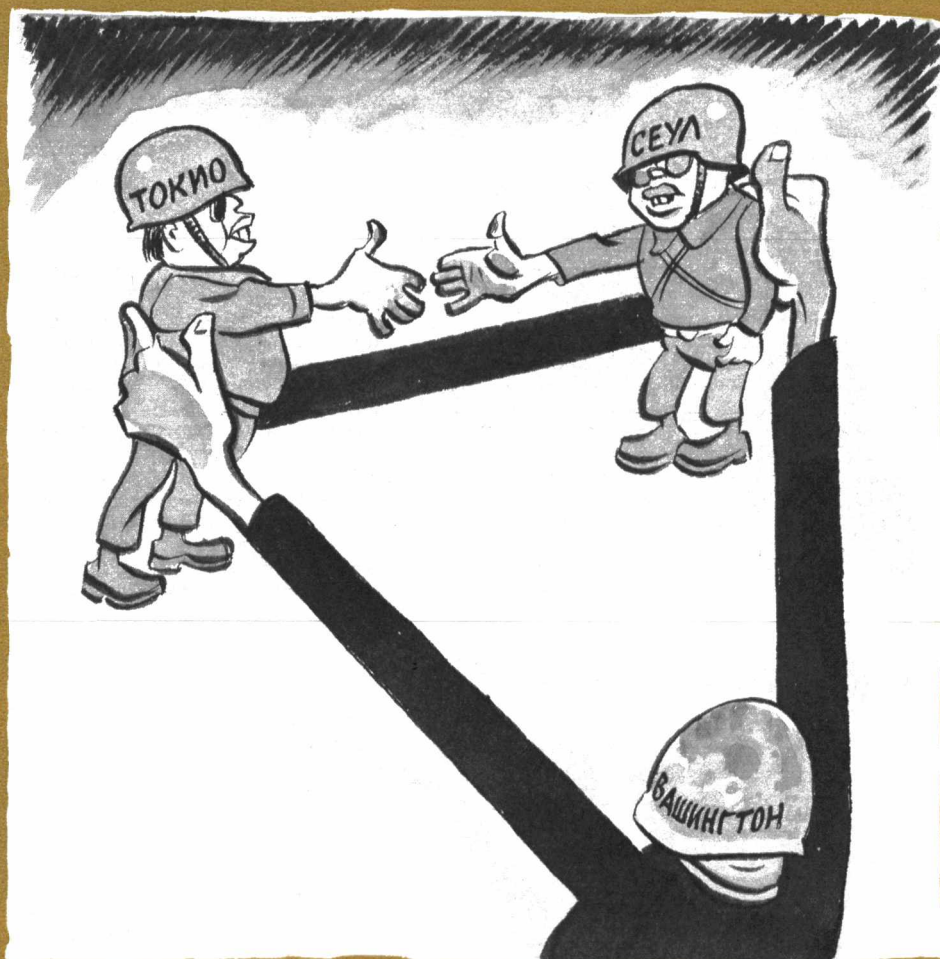

Тут над палатою палата:
Расист играет в демократа.

Бор. Е. - 84.

Вовсю грохочет барабан,
Но этот «бум» — сплошной обман.

Поймет, наверно, даже школьник,
Что агрессивен «треугольник».

Рис. Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

здешних жителей, приходится по меньшей мере полтора тонны взрывчатки.

Рядом с пастором стоит Вольфганг Юнг, учитель из Кайзерслаутерна и один из тамошних активистов «мирной инициативы». Он добавляет:

— В Мизау (тоже небольшой поселок около Рамштейна) находится крупнейший оружейный склад в мире. И если бы американцы использовали лишь стартовые площадки Рамштейна, они могли бы одним нажатием кнопки ввести в дело 192 ядерные боеголовки. Но и этого мало: в Киндсбахе действует новый командный бункер американских военно-воздушных сил. В Вейлербахе созданы пусковые площадки — на них размещаются крылатые ракеты. В Зембахе расширяют военный аэродром. И все это перед дверью нашего дома...

Если проехать немножко дальше, по направлению к французской границе, расположенной здесь не слишком далеко, то вскоре попадаешь в деревню Фишбах, что означает по-русски «Рыбный ручей». Старое пасторальное название, но как далеко оно от действительности! Ни ручья, ни рыб здесь не найдешь. Но зато крупнейшее депо американской армии, раскинувшееся на восьмистах гектарах среди холмистых лесов, расположено именно в этих местах. Оно в несколько рядов опоясано проволочной оградой. Знатки говорят, что в глубине леса есть специальные, особенно секретные депо, в которых хранятся отравляющие вещества наивысшей токсичности. Участники «мирной инициативы» считают, что это многие сотни тонн «зорина» и отравляющего вещества под названием «фау-икс». Такого количества вполне достаточно, сообщает в изданной здесь листовке, «чтобы погасить все человечество»... Если только один бочонок, содержащий «фау-икс», получит течь, то в густонаселенной местности немедленно погибнут триста тысяч человек.

Теперь и мне, заезжему журналисту, более понятны фигуры «марсиан» — так я называю для себя облаченных с ног до головы в специальные одежды и увешанных противогАЗами американских солдат, расхаживающих с приборами и коротковолновыми передатчиками по округе. Но попробуйте спросить представителя местных властей, скажем, того вон полицейского, который маячит на перекрестке: что все это означает?

В ответ на мой вопрос полицейский чин изображает фигуру умолчания. Он не видит ничего предосудительного. Ничего не слышит предосудительного. И ни о чем рассказать не может. Бургомистр Эдмунд Ланберг, отвечая на настойчивые вопросы журналистов, в свою очередь, говорит:

— Мне самому ничего неизвестно — все здесь в полном порядке. Жители не интересуются тем, что здесь, в лесах, спрятано.

Словом, ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не говорю. Находятся даже политики, которые утверждают, что все не так уж страшно: люди в течение двух поколений живут здесь бок о бок с сатанинскими силами войны, и ничего пока не стряслось. Они, мол, давно перестали интересоваться тайной здешних лесов, свиклись и с «першингами», и с «томагавками», способными в мгновение ока истребить все живое. И ничего — не тужат!

В ответ хочется крикнуть: не верьте этим фальшивым и унижительным для людей рассказам! Впрочем, можно и не кричать — ведь никогда еще в самом Рамштейне, в окрестных городах да и по всей Федеративной республике здравый смысл не заявлял о себе с такой решительностью, как именно сейчас. Все меньше людей дают себя обмануть успокоительными речами американского генерала Роджерса, атлантического главнокомандующего, твердящего по каждому поводу, что западным европейцам бояться-де нечего: могущественный джинн надежно спрятан в бутылке, и выпустят его только в том случае, если иначе нельзя будет поступить.

Но действительность — это не сказка о пленном злом духе, а суровая реальность, воплощенная в крупнейшем в Западной Европе американском арсенале, своего рода сверхъестественной пороховой бочке, на крышке которой американцы любезно просят западных немцев устроиться поудобнее.

Когда не столь давно ряд западногерманских журналистов обратился в Майнце, столице земли Рейнланд-Пфальц, в министерство внутренних дел к д-ру Карлу-Хайнцу Кнайсу из отдела «Защита от катастроф и гражданская оборона» и с деланной наивностью спросил: «Скажите, пожалуйста, г-н доктор, что же нас ожидает в будущем? Если под нашими ногами прячется столько взрывчатки, как в Пфальце, а над нашими головами грозятся вот-вот подняться атомные «першинги» и «томагавки», то что станет с нами?» — ответ последовал все тот же:

— Нам ничего обо всем этом неизвестно. Мы, конечно, знаем, где в Пфальце находятся американские склады боеприпасов, но что хранится в этих складах — отравляющие газы или ядерные боеголовки, — это нам, ей-богу, неизвестно.

Поскольку вездельные корреспонденты не смогли добиться в Майнце ясного ответа от власти предрекающих, они поехали по Рейну в столичный город Бонн. Но и там услышали

лишь речи, от которых веяло могильным холодом: «Отвечают за все американцы!»

А американцы, когда у них, в свою очередь, попросили разъяснений, недовольно буркнули:

— По американским военным правилам, мы в ответ на запросы не можем ни подтвердить, ни отрицать наличия оружия массового уничтожения на наших западногерманских складах.

Коллеги-журналисты, которые вели дознание в Бонне и в штаб-квартире американских войск, прокомментировали все это старой немецкой поговоркой: нас просто хотят продать за дураков.

Но чем дальше, тем труднее это сделать. И в Пфальце, и в Швабии, и в других местах юго-западной части Федеративной республики, и на ее севере, западе, востоке — в доках Гамбурга, среди машиностроителей Кельна, Вольфсбурга — повсюду зреют грозды народного гнева. Нигде в прошлом мне не приходилось видеть такие могучие демонстрации борцов за мир в западногерманских городах, как в последние месяцы. Никогда еще не был столь склонен к активным действиям «человек с улицы», как именно сейчас. И никогда еще не была у него столь сильна уверенность, что миллионы рук, сомкнувшись в одном могучем кулаке, смогут противостоять заокеанским пришельцам и их западногерманским слугам и партнерам.

Я снова на автострате. Еду на северо-запад — в Бонн. Снова мелькают в окне автомобиля остроконечные шпили церквушек, россыпи красных черепичных крыш, все те же благодущные коровы на зеленых склонах холмов. А вдали медленно кружат леса, тронутые осенью. Они расплавляются чистым золотом листьев за летнюю щедрость солнца. И снова думается: как обманчиво это благополучие! В любую минуту над дубравами могут появиться «першинги», а из лесов выйдут те самые «марсиане», которые бродят по улицам окрестных городов, чтобы открыть кран накопленной отравы. Когда в феврале в этих местах празднуют карнавал, то потешные принцы и принцессы поют веселую песенку: «Кто однажды бывал здесь, тот никогда не забудет вернуться!» Сейчас эти куплеты представляются не слишком точными. Кто однажды бывал здесь, хочется сказать, тот должен из всей силы бороться, чтобы не исчезнуть с лица земли, не сгореть в атомном пламени и иметь возможность в будущем нацепить на голову веселый карнавальный колпак — символ торжествующей жизни.

Бонн — Москва.

ЧИЛИ: ГНЕВ НАРОДА

Массовые выступления и манифестации противников хунты захлестывают Чили, подкапываются к президентскому дворцу Ла Монеда, грозя смыть фашистскую нечисть, вот уже одиннадцать лет бесчинствующую в этой многотрадной стране.

Да, Чили бурлит. Пиночет и его приспешники, по существу, остались в полной изоляции, опираясь только на штыки воинских подразделений, куда дух протеста и преобразований еще не проник. Что же удерживает этого кровавого фашиста у власти? В первую очередь щедрая финансовая и прочая поддержка заокеанского дяди, который ублажает и лелеет диктатора, являющегося главным кредитором и покупателем чилийской меди за бесценок.

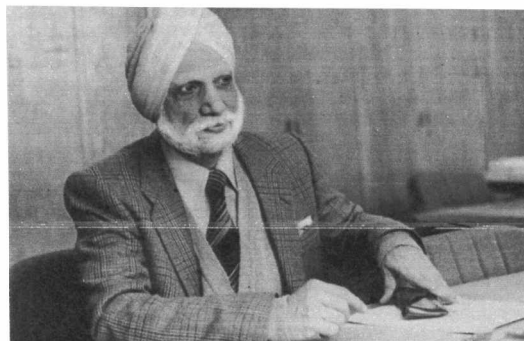
В настоящее время в различных странах мира проживает 163 тысячи чилийских беженцев. Как заявил Хайме Инсунса, один из руководителей Коммунистической партии Чили, «сколько еще времени продержатся Пиночет и его приспешники, зависит не от самого режима, а от объединения всех демократических сил Чили».

Час гибели диктатуры приближается. Ни новые кровавые злодеяния, ни уловки, ни хитрости не помогут фашисту. Чаша гнева переполнена.

На снимке: полиция арестовывает участника антипиночетовской демонстрации.

Телефото АП — ТАСС

Гость «Огонька»

Среди индийских писателей имя К. С. Дуггала пользуется заслуженной известностью. Он выпустил около двадцати сборников рассказов, написал семь романов, несколько драматических произведений, а также две книги поэм.

Недавно К. С. Дуггал побывал в редакции нашего журнала и рассказал о своем творческом пути, о новых веяниях в литературе современной Индии, о своей общественной деятельности. Наш гость пишет на языке пенджаби, на котором говорит большинство индийского штата Пенджаб, расположенного в северо-западной части страны на границе с Пакистаном. Дуггал работал в ряде государственных учреждений — был директором Всеиндийского радио, занимался издательской деятельностью, работал советником министерства информации. Сейчас занимает пост президента Пенджабской академии литературы, является заместителем редактора журнала «Лотос», который издает Ассоциация писателей Азии и Африки.

Владимир ПОТРЕСОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

И грянул бой...

В ночь на 27 июня 1709 года шведский король Карл XII снял осаду Полтавы и, оставив в траншеях перед крепостью лишь незначительную часть своего 32-тысячного войска, двинул армию на север. Король нарушал договоренность с русскими, согласно которой генеральное сражение назначалось на 29 июня, но Карл считал, что имеет на то причины. Перебежчик донес ему, что Петр I ждет к 29-му числу подкрепление — конницу Аюкаханана.

Король жестоко страдал от ран, полученной им во время мальчишеской ночной вылазки к русскому лагерю, невеселы были и его мысли.

Шел девятый год Северной войны. Рухнули планы захватить с севера Москву, конница князя А. Д. Меншикова отвоевала огромные запасы продовольствия и артиллерию, которые сосредоточил в Батурине для шведской армии изменник украинского народа Мазепа. В сражении у деревни Лесной русские драгуны наголову разбили шестнадцатитысячный корпус Левенгаупта, захватили семнадцать орудий и семь тысяч повозок с различными припасами. Ширилась на Украине партизанская война, русская армия изматывала силы неприятеля в бесконечных стычках.

Армия Карла под Полтавой день ото дня таяла. Шведы не ожидали такого: деревянная крепость с небольшим гарнизоном под командованием полковника Алексея Степановича Келина почти три месяца сдерживала штурм сильнейшей европейской армии. Не раз уже отважные викинги пробивали крепостные стены, вновь и вновь шведский сигнальщик, задрвав трубу к небу, на валу цитадели трубил общую атаку, но тут, откуда ни возьмись, появлялся этот отчаянный Келин и, увлекая за собой солдат, казаков, горожан, сбрасывал в ров войска Карла. Вспомнили осажденные и старинный «копел», или, как его называли в Полтаве, «машину с крюком», с помощью которой полтавчане «добывали» шведских саперов, пытавшихся заложить под стены крепости бочонки с порохом.

4 июня Петр I привел русскую армию к Полтаве, но не смог переправиться через разлившуюся от обильных дождей Ворсклу на виду у шведов. Тогда царь написал осажденным письмо, в котором благодарил за стойкость и обещал скорую помощь. Письмо запечатали в полое пушечное ядро, и кудесник русской артиллерии генерал-фельдмаршал Яков Вилимович Брюс рассчитал траекторию этого необычного снаряда.

...Зима 1708/09 года выдалась на Полтавщине на редкость холодная, да и наступившее лето не баловало: дожди да дожди. Шведская пехота, покинув предместья Полтавы, разделилась на

четыре эшелона и зачавкала по жирному украинскому чернозему. Сзади шестью колоннами двигалась кавалерия.

Верстах в пяти от города войска втянулись в узкое дефиле, образованное Малобудицанским и Яковчанским лесами. Неожиданно тишину украинской ночи разрезал дружный залп: головной отряд шведов наткнулся на русский редут. Первый этап сражения, вошедшего в историю под названием «Полтавская битва», начался.

В мае 1984 года возле 22-й полтавской школы в Дублянце — районе Полтавы, в километре от села Крутой Берег, где 16 июня 1709 года военный совет русской армии решил дать врагу генеральное сражение, вели строительные работы. Строителям досаждали школьники, и когда один из них крикнул: «Дяденька, смотрите, старинная пушка!» — ребята были изгнаны со стройплощадки. Вечером школьники вернулись с лопатами и выкопали пушку. Сотрудники музея истории Полтавской битвы установили, что это русское орудие, относящееся к началу XVIII века, скорее всего находилось на вооружении армии Петра I.

Конечно, такая находка — редкость. Но до сих пор на поле великой битвы находят пушечные ядра, ружейные пули. Эти предметы пополняют экспозицию музея истории сражения, фонды которого насчитывают свыше четырех тысяч экспонатов. Здесь боевые знамена, орудия, ручное огнестрельное и холодное оружие, батальные полотна, карты и схемы боевых действий.

В музее собрана уникальная коллекция гравюр времен Северной войны. Если до XVIII века в этом виде изобразительного искусства господствовали религиозные мотивы, то в начале века стала преобладать светская и военная тематика: планы и картины сражений, географические карты, портреты Петра и его соратников, изображения крепостей.

Двадцать гравюр из коллекции музея изображают Полтавское сражение 27 июня 1709 года. Среди произведений отечественных и западноевропейских мастеров Зубова, Пикара, Симоно, Лармессена, Кааса, Фецила исключительную ценность представляет выполненная на медной пластине гравюра Патрикия Балабина для первого в Полтаве памятника победы над шведами. Художник изобразил генеральную баталию. На переднем плане Петр в сопровождении генералов во главе армии-победительницы. Слева из укрепленного лагеря ведет огонь русская артиллерия, справа — линии петровских редутов, а вдали — полтавская крепость, Крестовоздвиженский монастырь и село Семёновка — место переправы русской армии. Изображение доно-

сит мельчайшие подробности сражения: кавалерия и пехота на позициях и в бою, трубачи и знаменосцы, полевые палатки, орудия в русском лагере, бочонки с порохом, оружие, обмундирование — все с предельной точностью начертано резцом мастера.

Необычна судьба этой картины. В начале XIX века памятник разобрали, и гравюра попала в Воскресенскую церковь. В 1909 году она была передана в музей Полтавской битвы, а затем — в областной краеведческий музей. При отступлении в 1943 году немецко-фашистские захватчики уничтожили здание музея. При разборке руин была обнаружена гравюра Балабина в сильно поврежденном виде. Многие годы она находилась в реставрации, прежде чем ей был возвращен первоначальный вид.

Одной из главных задач Петра I было всячески препятствовать построению шведов в линейный ордер, в котором они практически не знали поражений. Для того, чтобы раздробить ряды армии Карла XII, и были построены русские редуты в виде буквы «Т», обращенной основанием в сторону движения шведских войск, на расстоянии ружейного выстрела друг от друга.

Ценой больших потерь, захватив всего два недостроенных редута, шведы прорвались к полю, где их встретила конница Меншикова. Русская кавалерия увлекла за собой основные силы шведского войска, подставив его под фланговый огонь из военного лагеря. Чтобы избежать губительного орудийного огня, армия Карла скрылась в Малобудицанском лесу, а когда, закончив перестроения, шведы появились наконец на поле брани, король увидел перед собой:

Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков блестящих,
стройных,
Послушных, быстрых
и спокойных,
И ряд незаблемый штыков.

Так в поэме «Полтава» А. С. Пушкин представляет только что созданную регулярную русскую армию.

Изменник выдал Карлу еще один секрет: петровские новобранцы выйдут на поле брани в серых мундирах, поэтому шведы нанесли свой первый тяжкий удар по левому флангу, по мундирам

мышинного цвета. Но перед генеральной баталией Петр переодел свой опытный, закаленный в сражениях Северной войны Новгородский полк в серые мундиры. Первый батальон новгородцев прогнулся под мощным натиском, и тогда врага контратаковал второй батальон, во главе которого находился полковник Петр Алексеевич — Петр I.

Эта атака явилась сигналом к общему наступлению, опрокинувшему противника по всей линии.

Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи.
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

На «Плане современных окрестностей города Полтавы, заключающем переправы армии Императора Петра I через р. Ворсклу и поле сражения 27 июня 1709 по съемке в июне 1909 года» вся местность, где произошла Полтавская битва, называется «Шведская могила». Здесь шведский король потерял свыше девяти тысяч своих воинов. «Карл XII, — писал Фридрих Энгельс, — сделал попытку вторгнуться в Россию; этим он погубил Швецию и воочию показал неприступность России».

На второй день после сражения в братской могиле были погребены 1345 рядовых и офицеров петровской армии. На высоком холме над могилой высится сейчас семиметровый гранитный крест. Вокруг холма — 27 массивных тумб, между которыми укреплены тяжелые цепи. Внутри кургана небольшое помещение бывшей часовни. В центре — скромная гранитная плита.

В 1981 году было принято решение о создании в Полтаве историко-культурного заповедника «Поле Полтавской битвы».

Вместе с заместителем директора заповедника Я. Г. Иванюком пересекать границу заповедной зоны с южной стороны, откуда в ту памятную ночь двигались войска Карла XII. Белыми обелисками обозначены редуты. Слева, за дорогой, восстановлена фортификация второго редута поперечной линии. Отчетливо видны валы, рвы, пушечные раскаты.

Время сильно изменило местность: исчезли Малобудицанский и Яковчанский леса, через поле битвы пролегла шоссейная доро-

Фрагмент диорамы «Полтавская битва». Художники А. Горпенко, Г. Марченко, Н. Жашков * Обелиск на месте переправы русской армии через реку Ворсклу 20 июня 1709 года * Медали, выпущенные в честь Полтавской баталии * Портрет Петра I. Неизвестный художник. Конец XVIII века * Пистолеты периода Северной войны.

га. На трехстах гектарах заповедника расположено около двадцати памятников и музей истории Полтавской битвы. Рядом с братской могилой русских воинов высится красное здание бывшей Сампсониевской церкви, построенной по замыслу Петра I, но только гораздо позже — в XIX столетии.

В 1855 году кадеты Полтавского Петровского корпуса восстановили часть укрепленного русского лагеря — редан. Это выдвинутый уступом почти трехметровый вал с глубоким рвом, а на острие — оружейный раскат.

С северо-восточной стороны заповедника на высоком живописном берегу, нависшем над долиной Ворсклы, гранитным обелиском обозначено место переправы русской армии 20 июня 1709 года.

«В золотом щите черный трехугольный памятник, украшенный золотом кольцеобразной змеею. За памятником два зеленых знамени с золотым вензелевым изображением имени Петра... Все сопровождается в главе щита двумя косвенно накрест положенными мечами» — так в гербе Полтавской губернии запечатлена память об историческом сражении. Город хранит реликвии героической обороны. В тени могучих деревьев белеет небольшая Спасская церковь, возле которой горожане клялись отстоять крепость. В центре города на просторной круглой площади в окружении гранитного каре, оштетинившегося пушками, высится венчанный золотым орлом с лавровым венцом в клюве монумент Славы, воздвигнутый по проекту Тома де Томона и скульптора Ф. Щедрина к столетию Полтавского сражения.

В одной из самых горячих точек обороны крепости лев напряженной бронзовой лапой сжимает гранитный пьедестал — это памятник коменданту крепости Полтава полковнику Келину и мужественным защитникам города.

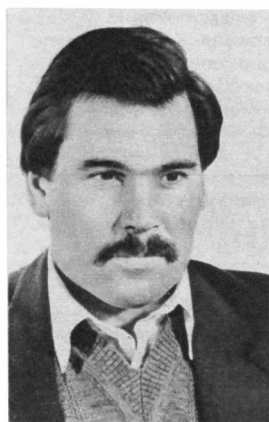
К 275-летию юбилею Полтавской битвы сотрудники заповедника подготовили к обзору исторический редан русского военного лагеря, на очереди — реконструкция улового бастиона.

По планам XVIII века в черте города раскрыты остатки Чернецкого и Подольского бастионов цитадели, крепостных валов, порохового погреба.

Создается более наглядная, эффективная экспозиция музея истории сражения. Ее центром станет новый макет генеральной баталии, насчитывающий несколько тысяч оловянных фигур, повозок, пушек, и реконструированная диорама «Полтавская битва».

В ближайшие годы задумано освободить поле битвы от кустарника и ненужных строений, восстановить леса в границах XVIII века, яркими декоративными растениями обозначить прямоугольники русских и шведских полков перед генеральным сражением. В скором времени будет построена дорога в объезд исторического места.

Диорама «Полтавская битва». Фрагмент * Здесь находился командный пункт русской армии в Полтавской битве.

Георгий ЗАЙЦЕВ

Мужество есть великое свойство души; народ, им отмеченный, должен гордиться собою.

Н. М. Карамзин

АЗБУКА СУДЬБЫ

1

Заплаткой на штанах сверкало детство
На косогорах, в рощах и лугах.
Но часто так тоскующее сердце
Бывает там,
на милых берегах.

Ах, этот домик с маленьким оконцем,
Где я провел прекрасные часы!
Огромное восторженное солнце
Дарило радость капелкам росы.
Здесь дед Иван работал

спозаранок.
Осиной пахло, терпкою сосной.
Шептал слова протяжные фуганок,
А дед Иван беседы вел со мной.
Обычные, казалось бы, детали,
Но, вероятно, там, у верстака,
В моей душе словечки прорастали,
Чтобы словами стать наверняка.
Звенел сверчок, шептались нежно

стружки,
От запахов кружилась голова,
А дед чеканил добрые кадушки
Из пней, что все пускали на дрова.
Ну прямо на глазах вершил он

чудо
И собирал дежу «из ничего».
Идут года, но я не позабуду
Высокого умения его.
А он швырял на пол свое

творенье,
Да так, что сердце ойкало мое,
И, подождав какое-то мгновенье,
Шептал:
«Послушай, дерево поет!
А коль запело, не сгниет

досрочно.
Но слуху ты не очень доверяй,
Свою работу проверяй на

прочность —
На самый пик нагрузки,
проверяй!..»
Потом он пел негромко

и протяжно,
Я песню эту слышу до сих пор.
По-моему, она о самом важном,
В ней шел о жизни трудной

разговор:
«Ой ты, поле-полюшко —
Непростая долюшка!
Золотая житница,
Хлебом пот откликнется.
Я по полю людному,
Я по полю трудному
Все иду к заветному
Берегу рассветному.
Путь-дорожка стелется,
И березка-девица
Смотрит — улыбается,
Смотрит — удивляется.

Нерунов пол

ПОЭМА

Здравствуй, поле людное,
Здравствуй, многотрудное!
Я иду к заветному
Берегу рассветному!»

Меня судьба, но в жизни
непростой
Мой новый шаг по колеям России
Незримо связан с первой
бороздой.

2

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

*Если у мужика одна рука,
Не мужик в семье —
полмужика.
Поговорка*

1

Мой дед в войну был поваром
в пехоте,
Он щи варил своей стрелковой
роты
И термоса таскал к передовой,
Поскольку был негоден

к строевой.
Но от беды он все же не ушел:
Она вошла осколками снаряда
В плечо и руку левую солдата,
И дед страдал и телом и душой...
«Очнулся, а рука — в бинтах, как

палка,
А плотнику особо руку жалко.
Ну, а потом был госпиталь

и тыл...»
Дед вспоминать об этом не любил,
А друг его, Никита, был танкист,
Перед войною — лучший

тракторист.
Рассказывал:
«В конце войны, под Прагой,
Я распрощался с родненькою

правой,
У самой Влтавы руку потерял!..» —
И он рукав рубашки поправлял.
Был под ремнем рукав ее
пустой —
Немой свидетель жизни непростой.

...Таковыми возвратились два
солдата
С войны
В село старинное когда-то.
Пришли с двумя руками на двоих,
Когда уже почти не ждали их.
Вернулись молодые мужики,
Но поживи, попробуй, без руки!

2

Дед Иван не унывал,
К верстаку с утра вставал.
И родне на удивленье
Смастерил приспособленье:
Покумекал мужичок —
Получился держачок!
Ставил дед его к стене
И, подмигивая мне,
Он топориком тесал,
Будто песенку писал:
Тук да тук — сдавайся, сук,
Все равно тебе — каюк!
Но когда рубанок брал —
Тот скользил и не стругал,
Ведь была у мужика
Только правая рука:
Шуму много, толку нет...
Наловчился все же дед.
Стружки кольцами летели,
Доски свежие блестили.
Улыбался дед глазами,
Обжигался он слезами.
(Помню это как сейчас —
Слезы кр-у-пные из глаз!)
Не беда, что боль в ладони
И огнем всю руку жгло.

Дед сидел, как царь на троне,
Знать, от сердца отлегло...
А Никита плел корзины,
Запасал к зиме лозины —
По три воза лозняка
Привозил от лесника.
Пять детей у деда было,
У Никиты было шесть.
Помню, бабушка шутила:
«Нет руки, да корень есть!»
Он мне любый и такой,
Ненаглядный, дорогой!»

3

Праздник в деревне — такая пора,
Что не помеха ни ветры,
ни стужи.
И гармонист — так уж водится —
лучший
«Режет» веселую прямо с утра.
И постепенно народ прибывает,
Словно в реке в половодье вода.
Кажется, он обо всем забывает,
Кажется, он не страдал никогда.
Кто-то впрыскалку пошел огневую,
Кто-то «хлопушку» рассыпал
в кругу,
Кто-то, девчонку обняв озорную,
Вдруг восклицает: «Ой-ой,
не могу!»
Солнце колыхнется в омуте
древнем,
Марево по полю катит волной.
И до утра по весенней деревне
Светлое чувство гуляет со мной.

4

Третий день в селе гулянье,
Но усталость не берет.
Голосистые страдания
Председательша поет.
Я восторга не скрываю:
«Браво!» — весело кричу.
Тетю Дашу донимаю:
«Попляшите!»
«Не хочу!»
Улыбнувшись, тетя Даша
Говорила: «Рази щас
Так, как прежде, девки пляшут!»
Поглядел бы ты на нас!
Мы, бывало, суток трое —
Уж поверь, что я не вру, —
И морозною порою
Танцевали на бугру.
А Иван с Никиткой были
Музыканты — высший класс;
Балалайки не грустили,
Подзадоривали нас. —
Но вздыхала тетя Даша
И грустнела на глазах. —
«Отзвенела юность наша
Балалайкой на лугах!»

5

Мой дед брал в руку балалайку,
Но без руки, поди, сыграй-ка!
И ждали все в который раз,
Как двое сдвинутся сейчас:
К плечу — плечо,
к руке — рука,
К полмужику — полмужика!
Один — рукою гриф сожмет,
Другой — по струнам бить начнет,
И заиграют в две руки
На балалайке мужики.
Запляшут пальцы на ладках,
Проснется юность в мужиках.
Они играют не дыша:
Душа — к душе,
к душе — душа!
Забыв печали и обиды,
Играют
— нет! —
не инвалиды,
Но в тети Дашины глаза,
Я вижу, просится слеза.
А два веселых мужика
Взлетали в песне в облака...
Не музыкальная, не та
Им покорила высота!
Где, встав со всеми наравне,
Бывали счастливы вдвойне...

БОЛЬШАЯ ДУМА

1

Когда проходят летние заботы
И зимние приходят вечера,
Деревня отдыхает от работы,
Припоминая шумное «вчера».
И дедова большая пятистенка
Была заместо клуба мужикам.
До хрипоты там спорили

частенько,
И было интересно паренькам,
Ведь споры шли всегда открытым

текстом,
Поблажек не давалось никому.
За линию, намеченную съездом,
Голосовали все по одному.
И радовались планам и успехам,
И обсуждали местные дела,
Шутили, но совсем не ради смеха,
А чтобы жизнь улыбчивей была.
«Вишь, выдумали: «Лишняя

скотина»,
Нашли меня — Ивана-дурака!
Коровка или птица — все едино,
Готовы драть три шкуры

с мужика!» —
Басил Илья — мужик крутой

породы:
«Не для того, кубить, я воевал,
Чтоб рыжий Тимка шастал

воеводой, —
Налог из нас за живность

выбивал!»

«А я тебе отвечаю!» —
Никита чеканил осуждения слова:
«Не рано ль, сват, война тобой

забыта?

Фашист разбит — и не расти

травя!»

А ты твердишь, как попка:

«воеводы!»

А у тебя десятка два овец

Какой-то там «романовой» породы,
Да плюс жена-телушка,

наконец!..»

И дружный хохот вспыхивал

мгновенно,
Но не сдавался въедливый Илья:
«Тут ни при чем супруга

совершенно,
Да и скотинка справная моя!
Ведь я кой-что да петрю:

что же это?

Куда идем, товарищ дорогой,
Когда детва моя полураздета?

Тут хошь не хошь — зашевелишь

мозгой!..»

Затем и дед вставал на тропку

спора

О жизни спор, и он молчать

не мог:

«Вот ты ведешь, Илюша,

разговоры

Про непосильный якобы налог!
Ты вспомни: кровью Родине

платили

Налог в войну, ты, милый,

не роптал.

Не все победы радость ощутили,
А кто дожил — такое увидал:
Мороз по коже — угли

да поленья!

По деревням зеленые юнцы

И сеяли и жали.

И терпенье

Хватило им, когда ушли отцы.
Возьмем другой вопрос:

дошли до точки,
Забыв веков традиции, спецы, —
Ведь не одни красивые цветочки
В лугах ценили деды и отцы.
Хоть знают все:

луга в жару любую

Питают скот, и — горе по плечу,
Но запахали жилу золотую,
А с этим я мириться не хочу!
Не все рублями измерять нам

надо,
И процентами роста по годам!
Душа болит, она совсем не рада,
Что молодежь в бегах по городам!
Но жизнь, она не топчется

на месте,
Она сдвигает горы на пути
И воздаст обычно честь по чести

Тому, кто незаслуженно в чести.
А мать-деревня всякое видала
И ей бывало тяжко иногда.
И, губы закусив, она страдала,
Но в солнечные верила года...»
О, мужики — философы от века!
Мотал на ус я дельные слова,
И споры те

живут во мне, как вехи,
Которые не скроет трын-трава.

2

Ну, откуда, скажи мне, Россия,
Эта вера в твоём мужике?
Ну, откуда великая сила
В человеческой душе, не в руке?
Не оставь мой вопрос без ответа!
Расскажи, докажи, укажи
На истоки высокого света,
На истоки прекрасной души!
Это — главное наше богатство,
И оружие против врагов,
Потому и хочу докопаться
До истоков, до их берегов.
Я корплю по ночам, постигая
Суть науки о завтрашнем дне,
Приоткрой, сторона дорогая,
Те истоки, что дороги мне!

ВЕЧНЫЕ ИСТОКИ

1

Какая даль! Игра какая света!
Вдыхаю свежесть утренней земли,
А косари под дымкою рассвета
Построились, как будто журавли.
Уже звенит веселый жаворонок,
Он песнями приветствует зарю,
И солнце, расшавившись, как

котенок,

К колодезному скачет журавлю.

Прекрасные, бессмертные

картины.

Они встают, как будто миражи,
Из памяти и в трудные годы
Становятся опорой души.

И новые тогда вливает силы
Магическое действо красоты,
Не зря же на холсты переносили
Картины эти

славные персты.

Не зря сходились русичи на сечи,
Как жизнью, отчим краем дорожа,
Не зря восторгом полнится

при встрече

От города уставшая душа!..

А даль-то, даль от солнца золотая!
Вот замерли внезапно мужики.
Как вкопанные встали, наблюдая
За клином журавлей из-под руки.

У журавлей высокие орбиты,
У журавлей тревожны голоса.
Забыв невзгоды, горечи, обиды,
Душа, ликуя, рвется в небеса.

2

Еще мальчишкой из рассказов

деда

Узнал я, что писали Ильичу

Крестьяне Праволамского

комбеда, —

В письме

истоки мужества ищу.

«...Мы осмеливаемся без разре-

шения Вашего поздравить Вас,

т.е. Высокого вождя русского ра-

бочего крестьянства Владимира

Ильича Ульянова-Ленина, день Ва-

шего рождения 23-го апреля срав-

нявшихся 52-летие...
...Мы готовы в любой секунд

грянуть на помощь стеной Высо-

кому вождю Владимиру Ильичу

Ульянову-Ленину, если кто позво-

лит против нашего вождя и рабо-

чего класса сопротивляться...
...Письмо писали все беспартий-

ные, все малограмотные, если не

действительно, власть трудящих-

ся».
(Из письма моих земляков —
членов комитета бедноты села
Правые-Ламки Тамбовской об-

ласти от 20 апреля 1922 года.)
«Интересно было бы знать, где
теперь автор этого письма, на-
сколько вырос он политически за
время, которое прошло с тех пор,
как он писал это письмо, может
быть, несет уже большую работу
в нашем хозяйственном строитель-

стве, стал не только «сердцем», но
и формально членом нашей пар-

тии? Помню, как просветлело лицо у
Владимира Ильича, когда он чи-

тал это письмо.
Он наказал мне непременно на-
помнить ему ответить и действи-

тельно ответил».

(М. И. Ульянова «О Ленине».)

И каково же было удивление,
Когда раздался голос почтаря:

«Письмо, рябяти,
Ленин пишет,
Лени-и-и!»

И все село сошлось у фонаря.
А вождь писал о голоде, разрухе,
Что бедняки осият кулачье.

Комбедовцы друг другу жали

руки,

Просили:

«Почитай, еще, еще!»

Десяток раз читал учитель строки,
Пока не заучила наизусть

Деревня их...

Прошли большие сроки,
Но слово Ильича не сходит с уст.

Хотя письмо крылатое сгорело —
С ним не могло смириться

кулачье, —

Но столько поколений обогрело
И сколько будет согревать еще!
Сгорают письма — память

не сгорает,

Она прочнее сейфов и замков,
Она тысячеусто повторяет

Слова вождя и солнцем

согревает

Нелегкую планиду мужиков.

3

Когда меня сомнения гнетут,
Когда от них ну просто нету мочи,
Мои учителя ко мне идут —
Мои герои.

Днем и среди ночи.

Они — во мне.

И в том, наверно,

суть:

Из их судёб

моя растёт недаром,

Пусть я хожу сейчас по тротуарам,
Но с борозды

мой начинался путь.

И, поменяв прописку и наряд,
Я не меняю лишь прописки

сердца,

Где два моих учителя и детство
Такие неразлучные стоят.

Спасибо вам, мои учителя,
За то, что вы в судьбе моей

живете,

За то, что надломиться не даёте,
Характером и силой наделёте.

И я смотрю с надеждой на зарю,
И верю в день, и рук не опускаю,
Не говорю, что хата моя с краю,
И если тяжко очень — слез

не лью.

Доволен я, что в память залегли
Моих друзей-наставников уроки:
Животворящи памяти истоки,
И животворны борозды земли!

А мир тревожен, к действию

зовет.

Как хорошо, что видел я когда-то
Былинный образ пахаря-солдата
По имени и отчеству

НАРОД!

ПОИСКИ И РЕШЕНИЯ

Гости Москвы — на сей раз Чечено-Ингушский государственный драматический театр имени Х. Нурадилова — говорили со зрителями на языках двух народов. В этом коллективе две труппы — чеченская, имеющая давний опыт сценической работы (во главе с главным режиссером М. Солцаевым), и молодая, возникшая недавно, ингушская (главный режиссер Р. Ханишев).

Сейчас театр, перешагнув свой пятидесятый сезон, вошел в возраст зрелости, но оставляет он удивительное ощущение творческой молодости и задора. Будучи не первый раз на гастролях в столице, гости показали значительно возросший профессиональный уровень. Репертуар театра, привезенный гостями, был и разнообразен и заманчив.

Открылись гастроль «Лениниана» — это сценическая компози-

пользовались спектакли «Кориолан» и «Ревизор» — благодаря интересному, талантливому прочтению их режиссерами и ярким актерским работам.

Личность и народ, трагизм взаимного непонимания — стержень постановки М. Солцаевым «Кориолана». Мужественный, умный герой Шекспира гибнет из-за гордости и презрения к народу. Личность необычайная, незаурядная — таков Кориолан в исполнении М. Давлетмирзаева. Но пропасть непонимания, разделяющая его с народом, непреодолима и для него. Поэтому герой гибнет, становясь врагом своей родины — обратной дороги ему уже нет.

Интересно сценическое решение «Ревизора». Спектакль сразу же напоминает нам о несостоявшихся деяниях Горюхиного. Дырявый, разломанный забор, который будут наспех чинить по приезде мнимого

ция М. Солцаева, постановка ее была отмечена Государственной премией РСФСР.

О «Лениниане» М. Солцаева уже много писали, отмечая волнующий, правдивый, романтически приподнятый настрой рассказа о великом вожде революции. Артист М. Давлетмирзаев, создавший сценический образ Ленина, позволяет и ощутить масштабность личности вождя и почувствовать великую человечность человека...

Но запомнилась не только эта замечательная работа. Большим интересом и успехом у москвичей

режиссера, над ним иконы — символ непростой, но якобы сгоревшей церкви... Горюхиному и его чиновникам есть от чего смертельно перепугаться неожиданного визита «высокого начальства».

«Ревизор» в интерпретации ингушского режиссера Р. Ханишева — спектакль зрелищный, яркий, насыщенный при этом глубоко индивидуальной игрой актеров. Правда, некоторые оригинальные находки Р. Ханишева подчас даже ставили зрителей в затруднение, так, например, телега, занимающая центр сцены, думается, не всегда

была необходима спектаклю. Впрочем, некоторый «перебор» режиссерских придумок не снизил сатирического звучания спектакля. Отличная же игра М. Цицкиева (Горюхиный) и М. Тхостова (Хлестаков) дала свои свежие оттенки образам великой комедии Гоголя.

В нынешних гастролях гости порадовали зрителей своим новым спектаклем «Иду в путь мой...» (пьеса А. Проханова и Л. Герчикова).

Жанр политического репортажа только еще ищет своего сценического решения. Поэтому спектакль чечено-ингушского театра (режиссер Р. Ханишев) — смелая попытка пойти по новому, мало изведанному, но интересному, а главное, важному пути.

Спектакль отличается точным сценическим решением, хорошая музыка подчеркивает взволнованную игру актеров... Короче, спектакль вполне доносит до нас «чужую» боль, делая нас сопричастными ей. Глазами советского журналиста мы увидели и почувствовали сложную, кипящую жизнь страны, освободившейся, но все еще борющейся против контрреволюции. Мы увидели «простых» афганцев, готовых на подвиги ради счастья своей обновленной страны.

Мир велик... Но понятия Родины, родного дома, родного очага никогда не должны тускнеть даже в наше стремительное, напряженное время. И эта тема пронизывает собою жизнь, душевное бытие мудрого старика Агабо (М. Цицкиева) в пьесе О. Иоселиани «Когда арба перевернулась», поставленной Р. Ханишевым... Переплелись в этом спектакле и народный лукавый юмор и грусть, а в финале возникают даже и трагические ноты, рождая мысли о подлинной человечности. Об ответственности перед тем, что будет завтра...

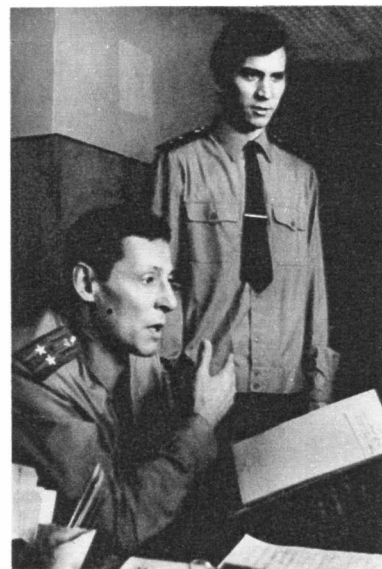
Национальную пьесу представила в репертуаре театра инсценировка романа ингушского писателя И. Базорина «Из тьмы веков». Но это уже разговор о прошлом, о судьбе гордого и независимого народа, терзаемого царизмом, и несдающегося. Непримиримой борьбой отмечен его путь к освобождению, к революции. Стержнем спектакля стала история любви юных героев, которая противостоит неравенству людей, корысти и жестокости; молодые актеры З. Радуева и А. Марисултанов покоряют достоинством, душевной красотой. В спектакле радуют величественные мужские хоры, красота национальной музыки, танцев.

Неудивительно, что Чечено-Ингушский театр имени Х. Нурадилова во время нынешнего приезда своего в Москву обрел много новых поклонников.

Е. КРУГЛУШИНА

На снимке: сцена из «Ревизора».

Фото С. Герасимова

К. Захаров — Померанцев и А. Ерманов в роли Одинцова.

Фото Н. Агеева

ТВ

ОДИНЦОВ И ТЕ, КОГО ОН ЛЮБИТ

Название нового телефильма «Призываюсь весной...», быть может, показалось не слишком завлекательным иному зрителю. Но все, кому хочется почаще видеть на голубом экране молодые лица — то есть передачи, посвященные молодежи, волнующим ее проблемам, — сразу догадались, сколь благодарную в этом плане тему избрали сценарист Сергей Марков и режиссер Сергей Евлахишвили. И зрители не ошиблись. Перед ними прошла целая вереница героев-подростков на пороге нового этапа жизни, который должен превратить этих мальчишек в настоящих мужчин, сформировать личность.

И какие они разные, эти мальчишки, какие непростые... Порой только диву даешься: когда же они успели испытать те жизненные сложности и горести, от коих не то что юноша, но и взрослый может потерять душевное равновесие, остаться нравственно изуродованным человеком... Но лишь понять, узнать их недостаточно. Главный герой фильма прапорщик Никита Одинцов убежден, что таким ребятам необходимо еще и помочь. Осторожно, неназойливо и терпеливо подходит он к каждому «трудному» призывнику, с кем обходится строго, что называется, по уставу, а с кем — тактично и мягко. Даже слишком мягко, считают некоторые его сослуживцы.

Никита сталкивается с неожиданными ситуациями, непредсказуемыми характерами и поступками. И в конце концов добивается своего. Ему уже верят самые недоверчивые. К нему прислушиваются отъявленные нигилисты...

Надо заметить, что антеру Александру Ерманову выпала нелегкая задача — почти два часа играть «очень положительного» человека, особенно на фоне чуть было совсем не сбившегося с пути Володи Корнева (С. Чурбанов), угрюмого молчуна Димы Тихомирова (О. Шишкин); вредной мешаночки Гамазной (Н. Захарова), замыслившей «упечь» в армию своего ни в чем не повинного мужа...

Но своим искренним исполнением А. Ерманов все-таки убедил нас, что Никиты Одинцовы вполне реальны. Они живут на нашей земле. Они среди нас и так же простодушны и отважны, добры и сочувственны. Так же несут перед собой и людьми ответственность за порученное дело.

Создателям фильма удалось подчеркнуть тему создающей силы любви и человечности.

Н. АНИСИМОВА

гастроли

ПЯТЬ ДОБРЫХ ВЕЧЕРОВ

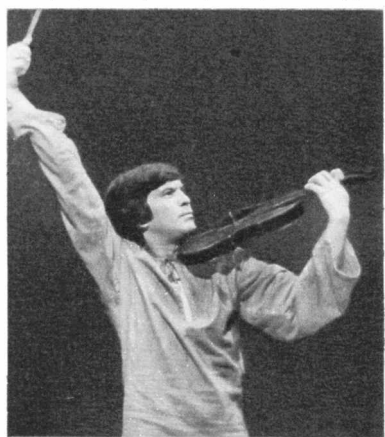
Эти вечера Белорусского театра имени Якуба Коласа шли на сцене Театра имени Моссовета.

Народные поверья, сказки, песенный фольклор... И запах свежеструганной древесины; ослепительные белые холсты и льняные рушники... Все это впитали в себя спектакли «Сымон-музыка» Я. Коласа, «Вечер» А. Дударева, «Клеменс» К. Сая...

Трудно найти в современной драматургии такой свет, простор мысли, гармонию духа, как у Коласа в его поэме «Сымон-музыка». И хорошо, что театр точно следует образности слова, акцентирует внимание на многозначности мизансцен, пластике тела, цветовой гамме оформления, олицетворяющего скорее не времена года, а изменение психологического состояния героев. Человеческая жизнь — ее ритуалы от рождения до смерти — проходит перед нашими глазами. Вот брешено зерно в поле, и вырос колосок — Сымон; ему дан редкий дар слышать музыку природы... Колесо телеги, колесо истории крутится и крутится, а Сымон идет по своей дороге, встречая хороших людей и плохих, людей вольных и озабоченных наживой, думающих, что и талант можно купить. И пение птиц, и дыхание земли, шелест деревьев...

Тема любви и родной земле, к своему народу живет и в дударев-

ском «Вечере». Что остается, когда человек уходит из жизни? Остаются дела, дети, добрые мысли, посаженные деревья. А кто унаследует все это?.. Вот главная мысль пьесы Дударева. И звучит она здесь особенно пронзительно: ведь на Витебщине в войну погиб каждый третий. Но не возникает в спектакле пессимистическая нота, нет ощущения пустоты. Напротив, театр расширил границы белорус-

ской деревни... Теперь многие узнали о жизни ее людей. И полюбили их.

Пьеса К. Сая «Клеменс» известна московской публике, но белорусский театр повернул ее по-новому, проявив большую выдумку, используя яркую зрелищность. Режиссер В. Маслюк задумался над смыслом бытия. Он показал, что вместе с богатством (в виде пленного сына) в деревню пришло большое горе: люди перестали думать о собственной душе, и она стала обрывать жиром...

Музыка Сялласа занимает в этих трех спектаклях ведущее место. В нехитрых мелодиях, в звучании скрипки, жалейки народ видит не только утешение, но продолжение жизни и ее выражение.

«Поединок» Н. Матуковского — недавняя премьера театра. И это чувствуется по трепетному нерву, искренности чувств, перехлестывающих через рампу. Перед нами биография Константина Заслонова, Героя Советского Союза, одного из организаторов и руководителей партизанского движения в Белоруссии. Спектакль, построенный режиссером Б. Эриным в стиле документальной хроники, максимально приближен к жизненной правде, и Заслонов — Е. Шипило точно передает энергию духа, свойственную людям смелым и честным.

Л. ЛЕБЕДИНА

На снимке: С. Шульга в роли Сымона.

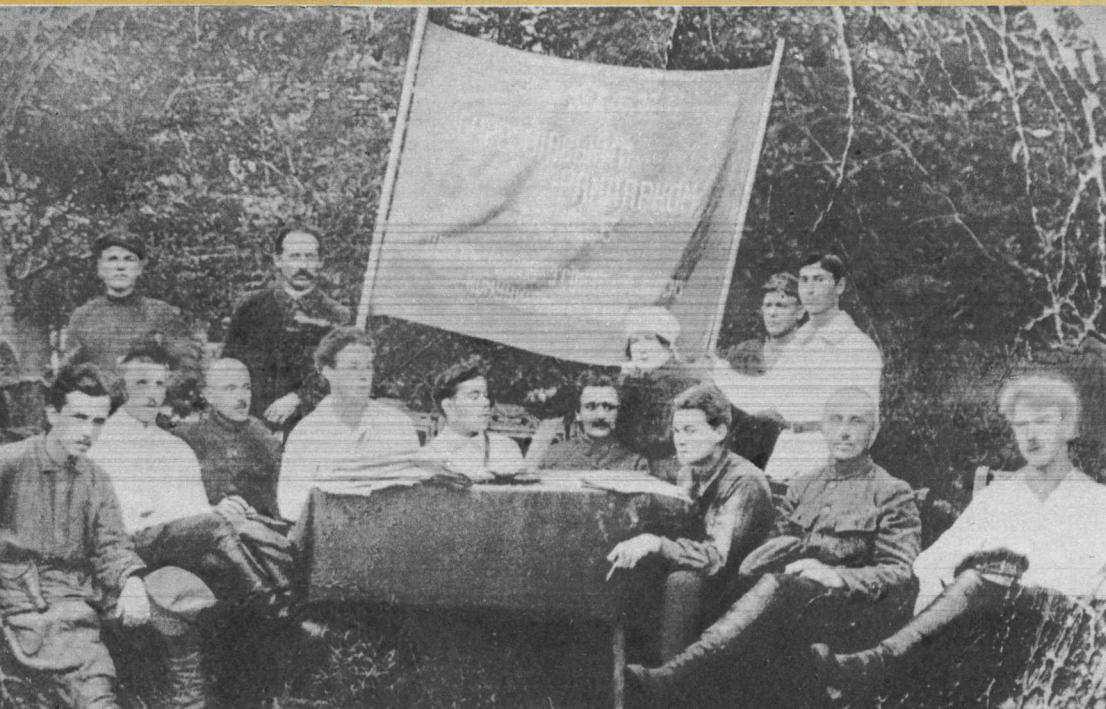
Фото Е. Зеленко

Памятник Николаю Островскому в Шепетовке.

Заседание Берездовского райпарткома. Н. Островский — крайний слева. 1923 год.

Григорий
ЕРШОВ
Фото
М. САВИНА

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. А. ОСТРОВСКОГО

РОЖДЕННЫЙ БУРЕЙ

С трашная, неизлечимая болезнь сразила молодого человека, когда ему не было еще и полных двадцати лет. Она парализовала его тело, полностью лишила возможности двигаться и видеть.

Такой невероятно дорогой ценой расплачивался герой-буденновец Николай Островский за свои многочисленные раны, полученные в лихих кавалерийских атаках. Болезнь мстила ему и за мужество, проявленное при строительстве узкоколейной дороги в прифронтовом Киеве эпохи гражданской войны. Именно там он получил смертельную простуду, тяжелый ревматизм, перешедший затем в губительный полиартрит, который сковал его навсегда.

Надо было иметь нескончаемое мужество и огромную силу воли, чтобы просто жить при такой ужасной болезни. А он, этот безнадёжно больной человек, сумел остаться в передовых рядах бойцов. Островский взял в руки карандаш, хотя и был слепым. По специально изготовленному для него транспаранту он научился писать, не видя написанного. Ему было о чем рассказать. За плечами молодого коммуниста, бойца, комсомольского вожака осталась короткая, но ярко прожитая жизнь.

Он с детства обладал острым, наблюдательным глазом, у него было отзывчивое к чужому горю сердце, крепкая память и ясный ум.

А технику писательского ремесла он оттачивал так же упорно и самоотверженно, как некогда — удар клинком, прицельный выстрел из карабина или нагана. Н. Островский начал литературный труд прямо с создания вершинной книги, того романа, который приобрел теперь всемирную известность, — «Как закалялась сталь», где дан романтически прекрасный образ нашего современника, пламенного большевика, преданного революции сына Советской Родины. «Только мы, такие, как я, безумно любящие жизнь, ту борьбу, ту работу по постройке нового, много лучшего мира, — любил повторять Николай Островский, — только мы, прозревшие и увидевшие жизнь всю, как она есть, не можем уйти, пока не останется хоть один шанс».

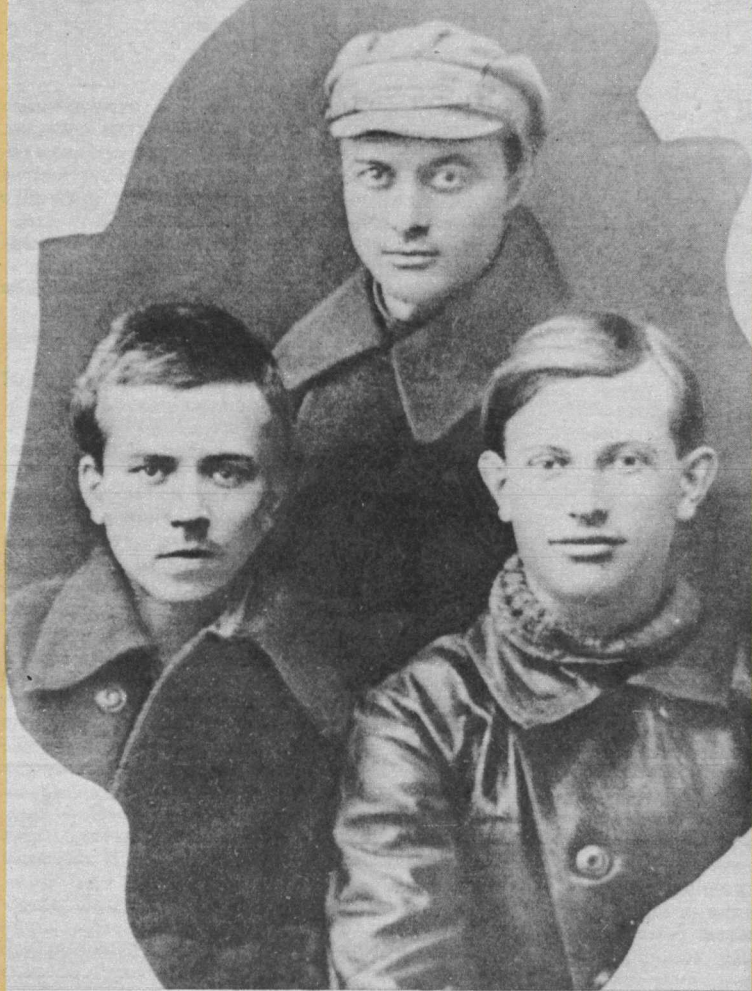
И он работал над своим романом, побеждая болезнь, и дал людям книгу, которая переживет века.

В романе слились две большие темы советской литературы — гражданская война и мирный социалистический труд как основа коллективной деятельности людей во имя всеобщего блага народов мира.

Михаил Шолохов считал литературу подвигом жизни: «Я за то, чтобы у писателя текла горячая кровь, когда он пишет... лицо его белело от сдерживаемой ненависти к врагу, когда он пишет о нем».

Человеком, который писал свои книги кровью сердца, и был Николай Островский.

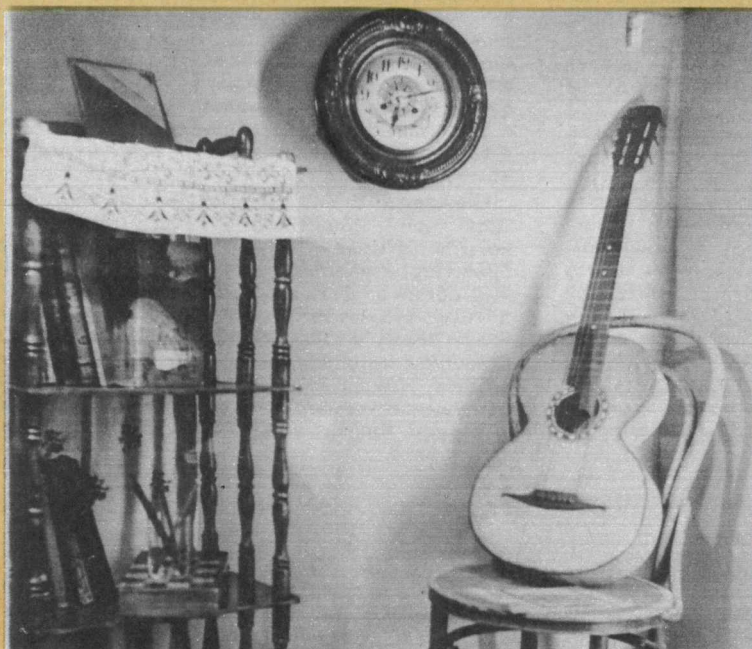

Н. Островский с комсомольцами. 1922 год.

Комната писателя в Москве.

Личные вещи Н. Островского.

Н. А. Островский в форме бригадного комиссара. 1936 год.

Н. А. Островский, его жена Р. П. Островская и секретарь А. А. Зыбина во время работы над романом «Рожденные бурей». Москва, 1936 год.

ПОЧТИ ЖИЗНЬ ТОМУ НАЗАД...

Павел ДУБИНДА,
Герой Советского Союза,
полный кавалер ордена Славы

Колонну военнопленных пригнали в Симферополь. Ребята меня буквально доволокли. Говорил я еще плохо, но уже слышал. Лагерь для военнопленных представлял собой большую площадку, которую пересекал ручей, огорода из колючей проволоки, по углам — вышки с пулеметами. Внутри известкой были размечены двухметровой ширины полосы, которые пересекались, разделяли площадку на более мелкие квадраты. Люди стояли и сидели в квадратах, как на шахматной доске, не имея права ступить за отмеченную известкой черту. Для нашей кормежки привозили какую-то дрянь, тут же из ручья брали воду и делали болтушку. Сырую, конечно. Преимущество было у того, кто имел котелок, а у кого не было — хоть пригоршню подставляй. Я, к счастью, отыскал совершенно сплюсненную консервную банку и за день кропотливой работы с помощью двух камешков сделал из нее подобие миски.

Скученность была ужасная. Находишься под открытым небом, а лечь, вытянуться невозможно, если кто-то вылезет за белую черту, может поплатиться жизнью. Гитлеровцы были мастерами на дорожку, очерченную белыми полосами, вышел немецкий офицер в сопровождении нескольких «шестерок» — полицейских из охраны. Красивый мужчина, ничего не скажешь! Высокий, стройный, лицо суровое, открытое, и взгляд такой, что прошивает тебя до самого донышка. Расхаживает он между квадратами и говорит:

— Кто из вас выдаст коммуниста или еврея, тот свободно выйдет отсюда с необходимыми документами и может ехать домой. Если ваш дом еще на территории большевиков — ждать осталось недолго, наши войска уже подошли к Волге.

Ходит между квадратами, всматривается в наши лица, повторяет на все лады свои условия. И вдруг крик: «Я! Я покажу!» Выбирается на дорожку такой... даже сказать затрудняюсь, просто никакой человек, то есть ничем не приметный, и говорит, что видел где-то тут в лагере писаря из своей роты, который, по его сведениям, еврей.

Стали искать. Долго искали в квадратах — нашли. И вся свита удалась. А часа через два приходят, и офицер заявляет всем:

— Германии нужны те, кто ей служит верно. Победителей нельзя обманывать. А этот человек, — он показал на предателя, — обманул нас.

Дает в руки тому, которого выдали, дубинку и говорит:

— Бей его. Он хотел отправить тебя на виселицу, чтобы вырваться из лагеря и вредить Германии.

А выданный, который уже мог бы болтаться на веревке, стоит с чужой дубинкой в руках и не решается.

— Бей, — говорит этот породистый офицер, — а то я отдам дубинку ему. Уж он тебя жалеть не станет.

Ну тот и давай молотить предателя своего, пока он не упал на дорожке. К нему никто не прикасался, ни наши, ни немцы — там и умер дня через два.

Потом этот же офицер выискивал тех, кто знает подходы к Новороссийску, кто смог бы дать подробные пояснения к военным кар-

там. Среди тысяч пленных нашлись и такие. Их увели, а через несколько часов, изрядно помятых, привели назад и рассовали по квадратам (где им еще и свои добавили). Оказывается, они не знали того, что было необходимо гитлеровцам.

...Я никогда бы не стал вспоминать эти тяжелые, унижительные сцены, где рядом с истинной трагедией разыгрывалась своего рода дешевка — горькая и грязная. Но тут все связано с красавцем офицером. (Не знаю, возможно, что, с точки зрения женщины, он и не был идеальной наружности, потому что меньше всего походил на прилизанного красавчика, но, с моей точки зрения, это был редкостный экземпляр властного и сильного мужчины.) Тогда я скорее поверил бы в близкий конец света, чем в то, что через два с половиной года снова лицом к лицу встречу с немецким офицером из симферопольского лагеря, и не где-нибудь, а в Москве, неподалеку от Арбатской площади.

Но до новой встречи с ним произошло столько невероятных событий, что их хватило бы не на одну жизнь.

II

Большую группу военнопленных перевели из симферопольского лагеря в Николаев. Гитлеровцы пытались наладить работу судостроительного завода. Мы растаскивали развалины, покореженные бомбами фермы цехов. Ни я, ни ребята из моей команды и виду не подавали, что хорошо знакомы с морем, с аварийными судовыми работами. А потому таскали мусор, ходили на погрузку материалов. Меня устроили при кухне: дров нарубить, печь растопить, котлы почистить. Я еще не совсем отошел от контузии.

Поварихой была тетя Дуся Часовская — вольнонаемная, не из пленных. Она варила нам баланду, переживала с нами все невзгоды и старалась помогать, чем могла. Рядом с нею работала Мария Фролова. Женщины решили помочь мне вырваться из плена... Для этого надо было, чтобы я хоть немного окреп. Когда это произошло, они раздобыли мне документы на имя Семенкина Ивана Петровича, уроженца города Николаева, который работает в одной из организаций, разрешенных германским командованием... Документ был надежный, но как выйти за пределы лагеря? Больше года пробыл я в нем и многое успел повидать, многому успел научиться... Охрана тут следила строго и нарушителей режима сразу расстреливала. В начале 1944 года меня познакомили с шофером, который имел право въезда на территорию лагеря, — Димой Куликовым. Он оказался подпольщиком и однажды вывез меня на своей машине в город.

Тетя Дуся жила возле элеватора, и первое время после побега я скрывался у нее, присматривался к тому, что происходит в порту, какие ходят суда, кто их водит... Однажды я сказал своим спасителям: «Пора!» — и понесло меня, как в сказке или в приключенческом кино. Прежде всего еще по дороге к порту дважды останавливали патрули, проверяли документы, но удостоверение Ивана Петровича срабатывало без осечки.

План был такой: устроиться на судно, и когда оно окажется в устье Днепра на выходе в море (а такое рано или поздно должно было случиться, суда регулярно ходили в

Очаков, Одессу и устье Дуная), украсть лодку и бежать по знакомым с детства плавням.

Подхожу к порту и вижу, что у причала стоит баржа. С нее прямо с борта на причальную стоянку выпрыгивает здоровый мужчина с двумя чемоданами.

— Эй, браток, — говорю я ему, — где старшина этой посудины?

— Я старшина, — отвечает, — чего тебе надо?

А я вижу, баржа ошвартовалась с верховий, наверняка будет идти к морю.

— Можно с вами до Очакова добраться?

— Пассажиров не берем.

— А я помогать буду.

— Умеешь?

— Умею...

Он тогда ставит чемоданы на землю, вытаскивает из кармана связку ключей и бросает их мне:

— На ключи. Это от кубрика, рундучка... Разберешься. Если хочешь есть — там найдешь. Можешь брать сигареты, пиво... Я сейчас вернусь.

Спрыгнул я на борт баржи, первым делом обошел ее всю, хозяйским глазом осмотрел помещения. Заглянул в трюм — там полно цветного металлолома. В Румынию тащат. Но вот досада — ни шлюпки, ни даже ялика нету на борту! Вылез на палубу — подходит к причалу какой-то человек.

— Возьми, — просит, — до Очакова.

— Садись, — отвечаю. Ведь полчаса назад точно так же сам просился. Но об этом молчу.

Навалились мы вдвоем на припасы, оставленные настоящим хозяином, а потом стали ждать его. Долго бы ждали. Не знал я, что он с чемоданами попросту сбежал, оставив меня как подсадную утку... Подъезжает машина, из нее выбираются военные, я насчитал восемнадцать человек, в основном офицеры, и с ними четыре женщины. Все перебираются на мою баржу. Ну, думаю, влип! Однако виду не подаю. Заглядывают ко мне в рубку. Напускаю на себя строгость и показываю, чтобы все шли в носовой кубрик и не мешали. Послушались, ушли. Затаился я — все еще жду настоящего хозяина. Вижу — бежит к нам буксирный катер. Подбирается прямо к борту, и какой-то чужак с катера спрашивает у меня:

— Трос буксирный есть?

— Нету, — отвечаю, потому что успел проверить.

— Тогда, — говорит, — я свой перекину. Закрепи. Сначала пойдем на коротком, а за Балабановской косой вытравим подлиннее.

Цепляют нашу баржу — ту-ту! — и поехали. Я занимаю свое место на руле, вроде бы так все и надо. Идем мы вниз по Бугскому лиману, к морю идем. Войки в кубрике развлекаются, нас не трогают.

— Вы давно на барже работаете? — спрашивает мой приبلудный пассажир.

— Чуть раньше тебя оформился, — отвечаю.

— А сколько получаете? — допытывается он.

— Когда немцы узнают, кто мы такие, — одинаково получим.

Меня еще не так просто разоблачить, я на барже, как дома, а его же видно, что случайный тут. Бежит наш буксир, пытит, уже скоро Бугский лиман закончится. В то время, в марте сорок четвертого, наши в низовьях Днепра уже стояли на левом берегу, а правый берег — Херсон, Очаков — был в руках немцев.

— Как выйдем в Днепро́вский лиман, — говорю я своему пассажиру, — так наши стрелять начнут. Надо воспользоваться суматохой и улизнуть. Жаль, что лодки нет на барже, но я трап приготовил. Спихнем в воду и доплывем на нем...

Стемнело. Стали мы подходить к Аджигой-ской косе — прожектор с левого берега полоснул по нашему буксиру. Потом еще два прожектора уперлись в него, начался оружейный обстрел. Должно быть, снарядом перебил буксирный трос. Катер — пых-пых! — бросил нас и бегом к Очакову. (Его наши уже перед Очаковом потопили.) А про баржу вроде бы и забыли. Немцы вылезли из кубрика злые, перепуганные, всматриваются в темноту. А что смотреть? Кругом вода и никакого движения.

Но и нам с пассажиром бежать нельзя. Часов около трех ночи пришел из Николаева другой буксир и оттащил нас в Очаков. А там полно румын и немцев.

Ошвартовались мы у стенки. Днем пришел какой-то чиновник, сказал, что завтра или даже сегодня ночью, если будет буксирный катер, потащат нас в устье Дуная. Мне это уже совсем ни к чему. Присматриваюсь. Вижу, рядом баржа и на ней шлюпка. Я — туда. Познакомился с боцманом. Худосочный такой, пугливый. «Продай шлюпку!» — прошу. Боятся. «Немцы узнают, тут же утопят». Тогда предлагаю: «Бежим вместе!» Мнется, говорит, что у него недавно родился ребенок, жене тут же, на барже, и вообще деваться ему некуда, куда повезут, туда и повезут... Осерчал я.

— Дуб,— говорю,— ты мореный. Если ты здесь не очень нужен, то там, в чужом краю, и подавно. Ведь к черту в пасть везут тебя. А ну веди к своей жинке, хочу с нею поговорить.

Женщина всего боится, у нее дите грудное, она даже смотрит мимо, вроде смотрит на меня — уже преступление. С большим трудом уговорил. Ночью обманул я румынского часового на пристани, спустил шлюпку на воду, сам сел на весла. Женщина легла на дно лодки и голову поднять боится, все ждала, что стрелять начнут. Ее муж держит ребенка, я гребу, а мой пассажир только свысока на всех посматривает. То, что ночью, на шлюпке,— для меня нет проблемы. Только грести трудно. По-хорошему тут, на веслах, четверым надо сидеть, да и шестерым можно. А я один. Предлагаю своему пассажиру с баржи — помощи, мол. А он не может. Не знает, с какой стороны за весло брать.

— Что же,— говорю,— ты умеешь?

— Ничего не умею,— отвечает,— я агроном.

Устал изрядно, чувствую, что уже на последних оборотах... И вдруг из тьмы:

— Стой, стрелять буду!

— Погоди,— кричу,— успеешь выстрелить! Мы перебежчики, из Очакова.

Тут же, на берегу, нас арестовали, отвели в штаб части, а оттуда передали в «Смерш». Моего попутчика с женой и ребенком сразу отпустили. Он белобилетчиком оказался, ни к какой службе непригодный. Меня с моим пассажиром разлучили и повезли в Херсон.

Город только накануне освободили от фашистов. В военкомат пришел в сопровождении товарища из контрразведки, у него еще были сомнения насчет меня... Военком же повел себя более решительно. Узнав, кто я и что я, тут же назначил старшим команды.

Отступая, гитлеровцы разрушали железнодорожное полотно. От Херсона до ближайшей действующей станции надо было трое суток добираться пешком. Военкомат формировал в освобожденных районах команды новобранцев и тут же отправлял на пополнение наступающих частей. Мне дали списки человек на двести новобранцев, дали помощника, вроде комиссара, и приказали вести всю команду на станцию.

Отошли мы немного от военкомата, выстроил я людей... Они еще не обмундированы, только сухой паек на три дня получили. Сделал переключку, и... страшно мне стало. Кругом весна, грязь, бездорожье. Кругом разруха. А всех переправочных средств у меня, как и у каждого, только две ноги. Как же идти в трехсуточный поход такой оравой?

Тут меня хорошие люди надоумили.

— Вот что,— говорю,— братишки. Топайте каждый сам по себе. А через три дня на станции переключка. Кого не окажется в наличии — значит, дезертир, со всеми, так сказать, последствиями и выводами. Р-разойдись!

Двинули они прежде всего по ближайшим селам: кто с мамой проститься, кто с невестой. А мы с комиссаром — пешком на станцию. В каком-то селе ночевали. К полудню третьего дня пришли. Смотрим — человек десять наших всего тут. Переживаю: растерял команду... Потом по двое, по трое стали подходить еще. Вечером построил, сделал переключку — все! До единственного человека пришли в срок! А тут уже и вагоны подали, появились представители частей. И повезли нас в Белоруссию.

Прибыли ночью. Кинули нас на пополнение наступающей дивизии — 96-й стрелковой, гвардейской. Комбат построил всех, разделил на большие группы, командует:

— Старослужащие, два шага вперед!

Человек пять нашлось таких в нашей группе. Я тоже, конечно, вышел. Комбат спрашивает, кто кем служил. Меня тут же назначил командиром взвода. Дорогой нас обмундировали, у меня были погоны рядового.

— Ничего,— говорит,— воюют не погонями. Командиры отделений списки бойцов составляют, а ты иди на рекогносцировку.

Вышел я с офицерами к переднему краю обороны. Ночь, темно, на фоне неба у горизонта видны крылья мельницы.

— На рассвете,— говорит мне командир роты (это был Гена Дубенков, мы потом с ним дружили),— твой взвод будет наступать на эту мельницу. Там деревушка возле нее. Поднимаю людей сразу после артподготовки.

Вот так и наступал, еще не зная, кого веду за собой. Артналет был недолгим, минут двадцать, но били плотно, а в конце даже «катюши» сыграли. Мы сразу «Ура!» — и через поле. Справа и слева от нас тоже наступают. Мельница горит. Ворвались в траншею, а потом вышибли немцев из деревушки. Меня начальство похвалило. Стал я со своим взводом знакомиться...

Вскоре назначили меня командиром взвода разведки полка. Я ведь оставался рядовым, а там людей поменьше, хотя, конечно, каждый пятерых стоит. Наш 293-й гвардейский стрелковый полк был тогда в Пинских болотах. Справа и слева наши соседи видят передний край врага, а перед нами никого, непроходимые топи, да вдоль них жиденькая линия траншей. И вызывает меня командир полка, Александр Андреевич Свиридов (сейчас генерал-лейтенант, Герой Советского Союза). Он любил, минуя другие инстанции, сразу выходить на исполнителя:

— Дубинда, надо добыть «языка».

Я, конечно, понимаю, что сам «язык» — дело десятое, а вот как на ту сторону перебраться, не идти же на соседний участок фронта! Стал я со своими разведчиками лезть по болоту. Вымокли, вымазались, как черти, наглотались ржавой воды. Уже и счет потеряли, сколько раз друг друга чуть ли не за вихры вытаскивали. Нет хода! Сверху и травка, и кочки, а ступить невозможно. Пробовал ползти — ладошки проваливаются, и носом в жижу тычешься. Тогда лег я и перекатом, как чурбак, покатишься. Вода и в уши и в нос попадает, но не проваливаешься! Докатился до островка, поросшего ольхой, посидел — и опять перекатом до следующего. Ребята за мной. А там уже кочки пошли потверже, островки почаше... Перебрались, отсиделись до темноты в кустах, а ночью вышли к вражеским позициям. Видим, на сухом бугре, неподалеку один от другого, — четыре блиндажа. Часовой ходит между ними. Во взводе у меня был разведчик по кличке Шлема — бесшабашный и озорной парень. Я ему приказываю:

— Пора сменить часового.

Он все понял и пополз. А часовой то ближе к нам подойдет, то за блиндаж уйдет. Потом появляется... несколько располневший. Это уже Шлема в его каске и плащ-палатке, с винтовкой на плече расхаживает, знаки нам подает. Подбежали, я расставил ребят возле каждого блиндажа, чтобы кто случайно не вышел, а сам в один из них распахиваю двери: автомат наготове, в левой руке граната. Там сидел офицер и пил в одиночку. Схватился он за оружие, но поздно.

Тут главная трудность, как нам его тащить через болото. Мешок на голову не накинешь, иляп в рот не забьешь — на болоте опасно, разон маннешь его, и уже труп, а не «язык». Он тоже опасность понимает, помалкивает. Отыскали большую ветку. К ветвям потоньше привязали пленного за руки и за ноги и комлем вперед потащили... Там, где сами преодолевали болото перекатом, ветку с немцем за веревку перетаскивали.

Сдали мы пленного, сидим пьем чай, сушимся, отмываемся от болотной грязи. Надо же — меня вызывает командир полка.

— Ты что это напутал, Дубинда? Я по вашим следам послал... Батальон тонет! Немедленно уточни место прохода!

Прихожу, а в болоте солдатики копошатся, друг друга вытаскивают. Разозлился. «Что же,— говорю,— вы дорогу портите? Размеси-ли тут все... Ведь объяснял: перекатом. Са-

мым натуральным образом — боком натисы!» Отошел в сторонку, где поверхность еще не расквашена, и покатылся. Солдаты за мной. А комбат уже не отпускает: веди до конца. Деваться некуда. Вывел весь батальон и четверем блиндажам. Там оказались раненые немцы — это уже было известно от пленного. Нашего прохода в этом месте противник не ожидал, поэтому батальон успешно пошел вперед, облегчая задачу наступающим нашим соседям.

Странное дело: вспоминаются чаще всего удачные, хитроумно проведенные операции. А ведь были и тяжелые. Правда, мне в них везло. Помню, в одном из боев несколько разрывных пуль начисто испортили мой полушубок. Ключья шерсти торчали на плече, под мышкой, почти оторвало полу, а меня самого даже не задело. Цели того боя, обстоятельства, результаты — ничего не помню! Вот полушубок было жалко — отлично запомнилось.

Тяжелые бои шли под Варшавой. Стояли мы перед Бугом. Вызывает командир полка: «Дубинда, надо отыскать брод через Буг для возможной переправы пехоты!» Что в таких случаях? «Слушаюсь!» Взял своих ребят, и давай мы в холодной воде купаться. Я сам речник, лазаю днём вдоль берега, определяю, где может быть помельче, а ночью идем к тем местам, которые высмотрел, и начинаю:

— Просолов, давай ты!

Раздевается мой Саша Просолов, при «плюс трех градусах жары» лезет в воду, идет к тому берегу и... буль-буль! Плывет обратно. Глубоко. (Кстати, А. П. Просолов и сейчас живет в Николаеве, приезжал ко мне в гости.)

В другом месте:

— Яцкевич, ты!

Лезет Коля Яцкевич. За ним — Соколов... А брода все нет. Ночь купаемся — Мацеста! Вторую купаемся... и на рассвете ловим поляка — перебежчика с той стороны! Он нам что-то говорит, захлебываясь, о своем горе. По отдельным словам понимаю, что дочку его гитлеровцы обидели, но (жестокая правда войны!) нас другое интересует: где он речку перебрел? Он, бедолага, все интересуется, отомстят ли пань русские за его дочь. А я ему: за тем, мол, и пришли. Ты брод покажи!

Показал. Я с ребятами сам несколько раз туда-сюда прошел, вода по грудь, не больше. Определили ширину брода, насыпали на берегу едва заметные бугорки — для приметы. Но командир полка, не желая, очевидно, повторять опыт Пинских болот, говорит мне: — Первую роту на прорыв поведешь ты сам.

Пришел я в роту. Заняли мы исходные позиции недалеко от брода. Наш берег пологий, а там повыше, по нему траншеи, за ними — поле и вдали деревенька просматривается. Между нею и крутым бережком все гладко, как на столе... Время начала наступления нам не сообщили. Всю ночь просидели мы на исходных позициях, не смыкая глаз. И только утром, когда уже было светло, заговорила наша артиллерия. Молотила хорошо. Тем, кто на той стороне, не позавидуешь... Едва наши перенесли огонь чуть дальше, я вскочил: «За Родину! За Сталина!» — и прыгнул в воду. Добежал уже до середины речки, оглянулся — а за мною всего несколько душ. Потом пересчитали — семь человек побежали за мной, я восьмой. Остальные не сразу решились. Забоялись ребята, как чувствовали, что этот бой для них последний. А ведь мог и не быть последним.

Я такие ситуации знаю: пан или пропал. Жму вперед. На нашем берегу комсорг роты, наконец, поднял людей. Но получилось отставание. Над головами бьет с берега пулемет. А по нему — наши из пушки. Слабая, думаю, была пушечка. Может, сорокапятка... Обслугу разметала, а пулемет цел.

Мы ворвались в немецкую траншею, полузасыпанную, гранатами и автоматными очередями расчищаем ее, гитлеровцы дрогнули, а комсорг с остальными только на середине реки. И тут летят немецкие снаряды — все в речку. Вода начинает кипеть и становится розовой. И ни один из ребят не выходит к нам. У немцев это место было заранее пристрелено, они-то знали, что тут единственный брод на многокилометровом участке. Били точно...

Окончание следует.

ШЕДЕВРЫ

Мусоргский умирал. Об этом знали многоопытные врачи Николаевского морского госпиталя. Они внимательно щупали пульс. Вслушивались в порывистый, еле уловимый бег сердца. Глядели в странно просветлевшие глаза композитора. Отмечали оттенки лихорадочного румянца. Все понимали. Молчали. Медицинские сестры, выдавшие виды, в срок подавали микстуры. В положенное время кололи лекарства. Тайком вздыхали: «Не жилец...» Но больше всех, казалось, ощущала приближение кончины маленькая, словно высохшая и потемневшая от бессонных ночей сиделка. Оставаясь в белой сумеречной тишине палаты, она чуяла каждый хрип, каждый стон недужного. Горестно кивала головой. Украдкой раскидывала ветхие, потертые карты. И каждый раз грозный ликовый туз падал рядом с королем червей.

Однако сам Модест Петрович ничего не ведал. Он хотел верить, что судьба не впервой вынесет его на свет божий. За окном сверкал март. Ворчал Петербург. Шла жизнь.

Но где-то кто-то будто шептал: «На этот раз не уйдешь». И тогда вдруг вспомнил он горькую, страшную складку на лбу мажорно улыбавшегося Репина, вот уж три дня писавшего его портрет.

Репин и Мусоргский. Друзья. Более того, единомышленники. Вот строки из письма, отправленного композитором художнику в 1873 году. В этих словах — вся своеобычность автора: «Так вот как, славный коренник! Тройка хотя и в разброде, а все везет, что везти надо. Даже и руки не прикладывая, везет: смотрит и видит, а не только смотрит. За работу возьмется — уж о другой промышляет, что дальше тянет. Так-то, коренник. А «яз» в качестве пристяжной, кое-где подтягиваю, чтоб зазору не было, — кнута боюсь... Я и чувю, в которую сторону толкать надо, и везу, тяну свой гуж и возничи не надо, а ну как препятствие: гуж-то оборвется, ась? аль сам надорвешься. То-то вот: народ хочется сделать: сплю и вижу его, ем и помышляю о нем, пью — мерещится мне он, он один цельный, большой, неподкрашенный и без сусального... Только ковырни — напляшешься — если истинный художник. Вот в Ваших «Бурлаках», например (они передо мною воочию), и вол, и козел, и баран, и кляча, и, прах их знает, каких только домашних там нет, а мусиканты только разнообразием гармонии пробавляются, да техническими особенностями промышляют, «мня типы творить». Печально есть. Художник-живописец давно умеет краски смешать и делает свободно, коли бог разума послал; а наш брат мусикант подумает да отмерит, а отмеривши, опять подумает — детство, сущее детство. Ну, удастся мне — спасибо; нет — в печали пребывать буду, а народ из головы не выйдет — шалишь... Мусорянин».

Как обидно, что в наш атомный век большинство людей, в том числе писатели, художники, композиторы, отвыкли «за ненадобностью» посылать друг другу письма. Но это к слову.

...Настало утро 5 марта 1881 года. Дверь в просторную палату тихонько отворилась. Вошел Илья Ефимович Репин. Прозрачный снежный свет струился в высокое окно. Мусоргский ждал друга. Он сидел в кресле. Хотел встать. Но живописец опередил этот порыв. Обнял и поцеловал: «Да ты сегодня молодцом!» Модест Петрович действительно выглядел бодрее. Сон освежил его. К лицу шли вышитая косоворотка и халат, привезенные Мусоргскому женой Кюи — Мальвиной Рафаиловной. Мольберта не было. Мастер открыл этюдник. Достал палитру и, кое-как пристроив холст к маленькой тумбочке, начал работать. Страшное предчувствие заставляло кисть будто саму писать... Репин не знал, что это последний сеанс, но спешил окончить портрет дорогого его сердцу человека.

Художник бросил взгляд на палитру. И вдруг увидел в ритмическом расположении земляных охр, сиен, умбр основные словно выросшие из самой тверды почвы краски. Рядом пламенели киноварь, кадмий красный, краплаки, будто огонь и кровь, пролитые на жалкую тонкую дощечку. Чтобы мастер не забывал о вечности, разлились голубые, синие, лазоревые — ультрамарин, кобальт, лазурь. Небо, вода, морские бездны. И тут, как добрые леса и рощи наши, — изумрудная, волконскоит, кобальты зеленые. Все, все, как в самой жизни. Сверкали девственные белила ярче снега. Вблизи чернее ночи — жеманная слоновая кость. Свет и мрак.

Репин посмотрел на Мусоргского. Он дремал. Тончайшее нежное сияние петербургской весны обволакивало еще живую форму. Пробили часы. Живописец встрепенулся. Ему послышался грозный набат «Хованщины». Предсмертный звон кремлевских соборных колоколов «Бориса Годунова».

«Мусорянин», так ласково называл он друга, ждет его слова. И он скажет.

Какую силу и истинное чувство художнической меры надо иметь, как надо владеть своим темпераментом, чтобы из всего радужного многоцветья палитры выбрать те сдержанные тона правды, которые отличают колорит от раскраски. «Колорит не многоцветье», — говорил Венецианоз.

Вспомним эти слова сегодня.

Ведь чистая краска в станковой живописи все равно что крик в пе-

нии, а что еще неприятнее — фальцет. «Дал петуха» — говорят в народе. Как это отлично от широкой кантилены истинного пения. Ведь музыка способна выразить все человеческие чувства. Но для того, чтобы она была полнозвучна, должна быть гармония. В симфоническом оркестре есть барабаны и литавры, но они вступают, если это нужно, а основную партию ведут струнные — скрипки, виолончели, контрабасы. Волшебное расширяют палитру оркестра флейты, гобои, валторны и другие духовые, обладающие каждый своим особым чарующим звуком. Так когда слушаешь симфонический оркестр, иногда чувствуется, что тебя достигают человеческие голоса. А если начинает особенно громко трубить медь, это означает волнующее предупреждение.

Так в алер в станковой живописи — филигранное владение палитрой, умение весьма осторожно обращаться с краской — предполагает обладание идеальным слухом и абсолютным ощущением цвета. Это дано не многим. Может быть, кому-то сие покажется печальным. Но это реальность. Ознакомьтесь с историей живописи, и вы убедитесь, как мало больших мастеров рождала каждая эпоха.

Великие певцы появляются тоже нечасто. Надо понять, что речь идет не о тех модных пользователях микрофонов, которым вовсе не нужно знать, что такое бельканто. Механика вывезет. Ведь в микрофон можно прохрипеть, прошептать, промычать, и грохот ударных, шум ВИА помогут принять это безголосье как естественный компонент. (К слову, нельзя не заметить, что микрофон бывает крайне необходим. Когда, например, в концертном зале или на стадионе находятся многие тысячи людей.) Конечно, никто не собирается отрицать высочайшее мастерство таких певцов, как Эдит Пиаф, Лидия Русланова, Анна Герман... Но они обходились скромным аккомпанементом и вовсе не участвовали в гала-телефеериях. Думается, что эти помпезные постановки, напоминающие знаменитую когда-то «вампку», не только не помогают слушать и воспринимать пение (иногда талантливых, одаренных артистов), но откровенно мешают. Правда, подобные представления, разработанные часто по весьма примитивному сценарию, льстят самолюбию постановщиков и исполнителей. Но зритель, ценящий эстрадное искусство, страдает от нелепой пестроты, излишней форсировки звука, а иногда от безвкусицы и пошлости.

А ведь любимых певцов можно слушать без этого цветосветосумомусора. Вдумайтесь, как поют под аккомпанемент рояля «легкую» музыку Елена Образцова, Тамара Синявская...

Между прочим, микрофон имеет своего собрата в современной живописи. Это слайды. Именно они сделали для многих доступным писать портреты, пейзажи, даже сложные композиции, вовсе не обладая блестящим даром живописца. Вставил в эпидиаскоп слайд. Обвел на полотне контур. Вгляделся в фотоцвет. Раскрасил холст. И вся недолга. Правда, наиболее опытные умельцы хитро сбивают рисунок, форсируют или гасят фотоколера. А все же заячи уши торчат. Пройдите по некоторым экспозициям, и вы наверняка обнаружите это «микрофонное пение» — на немногих холстах. Но это никак не означает, что микрофоны или слайды вредны для искусства. Ведь говорят, что сам Леонардо да Винчи изобрел камер-обскуру, а изумительный Вермер Дельфтский пользовался ею всюю. Но думается, что оба Мастера имели еще кое-что за душой. Как, впрочем, и Врубель, написавший фон к «Поверженному Демону», поглядывая на фотоснимки.

Хочется сказать самые-самые добрые слова о фотографии как самостоятельном искусстве. Лучшие мастера свершают дело неповторимое. Они отражают время, в котором живут. И если они к тому же художники в душе, а это бывает часто, то можно понять, почему всегда переполнены залы фотовыставок. Люди любят видеть себя такими, какие они есть, а не те непрожеванные метафоры, которые выдаются за высокое искусство портрета. Так же дороги каждому нормальному зрителю красоты пейзажа, очарование братьев наших меньших и все то, что зовется просто и объемно прекрасным.

...Может, кому-то покажется ненужным в разговоре о живописи поднимать проблемы музыки, пения и даже эстрады. Но ведь, простите, это жанры искусства. Значит, несмотря на все разнообразие, они восходят к душе человеческой. Прочтите строки: «...Ни музыка, ни литература, ни какое бы то ни было искусство в настоящем смысле этого слова не существуют для простой забавы; они отвечают... гораздо более глубоким потребностям человеческого общества, нежели обыкновенной каждой развлечения и легких удовольствий».

Это произнес Петр Ильич Чайковский.

На краю... Далеко, за пределами, остранным смотрит Мусоргский. Что он зрит? О чем думает? Неведомо никому. Ведь никто, а прежде всего сам, не знает, что до смерти считанные дни. Задумчив, мечтателен взор композитора. Он еще хочет создать наконец то, о чем дума не покидала никогда: «...в человеческих массах, как в отдельном лице, всегда есть тончайшие черты, ускользающие от хватки, черты, никем еще не тронутые: подмечать и изучать их в чтении, в наблюдении, по догадкам, всем нутром изучать и кормить ими человечество, как здоровым блюдом, которого еще не пробовал — вот задача-то! восторг и присно восторг!» Гениальный создатель музыки к

И. Репин. 1844—1930. ПОРТРЕТ КОМПОЗИТОРА М. П. МУСОРГСКОГО. 1881.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Суриков. 1848—1916. БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА. 1887.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Маковский. 1846—1920. НА БУЛЬВАРЕ. 1886—1887.

Государственная Третьяковская галерея.

«Хованщине», «Борису Годунову» ни на миг не считал свою задачу законченной. Самое заветное впереди.

Стасов ранее читал Репину письма Мусоргского. Нет, не читал, громко восклицал: «Не музыки нам нужно, не слов, не палитры и не резца; нет, черт бы вас побрал, лгунов, притворщиков,— мысли живые подайте, живую беседу с людьми ведите, какой бы сюжет вы ни выбрали для беседы с ними... Художественное изображение одной красоты в материальном ее значении — грубое ребячество, детский возраст искусства». Тогда Репин как никогда остро почувствовал, какая необъятная задача поставлена Мусоргским перед всеми художниками — музыки, слова, живописи. Не салонные картинки, не изысканное формотворчество. Показать жизнь живого человека в непостижимой сложности, отразить все это — вот цель...

...Художник боится потерять мгновения. Скользящие весенние лучи еще сильнее подчеркивают быстро убегающие минуты. В палате очень тихо. Только пронзительно громко тикают часы. Спешит, спешит Репин. Кисть чуть слышно касается палитры. Бережно притрагивается к холсту. Верная, сильная рука мастера наносит на полотно трагедию бытия. Нет. Он должен, должен оставить людям образ этого необъяснимого, единственного человека. Работать нелегко. Низкий табурет у самой койки. Полотно не укреплено, шатко. Но нет трудностей, когда пишет само сердце.

Лев Толстой сказал: «Одно из величайших заблуждений при суждениях о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все: все возможности, есть текучее вещество».

В халате не со своего плеча. В чужой рубашке. Всклоченный, с растрепанной, нечесаной бородой, одутловатый, с воспаленным лицом, глядит мимо нас немолодой грузный человек. Кто он? На первый взгляд (если бы не дорогой халат с малиновыми бархатными отворотами) Мусоргский похож на крестьянина, если хотите, даже на бурлака. Но взгляните. И за «простецкой» внешностью композитора вам откроется поразительный рельеф открытого прекрасного лба философа. Недаром народ говорит, что глаза — зеркало души. Вся судьба, все взлеты и падения большого музыканта, вся его любовь и неприязнь в этих светлых горестных очах.

Торопится, торопится Репин. Ведь живописец видел взоры врачей, медицинских сестер. Он все понял. Все сокровенное, что было в сердце художника, пришло в движение. Весь опыт, мастерство.

Жизнь. Сама жизнь. Уходящая, трепетная, мерцающая — перед нами. Ничего лишнего. Ни одного неверного удара не нанесла кисть художника. Слои краски так беспредельно тонок, что кажется: не кистью — дыханием создан этот шедевр. Необъятная глыбиста человеческого характера — могучего и нежного, доброго и ранимого была увековечена в те долгие четыре дня. Репин видел перед собой не только обожаемого друга. Живописец с ужасом чувствовал, что трагически рано уходит надежда русской музыки. Ее слава.

Когда Илья Ефимович Репин пришел на пятый сеанс, Мусоргский был совсем плох. Через несколько суток консилиум врачей признал состояние Мусоргского безнадежным.

Ночь. У постели больного сиделки. Вдруг леденящий крик заставил их вздрогнуть: «Все кончено. Ах, я несчастный!»... Сияние вешнего солнца озарило застывший лик Модеста Мусоргского. Начинался новый день. На маленьком столике у койки лежала книга. Трактат Гектора Берлиоза «Об инструментальном».

Искусство бессмертно.

Вдохновенный портрет, созданный Репиным, произвел впечатление ошеломляющее. Только что усопший гениальный русский композитор предстал перед всеми как живой. Возрожденный и увековеченный кистью мастера. Психологическая правда. Глубокое сходство. Сама натура музыканта-исполителя отразилась в картине. Именно теперь, как это ни печально, раскрылся гигантский масштаб того явления в национальной культуре, которое являл Мусоргский.

Полотно немедленно привезли на Передвижную. Стасов прямо с панихиды примчался на выставку, чтобы потропить экспозицию портрета. Не было рамы. Решили задрапировать холст черным материалом. Первое, что увидел Стасов, была оцепеневшая фигура Крамского. Он сидел на стуле. Придвинулся вплотную к картине и пожирал ее глазами. «Что это Репин нынче делает, — воскликнул он, — просто непостижимо. Тут у него какие-то неслыханные приемы, отроду никем не пробованные. Этот портрет писан бог знает, как быстро, огненно. Но как написано все, какую рукою мастера, как вылеплено, как написано! Посмотрите эти глаза: они глядят как живые, они задумались, в них нарисовалась вся внутренняя, душевная работа той минуты, а много ли на свете портретов с подобным выражением! А тело, а щеки, лоб, нос, рот — живое, совсем живое лицо да еще все в свету, от первой до последней черточки, все в солнце, без одной тени — какое создание!» Третьяков еще накануне прислал телеграмму, извещающую о том, что он заглазно просит оставить портрет за ним. В этом поступке был весь характер уникального собирателя. С первых мгновений все, кто видел портрет, потрясенные сотворенным, «в один голос трубили славу Репину». Живой, живой Мусоргский навсегда остался с Россией.

«Великих истин не открывают без горя и труда». Эти слова Анатоля Франса как нельзя лучше определяют меру подвига Репина, собравшего все силы души, чтобы в минуты страшного горя невероятным напряжением воли ответить единственным, что мог сделать истинный художник, — картиной. Вдохновенным созиданием.

Репин прожил долгую жизнь. Творчество художника от «Бурлаков» до «Не ждали», «Ивана Грозного», «Запорожцев», «Крестного хода», сотен портретов — это впечатляющая панорама жизни России. Счастье в том, что почти все лучшие работы мастера находятся в одном собрании — в Третьяковке. И это как бы особо высвечивает ту огромную роль, которую сыграл Павел Михайлович Третьяков в деле накопления и собирания русского богатства.

...Прошло почти полвека. Репин пишет в 1928 году: «Прежде всего я не бросил искусства. Все мои последние мысли о нем, и я призна-

юсь: работал все, как мог, над своими картинами... Вот и теперь уже кажется более полугода я работаю (уже довольно секретничать) над картиной «Гопак», посвященной памяти Модеста Петровича Мусоргского. Такая досада — не удастся кончить...»

Так великий художник мечтал на закате жизни помянуть своего великого друга Мусоргского.

Окиньте оком грандиозную панораму истории развития мировой культуры. Перед вами предстанет картина, чем-то схожая с беспредельным горным ландшафтом, где рядом с раздольными равнинами, пересеченными мощными потоками, высятся сперва холмы, затем кражистые предгорья и, наконец, из-за неприступных и иссеченных трещинами расселин скал и хребтов выступают вовсе не достигаемые, покрытые сверкающим убором вершины. Они вечны как сам мир, как наша земля. Много бурь, ветров, непогоды некогда обрушивалось на их склоны. Но утреннее солнце вновь и вновь озаряло их гордые отроги. Гомер, Данте, Бетховен, Микеланджело, Шекспир, Толстой... Немного, очень немного художников нашей планеты обладало даром эпически ощущать само бытие и отражать его в колоссальных по охвату, размаху и масштабу творениях. Порою трудно поверить, что смертный человек в одну данную ему жизнь мог столько понять и, главное, воплотить в произведениях, поражающих по проникновению в суть чаяний народа. Ибо ни один шедевр музыки, живописи, поэзии не может быть создан без любви к своей Родине, своему народу.

Суриков. Семизвучие коренное, простое, русское. Сибиряк — родное ему слово. Так же крепко, основательно, достойно сколочено из тех же семи букв. В этой близости — начало всех начал его искусства. Сурик — старинная краска, в основе которой железо. Она прочна и стойка. Цвет похож на раскаленный металл — то пламенно красный, то густой, почти вишневый. Трудно сегодня раскрыть, почему этотвольный цвет лег в основу наименования рода донских казаков, пришедших вместе с Ермаком «воевать Сибирь». Но слово не воробей. И нарекли так еще в далекой древности пращуров будущего живописца этой цветастой огненной кличкой.

Красноярск. Родина мастера. Когда Ленин посетил город, он увидел обыкновенный, более чем скромный двухэтажный казачий дом, где на первом этаже с окнами чуть выше тротуара жила семья Суриковых. Внимательно осмотрев это жилье с улицы и со двора, Владимир Ильич задумчиво произнес: «Д-да! Великие люди не особенно стесняются в выборе места своего рождения...»

В немеренной сибирской дали появился на свет крепыш, ставший если не первым, то одним из самых больших художников России.

Оноре Бальзак сказал в прошлом веке: «Гении рождаются не в столице». Это не аксиома. Но появление Сурикова из самой отдаленной глубинки государства Российского было органично. Будто предопределено. Он сам. Его род. Весь уклад жизни. Первые впечатления детства. Все, все как бы предсказывало: «пиши историю Руси». И он превозмог все трудности, одолел все препоны, которые порою подставляет судьба, и с упорством неимоверным одну за одной создал полотна-эпопеи, где слышится будто сам гул эпохи, которую он изобразил. Своиобычны его картины. Они широко известны. И поистине являются одной из высот мировой станковой живописи. Мастерства наиболее трудного.

Картина. Сколько нервов, крови, пота, работы души стоит за этим словом. Вот что говорил сам Василий Иванович Суриков: «А какое время надо, чтобы картина утряслась, так чтобы переменить ничего нельзя было. Действительные размеры каждого предмета найти нужно. В саженной картине одна линия, одна точка фона и та нужна. Важно найти закон, чтобы все части соединить. Это — математика... Но главное в картине — движение».

Но не думайте, что эти строки начертал хладнокровный, расчетливый педант. К Сурикову, как нельзя лучше, относятся тургеневские слова: «Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце».

И это свойство зажигало всех его друзей, бесило врагов...

«Суриков горячо любил искусство, — говорил Репин, — всегда горел им, и этот огонь горел кругом него». О том, как далеко проникал свет его творчества, говорит эпизод из жизни художника.

Свыше трех тысяч верст верхом проехал Суриков по таежным дебрям Сибири. Писал этюды. Рисовал. Собирал материал для картины «Ермак». В ту далекую пору самолетов, портативных фотоаппаратов, вертолетов не было. Вот и приходилось странствовать. Как-то уж под вечер подъезжает Василий Иванович к крохотной деревушке, приютившейся на берегу быстроводной реки. Лошадка привезла его на огонек. Сумеречно. Тишина неземная. Безлюдье. Холодно, сыро. Зябко. «Где, — спрашиваю, — переночевать да попить хоть чаю?» Ни у кого ничего нет. «Вот, — говорят, — учительница ссыльная живет, у нее, может, чего найдется». Стучусь к ней. «Пустите, — говорю, — обогреться да хоть чайку согреть». «А вы кто?» — спрашивает она. «Суриков, — говорю, — художник». «Боярыня, — говорит, — Морозова?», «Казнь стрельцов?» «Да, — говорю, — я». «Да как же это вы здесь?» «Да так, — говорю, — я тут как тут!» Бросилась она топить печь, мед, хлеб поставила, а сама и говорить не может от волнения. Понял я ее и тоже вначале молчал. А потом за чаем так разговорились, что проговорили до утра».

Суриков и Лев Толстой. Тема отдельного исследования. Нет сомнения, что общение этих людей было плодотворно...

«Цель художника не в том, — писал Лев Толстой, — чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях. Ежели бы мне сказали, что я могу написать роман, которым я неоспоримо установлю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятил и двух часов труда на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться, и полюбить жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы».

...Живописец, замыслив «Боярыню Морозову», счел нужным сделать все, чтобы быть во всеоружии мастерства.

В 1883 году он вместе с семьей едет в Европу. Укрепить свое знание колорита, рисунка, композиции...

...Ни с чем не сравнимо звучание «Боярыни Морозовой». Оно истинно полифонично. В этом полотне слышится тревожный гуд той далекой эпохи. Шум древней Москвы. Визжат полозья саней по укатанному снегу. Глухо звучит топот копыт, до слуха долетают лязг и бряцание оружия стрельцов. Неясный ропот тысячной толпы. Лепет, смех, вздохи, тихий говор. Словно струна, звенит голос Морозовой. Горький и страстный. И, как ни странно, несмотря на сонм звучаний, перебивающий и мешающий его воспринять, он слышен всем. Этот стон одинокой души передал гениально Василий Суриков.

Вглядитесь. Вам не хватит целого дня, чтобы разобраться в бездне психологической ткани, созданной кистью мастера. Каждый персонаж, каждый участник этого события — характер. Начиная от улыбающегося мальчишки, вовсе не смыслящего, что за трагедия происходит на его глазах, до отрешенной фигуры девушки в синей шубке. Что за океан чувств хлещет на нас с этой огромной картины! Все перемены людских состояний — от горя, страдания, ненависти до смеха, ликования, сарказма — видятся на холсте. Перед вами трагедия народная, ничуть не уступающая Шекспиру. Между прочим, среди критиков Сурикова раздавались голоса о «корявости» его живописи, об отсутствии идеальности в типаже, рисунке. Вчитайтесь в Шекспира. И вы услышите время. Увидите зримо драму столкновения характеров людских. Почувствуете правду, невероятную по жестокости. Почти невыносимую истину бытия. А форма выражения? Конечно, это никак не мадригалы или сонеты модных поэтов. Слово английского драматурга терпко, дерзко, грубо. Но разве можно замечать лишь родинку на щеке титана? Это неумно и пошло. Подумайте о его деяниях, о том грандиозном потоке ассоциаций, мышления, которые вызывает его творчество...

«Боярыня Морозова» — жемчужина Третьяковки. Одна из самых потрясающих картин планеты. В ней главенствует дух людской. Проявление характеров. Тайные движения души. Здесь нет академической и классической жесткости. Нет изысканного и взвешенного салонного представления. Сама жизнь — грозная и прекрасная — глядит на нас в это гигантское, раскрытое художником окно. Это подвиг искусства.

А. Н. Бенуа писал: «...Лишь редкие художники, такие, как Суриков, способны построить мосты из глубокой древности до наших дней и бесконечно вперед — в вечность. Никакие славянофильские рассуждения не способны были открыть такие прочные, кровные жизненные связи между вчерашним и нынешним днем России, они тогдашние люди, но они в то же время, несомненно, родные наши отцы...»

Особенно важно сегодня понять колоссальный труд души, мастерство станковой живописи, а главное, то, что «Боярыня Морозова» — изумительная, величественная картина. И совершенно понятны слова А. В. Луначарского: «Если бы кто-нибудь выступил с картиной, хотя бы на одну пятую часть столь значительной по содержанию, как... «Боярыня Морозова» Сурикова, но с новым содержанием, соответствующим нашему времени, я воображаю, какое это было бы всеобщее ликование...»

Естественно, что это заявление, сделанное давно, звучит ныне, может быть, слишком категорически. Но оно заставляет задуматься о состоянии станковой картины сегодня.

Тишина... Широко, раздольно раскинулось поле. Русское поле. Бескрайнее, неодолимое. Гудит озорной вольный ветер в ковыльной степи. Высоко в летнем полуденном небе неспешно и гордо плывут струги облаков. Орлы сторожат древние курганы. Порывистый вихрь подхватил, развеял гривы могучих коней, принес горький запах полыни. Сверкнул глаз неистового Бурушки, любимого коня Ильи Муромца. Суров богатырь. Изготовлено копье. Подъята тяжелая длань. Глядит далеко-далеко вдаль. Насторожены други его — Добрыня Никитич, Алеша Попович. Грозная сила в этом молчаливом ожидании.

Бессонна дружина. Ни одна, даже крылатая тварь не прорвется. Спокойны, дружелюбны богатыри. И рады бы мирно почивать в домах своих. Но лезет, лезет к нам всякая нечисть. Хотя знает вещи слова, сказанные однажды: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет». И ведь не раз сбывалось пророчество. Однако неимется благным врагам. Хотят испытать непобедимость богатырскую.

Громыкает гортанно гром за увалами. Где-то блеснула зарница. Клубятся тучи над бескрайними далями.

Стоит, не дрогнет богатырская застава. Видала всяких гостей земля наша. Сдюжит и ныне. Но зачем хорохорятся, засекают недоброе? Ведь знают, какой лютой бедой может все обернуться...

Высоко-высоко в небе парит степной орел.

Тишина.

«Мы только тогда внесем свою лепту в сокровищницу всемирного искусства, когда все силы свои устремим к развитию своего родного, русского искусства, то есть когда с возможным для нас совершенством и полнотой изобразим и выразим красоту, мощь и смысл наших родных образов — нашей русской природы и человека нашей настоящей жизни, нашего прошлого, наши грезы, мечты, нашу веру и сумеем в своем истинно национальном отразить вечное, непреходящее».

Эти мудрые и гордые слова написал замечательный художник Виктор Михайлович Васнецов, автор знаменитой картины «Богатыри». Двадцать семь лет отделяют первый карандашный эскиз от того заветного дня, когда мастер окончил это эпическое полотно, ставшее символом мощи, непобедимости и доброты.

Хотелось бы напомнить об одной весьма интересной и содержательной беседе, которая состоялась в 1975 году с директором всемирно знаменитой сокровищницы искусства, нью-йоркского музея Метрополитен мистером Томасом Ховингом. Разговор происходил в стенах Третьяковской галереи, где экспонируются работы Виктора Васнецова. Мир русской старины, чудесных былин и сказок окружил нас.

— Васнецов — истинно русский художник! — восклицает Ховинг. — Меня больше всего потрясает в его искусстве то, как он умеет рас-

крыть саму душу своего народа, широкую, смелую, добрую. И он делает это убедительно и своеобразно. Васнецов знакомит нас с русскими сказаниями, в них раскрывает большую философскую глубину, мудрость, которая понятна и доступна всем народам мира. Васнецов — художник и драматург одновременно. Он умеет увлечь и пленить зрителя, его искусство мне бесконечно нравится. О, если бы можно было показать нашему зрителю «Богатырей»! Это великолепный холст. В нем опять необычайное умение драматурга-живописца Васнецова. Эти смелые воины ждут врага, они встретят его достойно. Меня потрясает их сказочные, былинные, чудесные кони. Они почти так же мудры, как люди, видите, как по-разному они ждут противника. Удивителен пейзаж картины. В нем ощущается приближение грозы. Я убежден, что искусство изумительного рисовальщика, живописца и драматурга Виктора Васнецова произвело бы у нас в Штатах сенсацию. Мне понятно, как трудно расставаться, даже хоть на время, с такими жемчужинами, но мы будем просить наших советских друзей дать возможность американцам познакомиться с поразительным творчеством Виктора Васнецова.

«Аленушка»... — это восхитительно и чарующе, — взволнованно промолвил Ховинг. — Передо мной как бы оживает сама душа России. Будто слышу прекрасную музыку Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Игоря Стравинского. Вам известно, насколько любима в Соединенных Штатах русская музыка и каким успехом пользовались у нас всегда выступления русского балета, в которых мы чувствовали проявление богатства и красоты русской, советской культуры. Россия — огромная страна, которую невозможно сравнить ни с одной другой страной в мире. Колоссальны ее расстояния, широко раскинулись ее степи. И эта огромность, как пульс ее сердца, бьется в русской литературе — Толстой, Достоевский, Гоголь; в русской музыке — Бородин, Мусоргский, Чайковский; в русской живописи — Суриков, Васнецов, Репин, Левитан. Моя основная задача — сделать все возможное, чтобы американский зритель ближе познакомился с русской душой, русской природой. Я вижу теснейшую связь между прелестью, размахом, красотой русской природы и глубиной русской музыки, литературы, живописи... Трудно передать вам, как я мечтаю показать полотна Сурикова в Америке. Это было бы откровением. Но транспортировка таких огромных холстов, как «Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», необычайно сложна, если хотите, почти невозможна.

...Пролетели девять лет. Многое изменилось. Не могу поручиться, что Томас Ховинг сохранил свои привязанности. Хотя думается, что вкусы серьезных людей не меняются, как ботинки, по велению моды. Не убежден, что эта публикация понравится ястребам, нагнетающим неприязнь, ненависть к нашей Родине, мешающим атмосфере доверия между народами.

Но это дело их совести...

Если она есть.

Вернемся в Третьяковку.

«На бульваре». Владимир Маковский написал картину в 1887 году. Между этой бытовой сценой и сегодняшним днем — пропасть. Далеко в небытие канула нищая, неграмотная Русь. Сюжет несложен. Но крайне типичен для той поры. В Москву из далекого села приехала молодуха с ребенком. Навестить мужа. Поделить с горестями с кормильцем. Комнаты или другого жилья, где можно поговорить, нет. Вот и сидят на бульваре супруги. Жена убита поведением своего благоверного, неузнаваемо изменившегося. Фатоватый, подпивший мастеровой, быстро ставший «городским», вальяжно развалился на скамейке. Лихо заломив фуражку, в красной распахнутой косоворотке, он не обращает никакого внимания на свою половину. Куражится. Хотя на душе пакостно, поганно: только намеренный хозяин ни за что расквасил ему нос. Однако парень держит форс. Наигрывает на гармошке модную кадрили. Вглядитесь в образ крестьянки. Безысходность. Тупиковая скорбь в ее согбенной фигуре.

Маленький жанр. Но сколько раздумий, какая публицистическая наполненность. Бездна острых наблюдений, мастерства в этом полотне...

Возможно, некоторые наши искусствоведы криво усмехнутся: «На бульваре» Маковского — почти «китч». Есть такой термин, которым иногда сбивают с пути художников-реалистов.

А ведь как же порою не хватает ныне на выставках конкретной, динамичной, сегодняшней сложной жизни, наполненной пафосом борьбы и постижений. Открытий и разочарований. Свершений.

Вспомните слова Мусоргского: «Народ хочется сделать: сплю и вижу его... Он один цельный, большой, неприкрашенный и без сурьезного»...

Думается, наряду с освоением огромного опыта, накопленного советским искусством, нашим современным художникам — особенно молодым — следует глубже проникнуться великими традициями русской реалистической живописи — от Александра Иванова, Венецианова, Федотова до Репина, Сурикова, Васнецова, Левитана, шедевры которых могут составить славу любого из крупнейших собраний мира. Их творчество внесло в сокровищницу мирового искусства свой неповторимый, свойственный нашей многонациональной культуре духовный, гражданственный язык.

Станковая картина — это сложная, глубоко психологически построенная работа, исполненная на высочайшем уровне. Настоящую картину увидишь, запомнишь навсегда. Она воспитывает. Становится желанным, мудрым собеседником. Но это требует высшего мастерства. Искренней этической, гражданской наполненности.

...Задача нашего искусства — воплощение образа современника, носителя идеалов, борца за свет, правду и мир.

Это, естественно, касается не только живописи. В активном процессе формирования нового человека на пороге третьего тысячелетия столь же благородную патристическую роль должны проявлять литература, музыка, ваияне, зодчество. И, конечно, телевидение, театр, кино...

Духовность нашей культуры, величие ее идеалов должны благотворно влиять на нравственный облик гражданина нашей Отчизны.

«Гриша, ты страшно много принес мне душевного страдания. В чем же меня обвиняешь, если сам за тридцать лет даже не спросил, где и как живет твоя мать? Ты считаешь, что я провинилась перед тобой. Но вины, кроме той, что не сумела тебя воспитать, у меня нет. Я желаю тебе от всей души не получить точь-в-точь такую же старость и такую же благодарность, какую я получила от тебя...»

Это письмо Марии Кузьминичны К., о судьбе которой «Огонек» рассказал в очерке «Без свидетелей» (№ 7), я передала лично в руки Григорию Алексеевичу, ее старшему сыну. Мать по-прежнему ждет, надеется, что откликнутся родные сердца, что настанет наконец час, когда на пороге ее маленькой комнаты в доме-интернате появятся сын и дочь.

И, конечно, горько было читать в обширной почте, пришедшей на очери, несколько писем (их всего девять), авторы которых не понимают, на что обижается старая мать.

«В чем можно обвинять Григория и Нину? В моих глазах они заслуживают уважения за одно только то, что честно работают и честно зарабатывают. А мать строчит на них жалобы и подает на алименты. Неужели она хотела, чтобы сын в послевоенную разруху ее носил на пуховых подушках? Ноги плохие были... На здоровье ей грех жаловаться, ведь до 85 лет дотянула...»

Что она не могла в инвалидную артель пойти? Коробки клеить, сетки плести? Считает себя обиженной матерью. Алименты же ей платят, и государство помогает. Вы, конечно, не станете печатать такие письма. Имя мое не называйте, у нас городок маленький» (А. М., г. Вильянди.)

Но журнал, как видите, печатает самые разные мнения. Вот и такое письмо мы получили из Магнитогорска, автор которого тоже не пожелал назвать свою фамилию:

«Настоящая мать жила бы да радовалась, какие у нее хорошие дети выросли. Григорий в ювешках пьяный не валяется, он ученый, человек заслуженный. Ночи не спал, когда учился. Видно, не знает Мария Кузьминична, что такое плохие дети. Сколько матерей быют, старший — подзатыльник, младший — по щекам. А она молчит, не жалуется. Мать сор из избы не выносит, даже волчица своих детей защищает. Поэтому я на стороне детей. Я и сама живу без их помощи».

Что же, у каждого свой личный опыт, своя жизненная позиция. Но, конечно, справедливо, что в подавляющем большинстве откликов звучали возмущенные слова о нашем вечном и святом долге...

Прочтите эти письма, они сами говорят за себя. Прочтите их и вы, Григорий Алексеевич и Нина Алексеевна. Так хочется, чтобы забылись былые обиды и вы сумели найти в себе силы первыми сделать шаг навстречу своей матери.

З. ЗОЛотова

* * *

Согласен, чужую семью понять трудно. Вправду нелегкий характер был у Марии Кузьминичны, но это ни в коем случае не оправдывает ее детей. Я бы даже назвал их поступок подлым. Вспомните, как смягчилось материнское сердце, побоялась ущемить «добропорядочность» и «честное» имя детей, когда она просит не называть их фамилии. Григорий и Нина, я считаю, совершили преступление перед всеми матерями земли. Ведь сын забыл, что мать дала возможность закончить институт, растила его ребенка. А он в то время зарабатывал авторитет, продвигался по службе. К сожалению, с таким «авторитетом» он занимает высокое положение и воспитал не одно поколение студентов.

Вы не правы, что не назвали фамилии Григория и Нины. Наше общество борется за высокие нравственные идеалы, и никакими миллионами не учесть тот моральный урон, который наносят ему вот такие «авторитетные» и «уважаемые» люди. Их должны знать в лицо. Я бы повесил табличку на дверях их квартиры: «Здесь живет человек, отказавшийся от своей матери».

Почему все это я принял болезненно? Ровно год как умерла моя мать, за три года до смерти она ослепла. Три отпуска и все свободное время я посвящал ей. Она стала капризной, но, я думаю, не больше, чем мы, когда были маленькими. Жизнь прожить — не поле перейти, все бывает. Но мать была, есть и будет одна. Мир рожден от матери, ее грудью вскормлен весь народ. Мы должны помнить об этом.

М. А. ЛИТВИЩЕНКО

Ровно.

* * *

Читал очерк еще и еще раз, искал хоть какое-то оправдание по-

ступкам Григория и Нины. И не нашел. От этого еще больше усилилось чувство стыда за незнакомых мне людей, за их пустую мораль. Перешлите мое письмо Григорию Алексеевичу.

Вслушайтесь меня внимательно, Григорий Алексеевич. Сначала легенда... Живет она в народе в разных вариантах.

...Жили-были мать с сыном. Жили ладно и были любы друг другу. И вот сын женился. Молодая жена невзлюбила свою свекровь и решила избавиться от нее. Слегла, притворившись хворой. «Умру я скоро», говорит она, — и вылечить меня невозможно, потому что исцеление мое зависит от твоей матери. Я поправлюсь, если приложит к моей груди сердце свекрови...»

Через некоторое время муж вернулся, неся в руках еще теплое сердце матери. У порога он споткнулся. И говорят, что неожиданно изрекло оно заботливым, материнским голосом: «Ты не ушибся, сынок?..»

Ну, была обида, ну, поссорились. Пусть это была глубокая обида. Но вычеркнуть из жизни мать — не понимаю. Она была хорошей, когда была нужна. Десять рублей из 340 платить и говорить о том, что «тянет с нас деньги».

Я бы не смог поступить так, как поступили вы. У меня жена, дети, но мать всегда со мной, под одной крышей.

Ж. М. МАХМАЕВ,
учитель-методист

с. Комсомольское,
Чечено-Ингушская АССР.

* * *

Во время войны были всей семьей в партизанском отряде: отец, мать, я и два брата. Отец с матерью и младшим братом оказались у карателей. Отца пытали на глазах у всех, и мать всю жизнь не могла забыть ужасного крика

ВЕЧНЫЙ ДОЛГ

отца при пытках. Когда партизаны освободили их, брат целовал землю, не веря, что он на свободе. Столько горя было пережито нашей семьей, поэтому в сознании осталось только уважение, благодарность и светлая память к родителям. Когда умер отец, мать ходила всю ночь под окнами моей комнаты, не решаясь сказать мне о его смерти: я в то время ждала ребенка.

Долго и тяжело болела мама, и мы, дети, все по очереди ухаживали за ней, не решаясь отдать надолго в больницу.

Мария Кузьминична и ее дети тоже пережили войну. Поэтому я не понимаю, как, пережив такое горе, можно забыть мать?

Г. Г. НАЗАРОВА

Новгород.

* * *

У меня была хорошая свекровь, заботливая, следила за сынишкой. После смерти свекра очень изменилась. Съезжаться не хотелось. Я приезжала к ней домой, помогала. Мама моя доказывала, что она больна, говорила: «Знаешь, Валентина, у нас в роду так не делают. Свекровь была здорова — была нужна, а сейчас, выходит, не нужна. Если бы был жив твой отец, он бы тебя не одобрил».

Отец и мать уважительно относились к нашим старикам, они всегда принимали их сторону. У меня сохранились фронтовые письма отца. В каждом из них он уделял несколько слов бабушке, желал ей здоровья, расспрашивал о делах.

В общем, скоро мы забрали свекровь к себе. Болела она тяжело, и был момент, когда, казалось, нельзя вынести, но я всегда вспоминала слова матери: «У нас в роду так не делают». Они давали мне силы. Да, родителей не выбирают, но мы всегда в долгу перед ними.

В. П. ЧЕРВИНСКАЯ

Киев.

* * *

Когда мне исполнилось три месяца, мать, бросив меня своей старшей сестре, у которой на войне погиб муж и на руках осталось двое маленьких детей, уехала. Она писала письма, иногда присылала деньги, но кормила и воспитывала меня тетка. Мне и затрепина лишняя и слово горячее — все мне. И, забравшись в смородиновые кусты, я молила бога, чтобы он дал мне крылья в горькую минуту и я бы улетила к маме. Я жадно встречала каждый автобус, ждала мать, но напрасно. Летом заработала немного денег, поехала к матери. А она, несмотря на ноябрь, купила мне холодный клеенчатый плащ и отправила назад к тетке.

Теперь я замужем, мне тридцать восемь лет. Растут в семье три девочки, старшая — приемыш. И вот в 1979 году у нас гость. Приехала моя мама, ей уже за шестьдесят, хочется жить в семье, окруженной любовью. А девочки ее не знают, да и я ее не знаю. Как поступить? Где я возьму любовь? Конечно, я ее не выгнала, не уп-

рекнула, велела, чтобы дочки ее любили. Она мне говорит, что я, мол, не умею жить. Упрекает, зачем тебе трое нужны, хватило бы одного. Понятно, мне не раскидываться: семья пять человек. А она грозит: уйду в дом престарелых. «Уйди, уйди скорее», — думаю, — ведь не было тебя, когда я три месяца в горячечном бреду валялась. Если родила, то воспитывай сама. Где ты была, когда учительница отогревала меня, как щенка у печки?»

«Огонек», не всегда бывают правы матери, если оказываются одиноки в старости. Но бросить ее не могу. Испытав сама одиночество в детстве, так хочу, чтобы у дочек все было по-людски.

Т. А.

Даугавпилс.

* * *

Мы, молодежь, чувствуем свою ответственность перед матерью, как перед Родиной. Родина наша потеряла миллионы жизней в недавней войне, чтобы мы были счастливы. Мы всегда в долгу перед ними и перед женщинами, воспитавшими таких людей. А вот вы, Григорий Алексеевич, этого не понимаете. Вам надо срочно ехать во Львов, мать долго не проживет. Она ждет вас.

Мне шестнадцать лет, учусь на первом курсе педучилища, уже взрослая. Я бы на месте Нины Алексеевны скорее бросила своего мужа, чем мать. Эгоистка вы, у вас камень, а не сердце. Насколько великодушнее Мария Кузьминична! Она готова вас простить, как только вы к ней приедете.

Испаният ДАГИРОВА

Гудермес.

* * *

В жизни я видел очень мало: мне всего восемнадцать лет, учусь в кинотехникуме. Григорий Алексеевич прошел войну от начала до конца — в этом его большая заслуга перед Родиной, но и она не снимает с него вины за содеянное зло по отношению к своим близким. Его и Нину надо судить по всей строгости закона. Такого рода измена матери — это измена Родине. Этот вывод я сделал, потому что меня и сотни тысяч таких, как я, за школьными партами учили самому доброму — любви к матери, а значит, и к Родине.

Игорь КРАВЧЕНКО

Ростов-на-Дону

* * *

Мой сын, десятиклассник, подает мне «Огонек». Читаем очерк «Без свидетелей».

Вот вы, Нина Алексеевна, говорите, что нет свидетелей, как вы ее обижали. Неправда, говорю это от имени своего сына тоже, есть свидетель — это ваша совесть. Думаем, что она заговорит в вас, когда вы будете тоже старой, заговорит по той простой причине, что совесть сроков давности не имеет.

Если Мария Кузьминична будет согласна, мы ее забираем жить к себе.

Б. К. БАЙГАРИНА

Алма-Ата.

У кандидата технических наук Владимира Ильича Лебедева на сегодня 220 принятых изобретений. Завтра или через месяц их может стать больше. Первое он подал двадцать лет назад, когда еще был комсомольцем. Но вундеркиндом не был и не приводил в восторг своей сверхъестественностью маму и папу. Хотя бы потому, что в школу пошел без отца. Отец, инженер-строитель, в июле сорок первого года добровольцем ушел на фронт, и осенью того же года пал политрук в бою под Смоленском. Матери, секретарю-машинистке, пришлось работать за двоих, — дети росли под дробь старенького «Ундервуда». Кроме того, она была прекрасной стенографисткой, участвовала в конкурсах на скорость и выходила победительницей. Вадима Синявского, ведущего в темпе пулеметной очереди репортажи со стадиона «Динамо», записывала дословно, с точностью до запятой...

Вовку интересовал и футбол и сама машинка. И он терпеть не мог писать сочинения. Зато предельно краткий язык формул и теорем укладывался в его голове с четкостью фраз, отпечатанных на машинке. Может быть, с той отороческой порой лаконичен в разговоре, слова не произносит, а выбрасывает. «Чем увлекался? — переспросил. — Что-то резал, чего-то точил, что-то сколачивал. Во Дворце пионеров? Какие дворцы! Война ведь».

Соответственный выбрал институт — МВТУ имени Баумана. Хотел на машиностроительный факультет, но не набрал нужного количества баллов и попал на механико-технологический, теперь факультет автоматизации и механизации, к профессору А. И. Целикову. Это и определило дальнейшую судьбу — металлургия.

Но и здесь, в институте, еще не раскрылось, будто пребывало в глубокой дреме, его дарование: «Я ничем не отличался от других. Целиков же отбирал в свой ВНИИметмаш сверхобыкновенных. Распределили в Гипромет. В каком году? В шестидесятом».

Шестидесятый... В тот год заснеженная январская Москва в последний путь провожала Ивана Павловича Бардина, вице-президента Академии наук СССР. Безпятиминутный инженер Лебедев, готовившийся к защите диплома по прокату, не стоял на Большой Калужской в скорбной очереди к академическому особняку. Ему не довелось ни разу ни слушать, ни видеть выдающегося ученого и организатора науки о черном металле, творца смелых проектов и прогрессивных технологических процессов. Но именно в том шестидесятом началась та прочная вязь стечения обстоятельств и фактов, которые неожиданно сблизили их. Но не сразу. Сначала свежеспеченный специалист сидел на оборудовании для конвертерных цехов. Первое в его жиз-

ни изобретение — стопоры для сталелитейных ковшей.

Из груды папок Лебедев извлекает самую нижнюю. Шесть авто-ров.

Глаза моего собеседника, уменьшенные минусовыми стеклами, в ироническом прищуре:

— В наши дни одному ничего не поднять. Придумать можно, но осуществить?.. Время одиночек давно прошло. Да и неумехой был. Не знал, как составляют заявки. Это же целая система, курсы своего рода надо пройти.

Эти курсы он взял с ходу, экстерном еще в Гипрометзе. Вскоре там началась пертурбация: в Гипрометз влилась группа Стальпро-екта, и прокатчик Лебедев оказался в отделе по установкам непрерывной разливки стали. Не воз-ражал. Готовых непрерывщиков вузы не выпускали. Он-то знал, что идея беслиткового получения проката непосредственно из жидкой стали была выдвинута плодотворным изобретателем англичанином Генри Бессемером еще в 1855 году. Но реализована она ровно сто лет спустя: в мае 1955 года была пущена первая про-мышленная установка непрерывной разливки стали — УНРС — на горьковском заводе «Красное Сормово». До того никто не верил в реальную возможность такого процесса. Лебедев учился тогда на втором курсе вуза.

Непрерывной разливкой занимался лично академик Бардин. Сам Бардин, о котором ходили среди студентов легенды! И вот теперь он, Лебедев, тоже должен заниматься непрерывной разливкой. Это щекотало самолюбие. Хотелось предложить что-то новое, свое, чего еще не было.

И он предложил.

Расчеты. Схемы. Чертежи. Все сам, с начала до конца. Решил показать товарищу, с которым учился в институте.

Разложил листы на столе. Тут все видно: шарнирный механизм; привод качания, направляющие. Вот узел в сборке, вот проекция...

Друг многозначительно вздохнул.

— Ну, что скажешь? — не вынес Лебедев его молчания.

— Что-то очень уж все просто, Володя. Неужели до сих пор этого не было?

Он не обиделся. Он обрадовался. Приятель, видимо, забыл, что чем проще, тем удачнее, значит, конструкция. Ведь кто-то же из великих изрек, что гениальное просто.

Устройство для качания кристаллизатора — главного узла, в котором из жидкого металла начинает формироваться заготовка, было зарегистрировано в государственном реестре. В авторском свидетельстве под номером 197110 на сей раз значится одна-единственная фамилия — В. И. Лебедев. Оно было запатентовано и вошло в лицензию на УНРС, купленную Францией. Известна и сумма вознаграждения, она проставлена тут же.

— Не густо, — замечаю. — Ведь запатентованное же!

— Напротив, хороший гонорар. Обычно меньше. А то и вообще

ничего, если принято, но еще не внедрено. Платит же фирма или завод. А заводчане, если даже и участвуют во внедрении, не всегда идут на ломку старого. Новое — это новые хлопоты. Да разве в деньгах дело? Еще нет таких монет, которыми можно было бы измерить истинное творчество!

Но вот очередная работа закончена, проект в ажуре, приезжают дотошные, придирчивые консультанты, доки по технологии. И начинается: «Э-э, тут не так, не пойдет!», «Это не годится, нарушится режим!».

Лебедев тихо вскипал: «Почему? Работать легче, металла в обрез идет меньше, производительность растет».

— Понимаешь, не тех-но-ло-гич-но! — уже назидательно, как упряму, терпеливо повторяли сухари-теоретики. Так он называл их про себя. Что с них взять?

Приходилось отступать, переделывать. Случалось, и по второму разу были замечания. Он снова с яростью набрасывался на консультантов: «Почему?» Но его вопросы были, как ватные шарики. На них не обращали внимания. В конце концов им так надоел этот великовозрастный тридцатидвухлетний почемучка, что как-то в сердцах предложили: «Знаешь что? Давай-ка переходи к нам, в наш институт, тогда поймешь что к чему».

Это была не шутка. Это было сказано серьезно. Он подумал, подумал и перевелся. На равных: там завгруппой и тут завгруппой. Не потерял и в окладе. Зато предстояло постичь неведомый для него мир теории процесса непрерывной разливки стали и его технологию. Предстояло работать под началом доктора технических наук лауреата Государственной премии СССР Д. П. Евтеева, начальника отдела и завлабораторией, авторитет которого очень высок и у нас и за рубежом.

От метро «Бауманская» до улицы Радио он шел пешком. Четыре трамвайных остановки. На всякий случай хотел шагами промерить это расстояние. Здание ЦНИИчермета громадное, с пристройками за фасадом, неохватное глазом, обтекаемое скрежещущими на поворотах трамваями. Прежде чем навсегда переступить его порог, Лебедев постоял у мраморной мемориальной доски с барельефом Бардина. Академик создавал этот институт и был до самых последних дней своих его директором. И с 1960 года ЦНИИчермет носит его имя. В составе этой крупнейшей в мире научно-исследовательской организации в области черной металлургии пять институтов. Здесь, в этих стенах, рождались самые прогрессивные технологические процессы, начиная от кислородно-конвертерной плавки и непрерывной разливки стали до создания ее новых марок, сплавов и композиционных материалов, взятых на вооружение сотнями заводов, и не только в нашей стране. Все это Лебедеву, конечно, было известно, и в эту минуту не без внутренней робости он осознал, что в его жизни начинается совершенно новый и, вероятно, самый главный этап.

Адаптировался он долго и мучительно. Первое время ощущение было такое, будто попал в невесомость, и под ногами разверзлась земная твердь, и не на что было опереться. В Гипрометзе была привычная почва — чертежные доски, кульманы, ватманы, синьки, все зримо. Посмотришь — видно что к чему, где огрехи. А тут нет результатов конкретного труда. Перед тобой ничего. Пустота. Письменный стол. Бумаги. Перо. Сиди, выдумывай, твори. Хоть из воздуха, но выдавай идеи. Учился на прокатчика. В Гипрометзе стал механиком-конструктором сталеплавильного оборудования, а теперь должен стать и технологом. Надо было перестроиться психологически, научиться иначе думать, не геометрическими и пространственными образами, а формулами. Переучивался. Постигал принятую во всех странах теорию кристаллизации слитка, разработанную в ЦНИИчермете доктором технических наук В. Т. Борисовым.

Он забывал о времени и о себе. Вгрызался в самую глубь, в недра проблемы. Перестраивался с вдохновением. Бывало, едет в метро, достает блокнот, что-то записывает, перечеркивает, добавляет. Однажды так увлекся, что вместо Вешняков попал в Голутвин. За сто километров от дома.

В приобретении новой специальности помогал Евтеев. Он поставил перед Лебедевым конкретную задачу: разрабатывай, мол, — а потом и подтолкнул, заставил брать, как говорят, быка за рога. Послал на завод.

«Сарканайс металлургс» — это Лиена, город героической обороны в сорок первом, город моряков и курортников... Средневековые улочки с гулками шагами редких прохожих по брусчатке, краснокирпичные здания, помнящие Петра Первого, старинная церковь Трисвиенбас, в которой играет орган, каштаны в Приморском сквере... Ничего этого он не видел. С утра до темной ночи пропадал в цехе на разливке. И досадуя и негодуя на себя, своими глазами увидел, как же он бывал не прав, как много лишнего они на проектировали.

В воскресное преддверное утро Бригманис, начальник цеха, и Веселов, начальник установки (сейчас он работает в Старом Осколе), повели Лебедева к морю. Боже мой, какой бархатный бесконечный пляж! Он же знал только галечные, стиснутые скалами черноморские... Какой резвый, вселяющий бодрость, придающий силы ветер на Балтике!..

— Окунемся? — И он побежал навстречу волнам.

Командировка в Лиенаю показала, что завод — прекрасная школа, что успеха можно достичь только в тесном союзе с заводскими специалистами. И он едет в Липецк, Череповец, Донецк, едет с удовольствием. Ему нравятся работать вместе с ними, заводчанами. Потому и в авторских его свидетельствах рядом с фамилиями ученых все больше появляется фамилий начальников цехов, инженеров.

— Еще ни одна установка не

ПРИЗНАНИЕ? ДА, ВС

шла у нас с первого запуска. Процесс освоения очень сложный и очень интересный. Учишься на своих же ошибках, совершенствуешь, дополняешь...

Среднего роста, тонкий, он шагает дома, по своей гостиной. От угла, заставленного радиотехникой (это его увлечение: «Люблю рафинированный джаз. Серьезная музыка заставляет думать, не дает отдыха»), до стола и обратно.

— И изобретаете, — заканчиваю начатую им фразу.

— Разумеется. Если занимаешься непрерывной разливкой почти двадцать лет, то знаешь в этой области не «кот» и «до», а все, что является новым.

Лебедев рассказывает о так называемой зоне вторичного охлаждения. Тут окончательно формируется и затвердевает слиток. Премудрость состоит в том, чтоб корочка, которой он покрылся снаружи, охлаждалась и не лопнула. От этого зависит качество слитка. Тут свои законы...

Не утратив свойственной юности любознательности, Лебедев не устал ставить вопросы «почему», но теперь задает их сам себе и сам же ищет пути их решения. Не охлаждаются узкие грани прямоугольного слитка? Надо найти выход из положения. И Лебедев с соавторами изобретения № 582041 с помощью формул и теоретических расчетов его определяет, и мастера цехов получают четкие предписания. Участились случаи брака при непрерывной разливке слитков квадратного и блюмового профиля? Да, сложная задача. Она потребовала тщательного изучения зарубежного опыта. Однако ни американское запатентованное изобретение, ни французская заявка, ни информационные материалы из ФРГ не содержали нужной рекомендации по этому поводу. Четверо исследователей: Евтев, Кан, Лебедев, Фульмахт, — основываясь на строгом научном расчете, прототипируют свою, дотоле неизвестную дорожку.

Права авторов были признаны в 1982 году. В том же году президиум Московского городского совета ВОИР присваивает В. И. Лебедеву почетное звание «Лучший изобретатель Москвы».

Владимир Ильич показывает список принятых изобретений по машинам непрерывной разливки стали третьего поколения. Солидная папка. Тут полностью его идея и подтверждена абсолютной новизной. Ее горячо поддерживает нынешний директор ЦНИИчермет член-корреспондент АН СССР Н. П. Лекишев.

Однако же, озадачивая себя, поразмыслив, персональных изобретений у него не так уж много. Говорил, что десятка два наберется, остальные коллективные. И у его соавторов совокупно сотни авторских свидетельств. А у Евтева — больше двухсот. Чем же Лебедев отличается от других?

«Умеет смотреть вперед, знает, куда двигаться. Въедливый и трудолюбивый» — так говорит о нем старший научный сотрудник, лауреат Государственных премий СССР и его соавтор по изобретениям В. В. Фульмахт, ветеран института, он занимается непрерывной разливкой с ее истоков, с бардинского времени. И похвалы выше не может быть. «Лебедев — наша гордость. Светлая голова. С ним приятно иметь дело, потому что он компетентен всесторонне. И технолог и конструктор, такой он у нас единственный». Это сло-

ва другого коллеги, заведующего лабораторией Ю. Е. Кана, лауреата Национальной премии ГДР.

Значит, чтобы раскрылся талант у человека, который вовсе не был вундеркиндом, необходима благоприятная питательная среда. Такой средой для Лебедева стал ЦНИИчермет.

Достижения СССР в области непрерывной разливки стали неоспоримы и признаны во всем мире. Общеизвестно, что лицензии на такие наши установки вслед за Японией куплены крупнейшими капиталистическими государствами и, что особенно ценно, развивающимися странами: Алжиром, Индией, Ираном, Шри Ланкой... Список велик и далеко не окончен. Дело не только в продаже лицензий и самих установок, изготовленных у нас, но и в оказании конкретной помощи при монтаже оборудования и освоении процесса. Лебедев, например, в качестве консультанта был на металлургическом заводе города Ризы в ГДР, а в 1978 году работал в Хелуане, под Каиром. Там шесть установок, изготовленных «Уралмашем» и Южно-Уральским машиностроительным заводом. Тот год, 1978-й, ознаменовался и другим событием в его жизни: за разработку и внедрение режимов охлаждения непрерывных слитков на крупных отечественных и зарубежных установках, обеспечивающих высокое качество заготовок, в числе нескольких сотрудников института и специалистов Новолипецкого комбината Лебедев был удостоен премии имени академика И. П. Бардина.

Вот почему, когда весной этого года во Всемирной организации интеллектуальной собственности — ВОИС, значительные средства которой отводятся на изобретения, открытия, художественные произведения в помощь развивающимся странам, решался вопрос о поощрении в области металлургии, был назван процесс непрерывной разливки стали, разработанный в СССР. ЦНИИчермет, головная организация в этой области, и его директорат определили, кто достоин главной, единственной во всем мире награды 1984 года — золотой медали.

Она у меня на ладони. Массивный золотой диск. На одной стороне меж углов пятиконечной звезды символы творческого созидания и духовных ценностей человечества: рука с пером, шестеренка, раскрытая книга, колос злака, гриф скрипки. В центре по кругу начальные буквы ВОИС, входящей в ООН, — на английском и французском языках. На обороте выгравирована фамилия ее обладателя, город, в котором он живет, и год: «В. И. Лебедев, Москва. 1984».

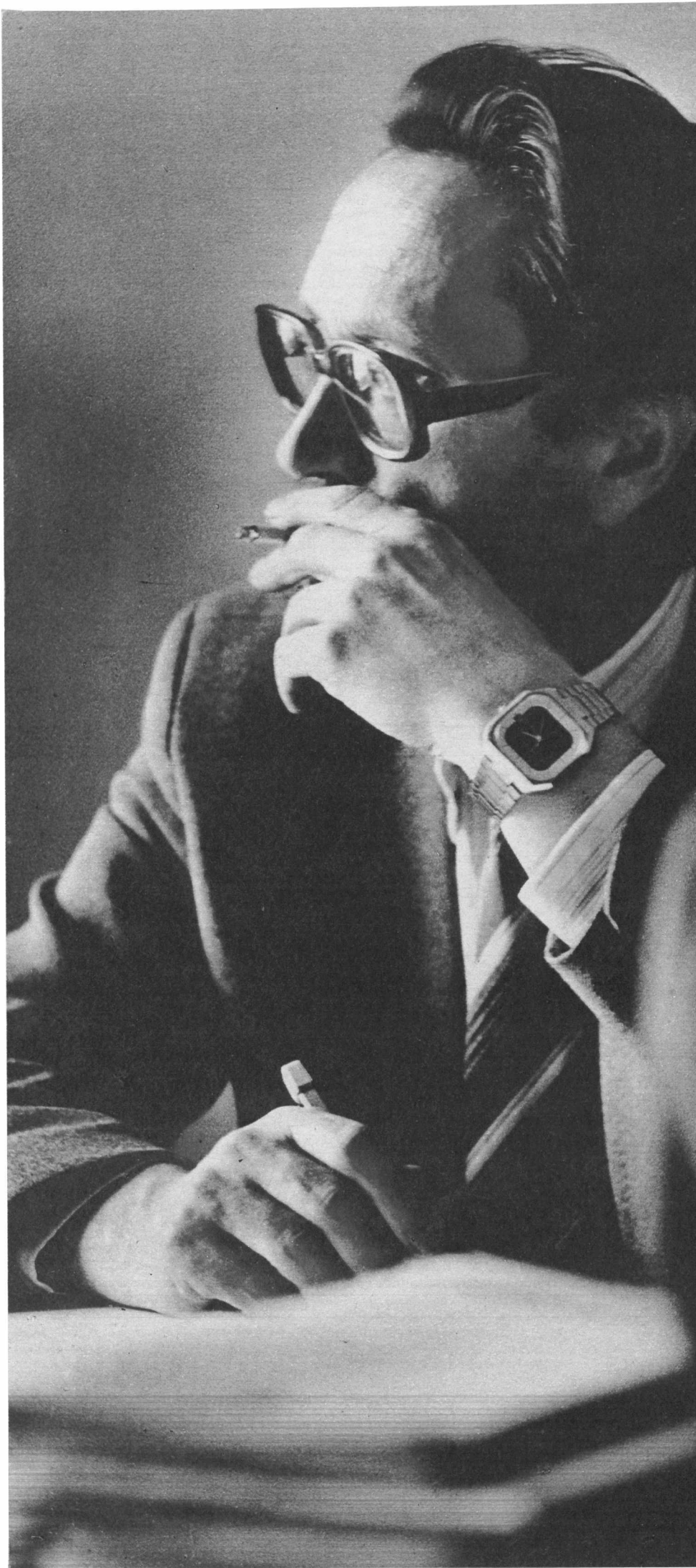
Уместно вспомнить: первой Ленинской премии за непрерывную разливку стали была удостоена 26 лет назад группа ученых во главе с ее инициатором и основоположником академиком Иваном Павловичем Бардиным.

Признание Родины.

Признание планеты.

Всемирное признание школы советских непрерывщиков.

...Я хотела спросить у Лебедева, как движется работа над докторской диссертацией. И вдруг поняла, что в эту минуту бесполезно. Он стоял вполборота ко мне, у окна, весь ушедший в себя. Может быть, решал очередной ребус технологического процесса? А ведь за руль ему действительно никак нельзя, — всплыл в памяти разговор с ним по поводу приобретения собственной машины: «Задумаюсь — наеду»...

ЕМИРНОЕ!

Танкисты и десантники первыми ворвались в Таллин.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА

Генерал-майор Т. М. Зубов и генерал-майор Ю. Е. Васильев.

Фото В. Сальмре

Грудящиеся Таллина встречают первый поезд, прибывший из Ленинграда.

Н. ХРАБРОВА

В Музее дважды Краснознаменного Балтийского флота есть уголок, в котором стоят подлинные вещи из кронштадтского кабинета адмирала Степана Осиповича Макарова: диван, кресла, письменный стол с канделябрами и чернильным прибором. И часы, на которых выгравировано: «Помни войну!»

Для нас, советских людей, в этих двух словах есть особый, обращенный к нашей современности смысл: пока помнят люди войну, это ни с чем не сравнимое бедствие человечества, пока живы в памяти ее герои и ее жертвы, мир будет сбережен.

Недавно выпала мне честь общаться с генералами, участниками Великой Отечественной войны. Нет, в 1941 год они вступили не генералами, звания и ордена получили позднее. Была в их воинской судьбе одна из ключевых операций Великой Отечественной — освобождение Прибалтики. На Балтике продолжили они и послевоенную службу, а уйдя в отставку, оба живут в Таллине: генерал-майор Юрий Евстафьевич Васильев и генерал-майор Терентий Максимович Зубов.

Терентий Максимович родился 81 год назад в Таврической степи в страдную пору. Совсем мальчишкой он попал в батраки к помещику Фальц-Фейну, у которого было 99 имений (до 100 дело не дошло потому, что царский указ запрещал). В комсомоле он с 1920 года, в партии пятьдесят шесть лет, с 1923-го — военнослужащий с разносторонней подготовкой. Война застала его на Балтике заместителем начальника штаба Ижорского укрепрайона.

В 1943 году Терентий Максимович Зубов был назначен начальником штаба береговой обороны флота. Все обстоятельства обороны и наступления на Балтике он помнит по числам, часам, по самым маленьким эпизодам. Как забыть схватку с «Черной пантерой»? Так назывался оборонительный предмостный плацдарм, построенный фашистами на правом берегу реки Нарвы. Кровопролитные сражения длились почти непрерывно около полугода, с 1 февраля до 26 июля 1944 года, до взятия Нарвы. Глубина этого бронированного плацдарма была 20 километров. Нарвский укрепрайон гитлеровцы называли «Северными воротами» в Восточную Пруссию. Там стояла их оперативная группа «Нарва» в составе танкового и двух армейских корпусов, а также значительных сил авиации. Постоянно дополнительно вводились пехотные и танковые дивизии с других участков фронта. Но уже никакая сила не могла противостоять освобождающей Родину Советской Армии. До нынешнего дня не может генерал Зубов без волнения говорить о десанте батальона автоматчиков 260-й Отдельной бригады морской пехоты под командованием майора С. П. Маслова.

— В десант набирали добровольцев, — рассказывает Терентий

Максимович. — Каждый третий был коммунистом, каждый второй — комсомольцем. В тяжелых условиях высадки в февральскую воду противник встретил автоматчиков огнем, командир батальона Маслов был убит. Но десантники преодолели высокий обрывистый берег, разгромили два штаба немцев, уничтожили около тысячи вражеских солдат, боевые машины и танки. Шесть дней и ночей непрерывного боя!.. Уцелели и пробились к нашим частям семь человек, восемь тяжело раненных и обмороженных попали в плен, а 420 воинов пали смертью героев. На месте высадки десанта теперь стоит памятник. Так был проложен путь к победе на этом участке.

В результате Таллинской наступательной операции столица Эстонии была освобождена 22 сентября, а через неделю наши войска овладели всей материковой частью республики. Оставался Моонзундский архипелаг, естественное укрепление, созданное самой природой. Но прежде чем говорить о Моонзунде 1944 года, надо вспомнить Моонзунд 1941-го.

...Генерал-майор Юрий Евстафьевич Васильев. Высокий, худощавый, подвижный. В молодости окончил инженерно-мелиоративный институт, собирался заниматься самым мирным делом на свете — улучшать землю. Но выпала ему судьба военного человека, топографа, фортификатора. В конце 1939 года были сформированы специальные Особые строительные отделы Наркомата военноморского флота. Военинженер III ранга Юрий Васильев был назначен начальником I отдельного линейного строительного участка БОБР — Береговой обороны Балтийского района, которая охватывала все острова Моонзундского архипелага и часть побережья. Юрий Евстафьевич прибыл почти на самую оконечность острова Сааремаа, к мысу и маяку Сырве с заданием — построить береговую батарею № 315. Слева Рижский залив, впереди и справа — Ирбенский проли и открытое море. Здесь когда-то была батарея времен первой мировой войны. Казалось бы, логично поставить новую батарею на крепком основании старой. Но решение было иным: строительство начали на некотором расстоянии, а рядом соорудили еще и ложную. Расчет был дальновидным: немало бомб сбро-

Фото Б. Кудоярова

БАЛТИКУ

1944 год. Полуостров Сырве. Тишина после боя.

Фотохроника ЭТА

сили немцы на старую, а еще больше на ложную, тем самым позволив 315-й долго, очень долго держаться и воевать во вражеском окружении.

— 315-я батарея уникальна, — рассказывает Юрий Евстафьевич, — об объеме строительства можете судить по количеству строителей: пять рот инженерного батальона, сотни рабочих из Ленинграда, 25 тысяч кубометров железобетона, уложенного в командный пункт, и два артиллерийских блока с орудиями крупного калибра и дальностью стрельбы свыше 38 километров, все заподлицо с землей. К концу строительства батарею невозможно было обнаружить ни с неба, ни с суши, ни с моря. Она же обнаруживала все... В строительстве батареи с самого начала участвовал и ее личный состав во главе с умным, талантливым, храбрым командиром капитаном Александром Стебелем. Построили батарею в небывало короткий срок — за 13 месяцев. 12 июня 1941 года она была приведена в боевую готовность и уже в начале войны топила вражеские корабли.

...Новые подробности из того героического времени я узнала от бывшего начальника политотдела БОБР генерала Лаврентия Егоровича Копнова, которого разыскала по ленинградскому телефону:

— БОБР вступила в бой в первый день войны и со стороны арципелага оборонялась от фашистов около четырех месяцев.

«Будем драться до последнего снаряда, до последнего патрона», — постановили моонзундцы и не изменили клятве. Они отвлекли на себя пятидесяти тысячную гитлеровскую армию, равняющуюся к Ленинграду. 315-я батарея под командованием капитана Стебеля и соседняя, 43-я, под командованием старшего лейтенанта В. Г. Букоткина во взаимодействии с торпедными катерами капитан-лейтенанта А. Н. Богданова (в этом соединении было звено лейтенанта В. П. Гуманенко — запомните это имя!) закрыли вражеским кораблям вход в Рижский залив и 12 июля нанесли поражение крупному конвою противника. Нашим морякам постоянно помогали местные жители. С суши передавала сведения разведчица КБФ, бывшая таллинская студентка Лезн Кульман — ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Батареям Стебеля и Букоткина помогали рыбаки, особенно Василий Кааль и его дочь Мария. Их обоих, захватив остров, выследили и расстреляли фашисты. Смертью храбрых пали в боях за остров первый секретарь Сааремааского укома партии Александр Муй, председатель исполкома Юхан Эллам, комсомольцы Э. Лопере, В. Куйст, П. Созсоо, А. Тролль и еще многие, многие... Одиннадцать раз раненный В. Г. Букоткин не оставлял своей 43-й батареи до начала октября. Когда на батарее не осталось снарядов, Букоткину удалось прорваться к своим на остров Даго (Хийумаа). Капитан Стебель с батареями тоже попытались пробиться на Даго, но их попытка не удалась...

Я продолжала разыскивать сведения о капитане Стебеле. Помогли мне пионеры Торгуской школы, прислали адрес бывшего батарейца А. М. Гурария, живущего в Риге. Вот его рассказ.

«Никогда не забуду моего командира! Столько пережито вместе, с первой строительной лопаты до последнего боевого снаряда, до взрыва батареи. Взорвав, мы затопили ее морской водой и стали пробиваться на Даго. Нет смысла говорить о том, насколько неравными были силы... Мы оказались в плену. Начались лагерные муки, сначала в Вальке, потом в Риге, в штабле № 305 на улице Перновас. Тех, о ком немцы вначале не знали ничего, гоняли на работы. Стебеля я больше не видел — тех, кого допрашивали, на работы не выпускали. Известно было, что ему предложили свободу, командную должность, деньги и прочее за восстановление батареи. Он от всего отказался, и его стали пытаться... Все, что я знаю о нем, и это точно — командир погиб от пыток в декабре 1941 года. Мы, несколько человек с 315-й, уцелели благодаря тому, что командир не назвал никого из нас. Я дважды совершал побег и закончил войну в Латышской партизанской бригаде».

Материковую часть Эстонии освобождали столь стремительно, что в ночь с 21 на 22 сентября на подступах к Таллину вражеские регулировщики принимали советские танки за свои и открывали нашим танкистам дорогу. И вот лейтенант Йоханнес Лумисте и ефрейтор Эльмар Нагельман из 345-го эстонского полка подняли Красное знамя на башне Длинный Герман, а бойцы 14-го Ленинградского полка В. Вьюрков и Н. Голованов в то же время водрузили еще одно — на здании Президиума Верховного Совета Эстонской ССР. И так же стремительно пошли они снова вперед — люди разных национальностей, плечом к плечу.

В операции по освобождению Эстонии противник потерял убитыми более 30 тысяч солдат и офицеров, 16 тысяч были взяты в плен.

Но оставался еще в руках врага Моонзунд. 29 сентября с суши на остров Муху высадились разведка, вслед за нею на торпедных катерах пошел первый эшелон, вместе с ним 90 амфибий, операция прикрывалась артиллерийским огнем Эстонского стрелкового корпуса. 30 сентября Муху был взят. В течение 2 и 3 октября был освобожден Даго (Хийумаа). Последними уходили осенью 1941 года с Сааремаа торпедные катера лейтенанта Владимира Поликарповича Гуманенко, и три года спустя они же высадились первыми на берега архипелага. Лейтенант Владимир Поликарпович Гуманенко вернулся сюда Героем Советского Союза.

В начале октября шли бои за Курессааре (Кингисепп), и, взяв его, советские войска вышли к Сырве.

Целый месяц длилось кровопролитное сражение. За это время было потоплено 88 кораблей и судов противника, 37 транспортов и миноносцев, 6 тральщиков, 11 десантных барж...

25 ноября 1944 года Верховный Главнокомандующий объявил войскам Ленинградского фронта и КБФ благодарность за освобождение Моонзунда от фашистов, и среди имен командиров, организаторов Победы было названо имя нашего знакомого генерал-майора, в то время еще полковника, Терентия Максимовича Зубова.

ТАМ, ГДЕ ЛЕЖАЛ ХУТОР...

Алексей МАСЛОВ,
фото автора

До недавнего времени, точнее сказать, до мая 1978 года, хутор Калиновский занимал скромное место в экономике Вешенского района. Неприметно расположился он небогатыми своими курениями, обнесеными низкой огородой из дикого камня, в распадке среди отрогов меловых гор на правобережье Дона. Считался нерентабельным отделением одного из районных совхозов-гигантов. Славился он лишь хрустальной свежести ключами, бьющими прямо из известняковых плит. А богатство его лежало рядом, у реки: 760 гектаров пойменных земель, дающих по два укоса такой травы, что не снилось никому не только в районе, но и в области. А у гиганта руки до этого богатства не доходили: то вывозить было не на чем, то некому.

Однако всему свое время. Гигантомания отцвела. А хутор Калиновский обрел новую жизнь. Построили здесь животноводческий комплекс, завезли четыреста голов айрширской высокопродуктивной породы скота и с одобрения Михаила Александровича Шолохова дали совхозу название «Калинов Лог». Директором его был назначен молодой, но обладающий большим опытом работы в сельском хозяйстве, спокойный и уравновешенный Иван Анатольевич Солдатов.

Сегодня его хозяйство одно из передовых в Шолоховском районе. — Да и жена у него молодец, — сказали мне в райкоме партии. — Только вот, как заходит речь о ее награждении, Солдатов всегда против. Она, — говорит, — и без орденов у меня подходящая.

С Иваном Анатольевичем в свой первый приезд в «Калинов Лог» я так и не встретился.

— Да я его и сама сутками не вижу, — сказала мне при знакомстве его жена, Александра Ивановна. — А дети вообще скоро забудут. Приходит ночью и уходит на рассвете.

— А много у вас детей? — спросил я.

— Трое, — отвечала Александра Ивановна, смахивая со скатерти несуществующую соринку. — Надя уже замужем, Валя учительницей работает, а Света, младшая, та в отца пошла: хочет быть агрономом.

Квартира у Солдатовых небольшая: две или три комнаты, кухонька, но очень уютная и чистая. Я заметил, любовь к чистоте и опрятности у казачек в крови. Случалось, осенью в каком-нибудь хуторе на улице грязь непролазная, а войдешь в дом — порядок, чистота, как у Солдатовых.

— О себе мне и говорить нечего, — узнав о цели моего визита, сказала Александра Ивановна. — Мать была дояркой, и я после школы пошла в доярки. Так до сей поры и работаю. Одно время, правда, это когда Ваню директором назначили и мы переехали сюда, я заведующей ветеринарной аптекой была, два месяца. А как привезли этих финских телочек, я сразу к ним ушла. Двухгодовалые, пугливые они были очень, нашего языка вовсе не понимали, так приходилось лаской ихний язык заменять.

— А чем эти финские коровы лучше? — спросил я.

— Они удоинные, коровы-то. Нежные — это правда. Так мы их скрецаиваем с нашей местной породой. Хорошо получается. Вот Ракета по двадцать семь литров молока в сутки дает. Вишня столько же, Волшебница до тридцати. Заветная, Сибирячка, Малинка...

В перечислении имен я не обратил внимания на последовавшую паузу, решил, что Александра Ивановна вспоминает имена своих любимцев, а когда взглянул на нее, то несколько опешил: хозяйка вытирала мокрые от слез глаза. Оказалось, дело было вот в чем: когда привезли финский скот, через некоторое время коровы начали болеть. То ли от перемены климата, по другой ли причине у них начали слезиться глаза, появились язвы в копытах. Пока ждали специалистов из Москвы, лечить, ухаживать за коровами было некому: людей еще тогда не хватало на ферме. Вот и вспомнилось Александре Ивановне то время, те бессонные ночи, когда она выхаживала всех своих иностранных буренок.

— ...На ферму-то никто не шел. Рано вставать кто ж любит? — И столько света открылось в ее тихой улыбке, столько тепла, что мне самому захотелось на место какой-нибудь Зорьки, лишь бы почувствовать уверенность в том, что кто-то, вспоминая иногда обо мне, тихо взгрустнет.

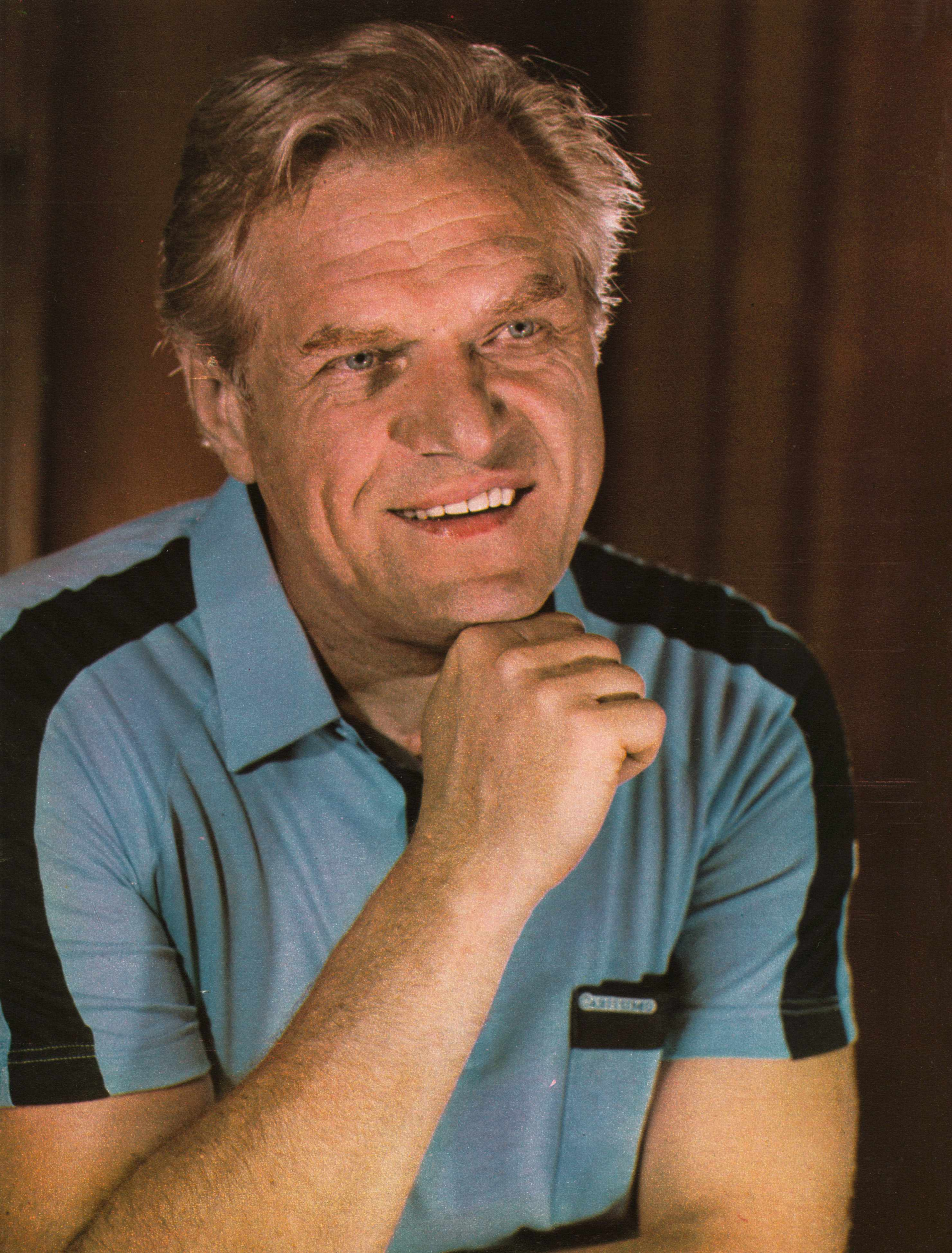
С той поры я не раз бывал в «Калиновом Логу». Места здесь красивые. Отсюда, с отрогов меловых круч, белогрудо окаймляющих упругий изгиб Дона, с этих, хранящих еще на своем теле рубцы окопов, высот хорошо, до самого горизонта видна поросшая раскидистым черноталом, темными вязами, редким дубняком неброская, исконно русская донская земля.

Иван Анатольевич Солдатов — директор совхоза «Калинов Лог» и его жена Александра Ивановна, одна из лучших доярок Шолоховского района.

Есть мечта...

Довелось мне в одной из статей о Леониде Маркове прочесть и такие слова: замкнутый, мало-разговорчивый, при первой встрече производит неотрадное впечатление. Посему заранее припомнила и изучила все, что было сказано об этом актере, решив при встрече не терзать Леонида Васильевича раздражающе-однообразными вопросами «о жизни и творчестве». Я задумала поговорить с ним о том, что уже или еще не сбылось...

Арбенин, Сирано де Бержерак, Протасов. Вот три роли, о которых мечтал молодой актер Леонид Марков во время учебы и работы в студии и на сцене Вологодского театра, а затем Московского театра имени Ленинского комсомола и Театра имени Пушкина. Продолжал мечтать и тогда, когда за ним прочно закрепилось амплуа бытового и характерного актера, когда за плечами были уже десятки ролей, многие из которых актер сейчас не может даже и вспомнить... Настал день, и Марков понял: время пришло.

Наверное, только так и можно мечтать и желать — одержимо, безоглядно, — чтобы при всей внутренней скованности, робости обнаружить в себе смелость предстать перед самим Завадским. «Мне хотелось бы работать у вас и... хотелось бы сыграть одну роль...» «Ну что, Арбенина, что ли?» — каким-то непостижимым образом угадал Юрий Александрович.

...Прошел год после смерти Николая Мордвинова. На сцену вышел Леонид Марков, уже ставший ведущим актером Театра имени Моссовета. Он предложил неожиданную интерпретацию роли. Отсутствие изысканности, эдакого сатанинского очарования, безоговорочного превосходства над светским мирком... Нет, не гордец, не мудрый обличитель, а отверженный светом; в прошлом беден, игрок, а ныне опустошенный человек. Да и человеком он остается лишь благодаря своей любви, земной, страстной и нежной. Борьба, противоборство остатков человечности с расчётливостью, с ненавистными, но и неотвязными канонами общества — вот что стало главным в работе актера.

Борьба, противоборство, многоликость и сложность человеческого бытия... Это стало и главной внутренней темой Маркова.

Актер подметил как-то, что большинство его любимых героев умирает (начиная даже от самой первой роли, сыгранной в детстве, — роли беспризорной девочки в спектакле «Дети улицы», который поставил его отец в Якутске). На театре смерть персонажа не бывает естественной, она сама по себе есть трагическое действо, чаще всего своеобразный протест, нежелание героя мириться с реальностью, если последняя зла и бесчеловечна. Герои Маркова погибают — физические ли, нравственно ли — в поисках высшего смысла жизни, от невозможности совершить то, на что могли быть способны, от бессилия реализовать себя.

Даже загадочный Порфирий Петрович из «Петербургских сповиданий» в исполнении Маркова тоже нравственно несостоявшийся, погибший человек. За внешним кривлянием, фиглярством, нарочитым самоуничтожением скрывается глубокая и серьезная личная заинтересованность в Раскольникове, даже сочувствие ему; следы веры в человека и человечность — и несбыточная надежда на воскресение...

И Федор Протасов — еще одна осуществленная мечта артиста, — который жаждет свершения, подвига, видя в этом предназначение человека, находит для себя выход лишь в самоуничтожении. Правда, смерть его прекрасна: он жертвует собой во имя любимого человека. Во имя Лизы.

Как? — встрепетается тут иной завзятый театрал. Но ведь давно и всем известно, что Протасов любил цыганку! При чем здесь Лиза? Да, надо согласиться, что Маркову в этом смысле не очень-то везло: его классическим ролям предшествовали великие исполнители, сравнения с которыми избежать невозможно. Он нашел для себя единственный выход: начинать с первоисточника, изучая его словно впервые, будто забыв все прошлые постановочные и актерские решения. Вот в этом проявляются и смелость и новаторство Маркова, который, по словам Завадского, ничего не делает «по подсказке». Актер твердо понял для себя одно: «Живой труп» играли не по Толстому. И рассмотреть это, как уверен актер, было нетрудно: все написано писателем! А раз понял сам, значит, надо убедить и других. Убедить, что трагедия Протасова в том, что он любил жену, а не цыганку Машу. Из-за кого он стреляется? Из-за Маши? Но ведь та любит его. Думает-то Федя о другой, страдает-то из-за другой. Из-за Лизы. Сказать, что Марков сразу убедил всех, было бы неточным. Не последовав за Берсеневым, Романовым, Симоновым, он вызвал некоторое недоумение критиков и коллег. А зрители восторженно приняли спектакль, он идет уже третий год. А Леонид Марков третий год продолжает биться над ролью. Его грызет сознание того, что еще не всех убедил, что успех формален (уж он-то знает цену настоящего успеха!), что есть мучительные для него сцены, что спектакль до сих пор в процессе работы...

Кстати, для такого актера, как он, любая роль, сколько бы сезонов ни игралась, всегда будет в «процессе работы». Марков — импровизатор по своей художественной природе, и у него не бывает двух одинаковых спектаклей. Он продолжает «копать» в рамках роли, заданной режиссером идеи. Иначе ему станет скучно.

— Вот интересная и странная вещь! — рассказывает Марков. — Вы, сидящие в зале, уверены, что актер виден вам весь, как голыш. Уверю вас: так же и со сцены зритель виден весь! Каким-то особым слухом ты все слышишь: вот эта фраза не пошла — не поняли. Не приняли. В молчании зала слышно все! Знаете, когда для меня роль делается окончательной? На публике. Ты играешь — играешь так, как

придумал с режиссером, и вдруг в каком-то месте, еще не начал слов произносить, чувствуешь; нет, мы неправильно придумали, неточны! Молниеносно, на ходу — раз! — и перестраиваешься. И точно попадаешь! Зритель, он тоже своего рода режиссер...

Кто сказал, что Леонид Васильевич замкнутый и неразговорчивый человек? Ему и вопросов-то не надо никаких задавать, достаточно только заикнуться о его работе. Может рассказывать сколько угодно. Да как, с каким азартом, темпераментом и подлинным артистизмом: здесь и смех, и боль, и даже некая «игра» на слушателя для пущей наглядности и убедительности. Чего не скажешь о его существовании на сцене: четкая внутренняя организованность, сдержанность и скупость красок, иными словами — наибольшее приближение образа к нам, сегодняшним, в большинстве своем чуждым открытой эмоциональности, лаконичным в изъяснении чувств.

К сожалению, веяние времени породило в искусстве и актерстве ремесленников, которые научились играть сдержанность, не имея за душой, что сдерживать, не обладая никакими чувствами. И это бывает видно невооруженным глазом. Актерский профессионализм Маркова таков, что его и не замечаешь. Не замечаешь, через какой огромный труд он проходит, чтобы быть абсолютно естественным, органичным, чтобы добиться полного слияния собственной природы с натурой героя. Чтобы быть им — другим человеком.

Леонид Васильевич признает, что именно работа в кино («Русское поле», «Долги наши», «Мой ласковый и нежный зверь», «Сибирь» и другие) особым образом отозвалась на сценическом его поведении, в какой-то мере научив этому владению собой. Он обнаружил, что, ведя какую-то драматическую сцену, усиливая и усиливая ее напряженность и желая, скажем, чтобы зритель расплакался, непременно нужно в самом конце как бы приостановиться. Чуть-чуть затормозить, «недоиграть», не показать внешний результат. Ни в коем случае не заплакать самому! Если это происходит, твои слезы — как впрочем, и твой смех — останавливают зрителя, спугнут. Он будет просто наблюдать твои слезы.

— Человек ходит в театр сопереживать, — размышляет Марков, — то есть жить жизнью людей, которых показывают со сцены. Поэтому в пьесе важен конфликт и так называемый второй план. В современных пьесах это нередко отсутствует. И тогда на сцене остаются только старания актеров или режиссерские изыски. А зрителю нужно подать, выложить как раз то, чего нет в тексте... Хорошие пьесы сами диктуют, как и что играть, в то же время предоставляя свободу интерпретации, возможность открытия новых психологических глубин...

Творческая судьба не баловала Маркова подобными ролями. Он сыграл более ста центральных ролей в театре, не менее пятидесяти в кино и на ТВ — среди них по пальцам перечислить роли классического репертуара. А ведь Марков еще не реализовал всех своих возможностей, во всяком случае, он определенно производит впечатление

актера, полностью не раскрытого, таящего несметные запасы творческой энергии.

Но тем не менее в любой сыгранной роли, даже не слишком прилежно выписанной драматургом, он оставался самим собой, постоянно удерживая зрителя в напряжении, привнося в любой характер элементы неожиданности, неадекватности. Те психологические черточки, «особинки», которые помогали сделать непонятное в том или ином персонаже понятным, а значит, и близким нам.

Актер не приемлет однозначного подхода как к отрицательным, так и положительным ролям. (Когда Сергей Герасимов предложил ему роль «отрицательного» господина де Ренала в «Красном и черном», первое, что спросил Леонид Васильевич: «А он хоть раз заплачет?») В каждой из своих ролей он — по собственной инициативе — обнаружит множество граней, не все их обязательно покажет зрителю, но всегда укрупнит героя, убедит, что тот не столь уж элементарен, каким видится поначалу. И наоборот — даже самому сложному его персонажу ничто человеческое не чуждо: стоит только чуть-чуть разобраться...

Как-то Ростислав Плятт шутиливо сказал о Маркове: у него хронические удачи! Да, яркие удачи, признание настигли его именно в Театре Моссовета, где он работает с 1966 года; где актер, имевший дотоле уже пятнадцатилетний опыт, впервые почувствовал свою внутреннюю свободу. Понял: он может претворять то, что задумал. Пришла зрелость мастера.

И все-таки какой длинный, долгий этот путь к зрелости... Сказкой вспоминается детство, например, увлекательнейшее путешествие на плотах от Иркутска до Якутска, куда перебиралась кочующая семья провинциального актера Василия Маркова; трагикомедией со счастливым исходом представляется появление юности с узлом и в залатанных штанах на пороге московского театра, где его принял под свое крыло Иван Николаевич Берсенева. А дальше — почти пугающая беспредельность исканий, вечная неудовлетворенность собой. И неутолимая ненасытность к жизни, которую познаешь и воссоздаешь на сцене...

Ну, так что уже не сбылось? «Сирано... Возраст не тот, мне пятьдесят шесть...»

Познакомившись с Леонидом Васильевичем и поняв, сколь трогательным, застенчивым, а порой и беззащитно добрым может быть этот красивый, внешне весьма резкий и решительный человек, хочу сама ответить на свой же вопрос: что еще не сбылось? Точнее, что может так и не сбыться в актерской жизни Леонида Маркова...

Прошел год, как он не выходил на сцену в новой роли. А ведь Марков, безусловно, заслуживает, чтобы именно для него ставились спектакли.

Ему сейчас, по его признанию, трудно мечтать об определенном образе, но разве нам, зрителям, возбраняется? И разве нам не хочется увидеть его в какой-либо из шекспировских трагедий, чеховских драм или, например, в темпераментной, гротесковой испанской комедии?.. Конечно, хочется.

Пока есть время... Давайте помечтаем.

У себя в кабинете Ефросинья Викентьевна сварила кофе, села за стол и стала глядеть на стену. Она глядела, ничего, в сущности, не видя, изредка прихлебывая по глоточку остывший кофе, и пыталась соединить факты, которыми располагала.

В семье Пузыревых каждый живет сам по себе, Варвара Ивановна ведет хозяйство, но главой семьи ее не считает ни Ольга, ни Виктор. С ней не совещаются, к ее мнению не прислушиваются. В доме часто бывают ссоры из-за того, что внучка и правнук мало дают денег на хозяйство и старухе приходится крутиться подчас только на свою пенсию.

Ольга зарабатывает неплохо, но любит наряжаться. Виктор получает мало, едва хватает на обеды, сигареты и развлечения, ему хочется одеваться, как все, то есть в джинсы, модные куртки, но мать раскошеливается неохотно. Деньги нужны всем троим. Способна ли Варвара Ивановна на преступление ради благополучия младших Пузыревых? Ради Ольги вряд ли, а вот Виктора она обожает, несмотря на то, что он порой бывает с ней груб. Ольга же производит впечатление человека, который живет радостями сегодняшнего дня, не заботясь о будущем. Интересы Виктора? В сущности, очень ограниченные: быть одетым не хуже других и автомобиль... Никого из них не зачислишь в злодеи, никто не похож на убийцу, и все же в их доме умер человек, судя по всему, не своей смертью... Ефросинья Викентьевна перебрала факты, они не соединялись, противоречили друг другу. Она стала вспоминать час за часом все разговоры, связанные с делом Варфоломеева. «Человек вошел в аптеку и попросил зубные капли и снотворного, сказал, зубы болят, заснуть не может. Старушке дал димедрол, но Лютиков знает, от чего принимают димедрол,— размышляла Ефросинья Викентьевна,— впрочем, там было темно, он мог не прочесть названия... Но старуха сказала, что тот, кто вошел в аптеку, был ниже ростом, чем Лютиков...»

— Ну, ну,— усмехнулась Ефросинья Викентьевна.— Кто же Раису Андреевну не знает, когда она полвека в ваших домах уборщицей лестниц проработала. А когда лифтеров держали, была лифтершей. Вспомните же, вспомните. Ну?

— Знаю,— нехотя согласился Лютиков.— Вы б сразу сказали: тетя Рая...

— Вот у нее-то чекушку вы и выпили.

— У нее снега среди зимы не допросишься, не то что чекушку. Волкодав-то вон каких держит.

— Тем не менее чекушку вы получили и две пачки димедрола подарили.

— Не знаю ничего. С какой стати она мне чекушку подносить будет?

— А она за деньги. За пятерку, которая у вас была. Что, не так? Признавайтесь, у кого вы димедрол отняли. Не поверю, что для тети Раи вы в аптеку полезли. Уж если б вы туда попали, то скорее одеколон взяли. Он все-таки на спирту. Ну? Ведь за аптеку вам больше дадут...

— Душа кричала,— хмуро сказал Лютиков,— уж так кричала. Время позднее, и денег не было. А тут мужичок идет, озирается чего-то. Поменьше меня мужичок. Я подумал, может, у него деньги попрошу. Ну, подошел. Он испугался. Я в карманы залез и чего там было взял, а его с миром отпустил. Думал, деньги...— Лютиков замолчал.

— А там?

— Таблетки эти. Ну и пятерка... А когда к тете Рае зашел, стала она на болезни жаловаться, я и дал. Они у меня в кармане валялись, я уж было и забыл о них.

— Чего ж врал-то?

— Откуда я знал, что вы до тети Раи доберетесь?

— Тоже мне сложность! В одном дворе живете. А мужичка где грабили, помните?

— Не... Точно не помню. Наверное, где-то в этом районе. Чего бы я далеко куда поехал?

— Это, пожалуй, верно,— вздохнула Ефросинья Викентьевна,— в самом деле — чего?

потому что, в сущности, и шага не было сделано в раскрытии преступления. Сегодня ей казалось, что она только ходит вокруг да около. До сих пор были непонятны мотивы убийства, следовательно, неизвестен и подход к преступнику. А может быть, Варфоломеев сам отравился, допустим, нечаянно. Впрочем, это тоже надо доказать. Самая уязвимая позиция была у Варвары Ивановны, однако трудно представить себе, что старая женщина, прожившая большую честную трудовую жизнь, за здорово живешь убила человека, с которым была дружна больше тридцати лет. А может быть, Ольга — соучастница? «Кто? Зачем?» — ни о чем другом не могла думать в этот вечер Ефросинья Викентьевна.

Аркадий уложил спать Викентия и сам тоже лег. Когда в квартире стихло, Ефросинья Викентьевна перенесла в кухню телефонный аппарат и стала звонить Нюре.

— Чего у тебя голос, как из преисподней? — спросила Нюра.

— Зашла в тупик. Слушай, Нюр, я задам тебе странный вопрос. Вот как ты думаешь, если б тебе очень нужны были деньги, много денег, могла б тетя Тома... ну, допустим, тайно отравить того, у кого эти деньги?

— Конечно, могла,— весело согласилась Нюра, полагая, что подруга шутит.— Тетя Тома — она женщина решительная.

— Слушай, я тебя серьезно спрашиваю.

— Я серьезно и отвечаю. Да подожди, я сейчас ее спрошу. Тетя Тома, — крикнула Нюра куда-то в сторону, — ты могла бы ради денег кого-нибудь кокнуть?

— Чего-чего? — услышала Ефросинья далекий голос тетки.

— Кокнуть, говорю. Ну, прикончить.

— А зачем? — спокойно спросила тетя Тома.

— Она спрашивает, зачем, — сказала Нюра. — А в самом деле, зачем, а, Ефросинья Викентьевна?

— Если б я знала...

— Знаешь что, — серьезно проговорила Нюра, — у тебя ум за разум зашел, подруга моя дорогая. Я понимаю, что бывают тупиковые ситуации, только, по-моему, у тебя сейчас факт заслоняет человека. И не раскисай, слышишь? — Слышу. Ладно, спокойной ночи. — Ефросинья Викентьевна положила трубку, и, как ни странно, после этого разговора ей стало легче. Ведь в самом деле, главное, за чем — вот что она должна понять. Тогда и будет ясно кто.

Она разделась, приняла душ и, не надевая халата, в одной ночной рубашке, пошла в спальню. Аркадий притворялся, что спит.

Ефросинья Викентьевна легла в постель, вздохнула, потом повернулась, обняла Аркадия за голову и прижала к себе.

— Роденький мой, — прошептала она, — бабьи жалостливо, — как же я тебя люблю.

Аркадий повернулся к ней, ткнул носом в плечо, пробормотав:

— Фроська, ох как мне плохо, Фроська.

Ольга Пузырева пришла в этот раз минута в минуту. Она была принаряжена, волосы хорошо уложены.

— Здравствуйте, Ольга Леонидовна, — несколько сухо сказала Кузьмичева. — Как дела?

— Ничего нового, Ефросинья Викентьевна. Бабушка плачет, все время дядю Колю жалеет.

— А как у нее со здоровьем?

— Не жалуется. Давление, конечно, иногда барахлит, печень пошаливает. Возраст все-таки.

— А вы?

— Ну, я-то совершенно здорова. Даже замуж, вероятно, скоро выйду, — скромно потупилась Ольга.

— Вот как?

— Да... Есть у меня один молодой человек, сделал предложение.

— Молодой? — как-то невольно сорвалось с уст Ефросиньи Викентьевны.

— Да, молодой... Что ж тут зазорного? Сейчас многие выходят замуж за мужчин моложе себя. Он очень любит меня. Это у него Витя работает. Он заведующий автохозяйством. Единственное, что он ростом пониже меня будет. Ну, что ж, придется отказаться от Кабуков.

— Понятно, — невпопад ответила капитан

Любовь ЮНИНА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

ИЗ ЖИЗНИ КАПИТАНА КУЗЬМИЧЕВОЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Ефросинья Викентьевна допила кофе, совсем уже остывший. «Надо еще раз допросить Лютикова», — решила она.

...На этот раз Лютиков выглядел несколько опрятнее. Лицо его уже не было так одутловато и слегка побледнело. Несколько дней трезвой жизни, хоть и в тюрьме, явно были ему на пользу.

— Здравствуйте, Лютиков, — сказала Ефросинья Викентьевна. — Как, не вспомнили, что пили в тот вечер?

— А я и не думаю об этом...

— Зато я думаю. Вы Раису Андреевну Соколову знаете?

Лютиков энергично замотал головой.

Окончание. См. «Огонек» №№ 37, 38.

Итак, в аптеку залезал не Лютиков. Но в районе, где Лютиков отнял пятерку, живут и Пузыревы... «Однако это ничего не значит, — вздохнула Ефросинья Викентьевна, понимая, что она на неправильном пути. — Надо искать яд, от которого умер Варфоломеев. Придется допросить всех еще раз, и начну я с Ольги».

В тот вечер все валилось из рук Ефросиньи Викентьевны. Суп она пересолила, котлеты пригорели, Вика капризничал, а к Аркадию невозможно было подступиться. У него в отделении умер больной, и он ходил чернее тучи. Ефросинья Викентьевна понимала, что ей надо поговорить с ним, погоревать вместе, разделить его беду, но, занятая собственными проблемами, она не имела на это сил. Ефросинья Викентьевна чувствовала себя в тупике,

Кузьмичева.— А с Варфоломеевым они знакомы?

— Ну, конечно... Правда, дяде Коле я ничего не говорила о наших отношениях.

— Я бы хотела с ним повидаться.
— Ничего нет проще. Дайте листок бумаги — я напишу вам координаты.

Ефросинья Викентьевна протянула Ольге бумагу с карандашом и спросила:

— Скажите, у вас нет родственников в Средней Азии?

— Нет,— ответила Ольга.— Во Владивостоке есть. Там живут моя мать и сводные сестры.

— И еще один вопрос. Никто из ваших знакомых или родственников не болеет туберкулезом?

— Нет,— удивилась Ольга.

— Раком тоже никто не болеет?

— Да нет... А почему вы меня об этом спрашиваете? Что, дядя Коля был болен?

— Нет, нет. Вы решительно не припоминаете?

Ольга. Но Ефросинья Викентьевна сейчас уж не очень ей верила.

— Варвара Ивановна куда-нибудь ходит, кроме магазинов?

— Особенно никуда, разве к соседям. Но летом она живет на даче. У нас садовый участок есть. А бабушка любит возиться в земле. И воздух...

— Пожалуй, все, Ольга Леонидовна. Прочтите протокол и подпишите.

Едва закрылась за Ольгой дверь, капитан Кузьмичева схватила телефонную трубку и набрала номер Петрова.

— Валюша,— сказала она,— ты что делаешь? Знаешь, у меня к тебе дело. Возьми фотографии драгоценностей и слетай в «Изумруд», узнай, не предлагали ли им что-нибудь из этих вещей. Ладно?

Петров вернулся очень скоро, ему удалось выпросить машину. Сияя, он вошел в кабинет капитана Кузьмичевой.

— Удача,— сказал он.— Как мы раньше не

— Все равно удача,— заметил Валентин.— Значит, кто-то знал об этом тайнике.

— А может, это Варвара Ивановна приценялась... Во всяком случае, это не варфоломеевские драгоценности,— задумчиво сказала Ефросинья Викентьевна.— И никакого отношения они к нему не имеют... И мы опять не за тот конец ниточки тянем.

— А я убежден, что дело в драгоценностях!— запальчиво воскликнул Валентин.— Может, он их раньше к Пузыревым привез...

Соседке Пузыревых Марии Сергеевне Ибрагимовой капитан Кузьмичева не стала слать повестку, позвонила по телефону, попросила зайти. Ибрагимова ей сразу понравилась, какая-то доброжелательность исходила от нее. Оказалось, что Мария Сергеевна — врач-педиатр.

— Ваш муж был болен раком? — спросила Ефросинья Викентьевна.

— Да,— грустно ответила женщина.— Рак желудка. Обнаружили слишком поздно, поэто-

— Нет... хотя... Сосед по площадке месяца назад умер от рака.

— Из какой квартиры? — быстро спросила Ефросинья Викентьевна.

— Из пятой. Как раз напротив нас!

— Как его фамилия?

— Ибрагимов...

«Ой как горячо,— подумала Ефросинья Викентьевна,— яд может быть оттуда». А вслух спросила:

— Какая у него осталась семья?

— Жена и дочка, почти одноклассница с Виткой.

— Последний вопрос, Ольга Леонидовна. Вы уверены, что раньше не видели этих драгоценностей?

— Я ж вам сказала,— обиженно ответила

додумались? Предлагали в комиссионном магазине «Изумруд».

— Ну да? — Ефросинья Викентьевна даже встала со стула.— Что предлагали?

Валентин, очень гордый собой, достал пачку фотографий.

— Вот эту брошку.

— Кто приносил?

— Неизвестно,— огорченно сказал Петров.—

Дядька там, такой толстый, оценщик, говорит, что у него профессиональная память на изделия, а не на людей.

— Когда это было?

— Он сказал, что, наверное, осенью или в конце лета... Давно, во всяком случае.

— Та-ак,— огорченно сказала Ефросинья Викентьевна.

му операция ничего не дала. Но вы, наверное, не за этим меня вызвали? Чем я могу быть полезна? Я знаю о несчастье у Пузыревых... И с Николаем Николаевичем была хорошо знакома. Очень милый человек.

— Вы носите фамилию мужа? — спросила Ефросинья Викентьевна, не отвечая на вопрос Ибрагимовой.

— Да. Мой муж по национальности киргиз.

— А кроме операции, было какое-нибудь еще лечение?

— В сущности, нет. Он недолго прожил... Я писала его родственникам, и они мне прислали местное народное снадобье — настойку на каком-то корне. Но это было уже за десять дней до смерти.

— Простите, Мария Сергеевна, что я тревожу ваше горе, но мне важно кое в чем разобраться. Ваши соседи знали, что у вас есть эта настойка?

— Ну, конечно. Все время мы говорили, что, если б раньше прислали, может, Чингиз еще бы хоть сколько-то пожил. Как врач, я понимаю, что вылечить совсем не смогли бы, но как-то приостановить, может быть... Утопаящий за соломинку хватается.

— Вы часто виделись с Пузыревыми?

— Да почти каждый день забегали друг к другу. Виктор хоккей к нам ходит всегда смотреть: у нас цветной телевизор.

— А куда вы потом дели эту настойку?

— Никуда. В туалете у нас шкафчик такой, там и стоит.

— Но это, кажется, яд?

— Да, так говорят.

— Вы не могли бы дать нам эту бутылку на время? Я верну вам.

— Пожалуйста,— удивленно ответила Мария Сергеевна.

— И последнее. Я бы попросила вас не рассказывать о нашем разговоре Пузыревым.

С Варварой Ивановой Кузьмичева решила поговорить у нее дома. Ей хотелось еще раз осмотреть место, где умер Варфоломеев. В квартире было также чисто и уютно, но очень жарко.

— У нас всегда так. Топят прямо страсть. В других квартирах нормально, а у нас дышать нечем. Проходите,— пригласила Варвара Ивановна.— Чего вы беспокоились? Я и сама бы пришла.

— Я мимо проходила,— соврала Ефросинья Викентьевна. Она хотела было попросить чаю, за целый день не успела перекусить, но отказалась от своего намерения. Безнравственно пить чай в доме, хозяев которого подозреваешь в преступлении. Ефросинья Викентьевна села за стол, положила руки на очень старую суконную, вышитую шелком скатерть и попросила Пузыреву рассказать, как прошел день, когда приехал Варфоломеев, со всеми подробностями, начиная с утра.

— Да разве упоминешь? — засомневалась Варвара Ивановна.— Дни-то один на другой похожи. Встала, завтрак готовила, в магазин сходила, в молочную и булочную. Потом Витюшку с Ольгой покормила. Ольга в этот день в две смены работала, сразу убежала. А Витюшка в одиннадцать ушел.

— Они спали, когда вы вернулись из магазина?

— Нет, Виктор брился, а Ольга собиралась. Потом посуду помыла, стала щи варить. Хотя нет, сначала постельное белье переменила. Витя в прачечную отнес.

— А почему вы решили белье сменить?

— Время подошло, да и Витька свободный был. Он у нас белье носит.

— Значит, когда Варфоломеев приехал, вы чистое белье ему не стелили?

— А чего ж стелить, раз оно чистое?

— А потом?

— Потом обед сварила, прилегла отдохнуть.

— И где вы отдыхали?

— В столовой на диване. Потом шарф Витьку вязала... Обедала... Ну, а потом Коля приехал.

— А когда Варфоломеев у вас останавливался, он где обычно спал?

— По-разному. Иногда у Ольги, а она у меня на раскладушке. Иногда Коля спал в столовой на раскладушке. Ну, это если они допоздна телевизор собирались смотреть... А тут я знала, что Ольга поздно придет, и я положила его в своей комнате...

— А после этого,— Ефросинья Викентьевна замялась,— ну, после того, как умер Варфоломеев, вы продолжаете спать на своем матрасе?

— Ой, нет, грешница я, но спать, где покойник лежал, не могу. Все на помойку выкинула, и дворник все сжег. Он тоже суеверный, вроде меня. И кровать вымыла...

— Понятно,— сказала Ефросинья Викентьевна.

— А скажите, к Ибрагимовым вы в тот день не заходили?

— Как не заходила! Коля рыбки соленой привез, я с ними и поделилась.

— Гм,— неопределенно сказала Ефросинья Викентьевна.— Ну, ладно. Извините, мне пора.

Она вышла на улицу, думая о том, что знает очень много и в то же время не знает главного и это главное все время ускользает от нее. Сегодня ей предстояло еще встретиться с будущим мужем Ольги. Что-то она, хоть крупицу, узнает от него, и эта крупица тоже пригодится ей. Но самая ее главная ставка была на результаты анализа содержимого бутылки с настоем, которую ей передала Мария Сергеевна Ибрагимова, и на отпечатки пальцев на этой бутылке.

С утра Ефросинья Викентьевна была на совещании, на работу она попала лишь после обеда. Едва она сняла пальто, как позвонил телефон.

— Капитан Кузьмичева,— сказала Ефросинья Викентьевна, сняв трубку. Звонили из лаборатории и сообщили, что в бутылке, которую она передала для анализа, была налита обычная водопроводная вода. Впрочем, Ефросинья Викентьевна так и предполагала. Факты, наконец, начали соединяться друг с другом.

— А отпечатки пальцев?

— Готовы.

Круг замкнулся.

В кабинет вошел лейтенант Петров.

— Валя,— спросила Ефросинья Викентьевна,— что ты испытываешь, когда дело закончено?

— Гордость,— не задумываясь ответил Валентин.

— Знаешь, мы распутали очень сложное дело. Но гордости я почему-то не испытываю... Скорее омерзение. Я все время надеялась, что смерть Варфоломеева — случайность.

..Вечером, вернувшись домой, Ефросинья Викентьевна позвонила в свою квартиру. Дверь ей открыла любимая подруга Нюра.

— Давно ждешь? — спросила Ефросинья Викентьевна.

— А я не жду. Мы с Викентием котенка дрессируем. Он уже на задних лапках стоит.

— Мы его, мама, ходит учим,— добавил Вика, который выбежал из комнаты.

Ефросинья Викентьевна сняла свое серое пальто, шапочку, сунула ноги в тапки.

— Мы решили без тебя не обедать. Пошли на кухню, все готово. Слушай,— спросила Нюра,— ты сказала, что закончила дело, чего ж ты тогда такая унылая?

Ефросинья Викентьевна не ответила ей, пошла в ванную, умылась, вымыла руки и молча села за стол.

— Ну, мать,— огорченно заметил Аркадий,— ты у нас сегодня совсем в транс. Ешь! Когда человек сыт, он совсем по-другому воспринимает окружающее.

Вика в мгновение ока проглотил оладьи, выпил молоко и вопросительно посмотрел на взрослых.

— Не наелся? — спросила Нюра.

— Хватит ему,— решительно заявил Аркадий.— И в кого он такой обжора?

— Я расту.

— И расти на здоровье. На ночь много есть вредно. Поел и иди себе с богом... Телевизор включен, сейчас как раз «Спокойной ночи, малыши» начнется.

— А яблоко не дадут? — с надеждой спросил Вика. Нюра сорвалась с места, открыла холодильник, достала яблоко, протянула Вике, но Аркадий решительно отобрал его у нее.

— Во-первых, оно немытое. Во-вторых, после молока вредно. А в-третьих, Викентий, нехорошо спекулировать на Нюриной доброте.

Викентий, пытаясь слез со стула, ворча под нос: «Нюре, и той слова сказать не дают».

— Викентий! — строго сказал Аркадий.

— А я ничего не говорю,— ответил Вика и, пряменький, с закинутой назад головой (поза означала презрение), пошел прочь из кухни.

— Жмот,— сказала Нюра Аркадию, когда Вика ушел в комнату.

— Он прохиндей,— ответил Аркадий.

Ефросинья Викентьевна ела суп, не чувствуя никакого вкуса.

— Может, тебе рюмку коньяка налить, а свет Ефросинья? — озабоченно спросил Аркадий.— Ты мне не нравишься.

Ефросинья Викентьевна вяло пожала плечами. Аркадий достал из шкафчика бутылку, три рюмки, разлил коньяк.

— Ну,— сказала Нюра,— чтоб не киснуть... Выпив, она сморщилась.— Крепкий какой, фу!

— Можно подумать, что в экспедициях ты шампанское пьешь,— засмеялся Аркадий.

— В экспедициях у нас сухой закон,— ответила Нюра с набитым ртом.

Они поели и стали пить чай, заваривать который лучше всех умела Нюра.

— Ну, отошла? — спросил Аркадий жену.

— Отошла немножко... Я просто очень устала. И день тяжелый.

Однако дело было не просто в усталости, а скорее в потрясении, которое испытала сегодня Ефросинья Викентьевна, когда сличала отпечатки пальцев.

— Вычислили убийцу?

— Вычислили,— усмехнулась Ефросинья Викентьевна.

— Ну и слава богу,— сказала Нюра,— а то ты прямо какая-то ненормальная стала последнее время.

— Уж такая работа,— проговорил Аркадий.— И она ей очень нравится.

Ефросинья Викентьевна по тону Аркадия не поняла, доволен ли он этим обстоятельством, ей показалось, что скорее не очень.

— А мама сказала, что она больше не хочет убийц ловить, а будет варить суп и беречь меня от влияний,— сообщил Вика, который появился на кухне и услышал обрывок разговора. Аркадий сделал круглые глаза.

— Хватит болтать, Вика. Пошли спать.

— Ефросинья на пределе, если собирается свою работу бросать,— тревожно сказала Нюра Аркадию, когда Вика с матерью ушли.

Они сидели друг против друга: капитан Кузьмичева и семнадцатилетний Виктор Пузырев.

— Утром вы отнесли белье в прачечную,— сказала Ефросинья Викентьевна.— Так?

— Да,— кивнул Виктор. Он сидел, опустив голову.

— О приезде Варфоломеева не знали?..

— Нет.

— А вот о драгоценностях знали.

— Нет-нет!

— Знали. Летом, когда бабушка жила за городом, случайно наткнулись и вот эту брошь оценивали в «Измурде». Она вынула из ящика фотографию и положила перед Виктором.

— Неправда...

— А зачем вы в аптеку ночью залезли?

— В какую еще аптеку?

— Сделаем очную ставку со сторожиком и Лютиковым, который отнял у вас пятерку и димедрол.

— Какой еще димедрол? — чуть слышно прошептал Пузырев.

— А чтоб бабушку отравить. А потом про настойку узнали, и тогда у Ибрагимовых из шкафчика в туалете взяли бутылку с ядом, взамен поставили такую же с водой.

— Да ничего я не брал! — закричал Виктор.

— Вы вылили яд в постель Варвары Ивановны, в квартире жарко, вы рассчитывали, что к вечеру высохнет. Так?

Пузырев молчал.

— Неужели желание иметь автомобиль было для вас дороже жизни бабушки, которая вас вырастила?.. Вы же ее хотели умертвить, чтобы завладеть драгоценностями, когда убедились, что мать и не подозревает об их существовании...

— Неправда, неправда все это! — снова закричал Виктор.— Меня и дома не было, неправда! — У него началась истерика.

— Возьмите себя в руки,— с презрением сказала она.— Молодец против овец...

Оставшись одна, Ефросинья Викентьевна оперлась локтем о стол и, прикрыв глаза, оперлась лбом о ладонь. «Боже мой,— подумала она,— и на эту гадину у Варфоломеева было написано завещание. Как же он так ошибался? И как они, эти женщины, могли воспитать такого волчонка! Даже любить других не научили, только одного себя».

Вздыхнув, Ефросинья Викентьевна подошла к окну. Все внутри у нее дрожало от ненависти к Виктору Пузыреву, она изо всех сил пыталась справиться с собой, потому что считала, что следовательно не имеет права на эмоции, он должен быть бесстрастен, только это помогает ему быть объективным.

Сложив ручку и бумаги в сумку, Ефросинья Викентьевна вышла из здания на улицу, где пахло весной.

Дом Цветаевых в Александрове.

Марина Цветаева в Александрове

Город Александров во Владимирской области — город моей юности. Там я жил, учился, окончил десятилетку перед самым началом войны, оттуда ушел на фронт. Многие мои сверстники, товарищи по школе погибли в жестоких боях с фашистами, а из оставшихся в живых почти каждый носит отметину войны.

Этим летом я был приглашен на Цветаевский праздник поэзии, про-

водимый в городе уже третий раз. Марина Цветаева в 1916—1917 годах жила в Александрове у своей сестры Анастасии. Праздник стал знаменательным событием в культурной жизни небольшого города. Для меня же он дорог еще и тем, что когда мой отец, инженер-строитель, приехал в 1931 году в Александров на строительство зданий для радиозавода, то мы поселились на Староконошенной улице (ныне

Военной), сохранившей свое название от времен Ивана Грозного, в доме № 7, а это почти рядом с тем местом, где жила Марина Цветаева.

Здесь, в доме учителя Лебедева, и нашла приют семья Цветаевых. «Домок на окраине, лицом-крыльцом в овраг. Домок деревянный бабьягинский, летом сплошная дичь: зелени, прущей в окна» — так вспоминает поэтесса Александров. Неподалеку и старые стены монастыря, упомянутые в ее произведениях, и остатки военных казарм, где служил муж Анастасии Ивановны, которому посвящены известные строки: «Мне нравится, что вы больны не мной».

Дом — один из немногих вещественных свидетелей жизни и творчества М. Цветаевой, и поэтому общественность всецело разделяет опасения местного поэта В. Коваленко, выраженные им в стихотворении, опубликованном в городской газете «Голос труда»:

Уцелел он во всех лихолетьях,
Достоял он до наших времен,
А теперь уже все мы в ответе,
Чтоб по случаю не был снесен.

Много любителей поэзии, поклонников творчества Цветаевой из Москвы, Ленинграда, Владимира собираются каждое лето в Александров на поэтический праздник.

По мотивам «цветаевского Александрова» мною выполнена живописная серия из пяти работ, которую я подарил городу.

А. КЕТОВ,
заслуженный работник культуры
КалмАССР, член Союза
художников СССР

ВСТРЕЧА С ОРЕНБУРЖЦАМИ

В Оренбурге состоялась встреча сотрудников и авторского актива нашего журнала с читателями. На производственном объединении «Оренбурггаздобыча» и шелковом комбинате были проведены читательские конференции. Газодобытчики, операторы, ткачи, руководители общественных организаций поделились мнением о материалах, публикуемых на страницах «Огонька». Они высказали свои предложения, советы, критические замечания, подсказали новые темы, адреса командировок.

Тепло были встречены присутствующими поэты Алексей Марков и Леонид Вьюнник.

Фото В. Андреева

среди книг

ДЕЛО МОЕ
ВОСКРЕСНЕТ...

Начав читать эту книгу, уже не оторвешься: захватывает напряженность сюжета, развитие характеров и судеб действующих лиц. Нет, недаром академик Д. С. Лихачев в послесловии к роману Н. Самвеляна «Московский таинственный посол» определил его как «исторический детектив». Только «сыск» здесь своеобразный: на протяжении всего повествования посланец генерала «Общества Иисуса» граф Филипп Челуховский пытается выяснить, какие силы стоят за спиной печатника Ивана, прибывшего из Москвы во Львов с тем, чтобы построить здесь друкарню — типографию.

Сведения о жизни Ивана Федорова крайне скудны. Но то, что интересует нас теперь как неиз-

вестная страница отечественной истории, современников первопечатника волновало как самая настоящая злоба дня.

Иезуиты тревожились не зря: «Вдвойне опасно, если ненужные нам книги станут писать и печатать человек умный, а то и талантливый». Именно таким и был печатник Иван, «гонимый судьбой бедняк», у которого имущества было «две руки и голова. Но руки эти умели резать прекрасные гравюры, писать и набирать книги, которым суждено было пережить века. А в голове роились мысли могучие, смелые, независимые».

Живой, обаятельный образ этого человека, к которому тянулись все чистые и честные люди, независимо от их социальной принадлежности, — большая удача автора. Читатель видит Ивана Федорова в постоянном труде, в общении с друзьями, погруженным в размышления, в беседах с сильными мира сего, от щедрот которых он, к сожалению, не мог не зависеть, и перед ним постепенно раскрываются благородные цели великого русского просветителя: «Он делает то, чего не хотели сделать ни царь Иван, ни князь Константин, ни гетман Ходкевич. Он напечатает тысячи книг, по которым в Москве и Львове, Вильно и Киеве будут учиться читать и писать». Первопечатник глядел очень далеко вперед, когда думал: «Мы станем самым просвещенным народом на земле... Мы завоеваем свободу себе. И принесем ее другим».

Напрасно сбивался с ног фискал князя Острожского Данилка, напрасно, из-за нелепой ошибки погиб нежный поэт и мудрый философ, друг печатника Геворк — не политике царя Ивана IV, не православной религии — «схизме», как опасались иезуиты, своему народу, настоящему и будущему

своей страны служил Федоров. «И положил на это жизнь. Как воины на поле брани кладут головы, чтобы жили в счастье их дети, внуки и правнуки».

Воссоздавая на страницах романа последний период жизни Ивана Федорова, Николай Самвелян воссоздает и историческую обстановку, картину жизни Европы XVI века, что увеличивает познавательную ценность книги. Автор изобретателен в поисках формы: органично вплетенные в ткань повествования «прогулки с читателем», небольшие сценки-диалоги значительно расширяют его рамки, знакомят читателя с целым рядом исторических лиц, комментируют происходящее с позиции не только писателя, но и ученого.

Следует отметить и еще одно бесспорное достоинство книги Н. Г. Самвеляна — полное отсутствие в ней стилизации, столь часто раздражающей своей фальшью в произведениях на исторические темы. Язык романа и его героев не модернизирован, но вполне современен, как бы дан, по замечанию Д. С. Лихачева, в «прямом смысле переводом» с древнерусского и древнепольского языков, на которых, собственно, и говорили Иван Федоров и окружавшие его люди. И это не снижает, а, напротив, подчеркивает достоверность изображаемого.

Не все из того, что задумал, успел совершить первопечатник — выпустил меньше книг, чем хотел, не основал академию во Львове, не построил типографию в Болгарии. Но значение труда своего сознательно отчетливо. «...Дело мое воскреснет. В каждом, кто откроет книгу и станет читать ее», — утверждает герой исторического романа Н. Самвеляна.

Л. ДАВЫДОВА

К ЧИТАТЕЛЮ — С ВОПРОСАМИ

Дорогой читатель!

Выписываете Вы наш журнал с давних пор или только что стали его подписчиком, постоянно покупаете «Огонек» в киоске «Союзпечати» или изредка рассматриваете его страницы — каждому мы хотим задать несколько вопросов, чтобы ближе познакомиться с Вами, узнать Ваше мнение о журнале, услышать советы и предложения, которые мы обязательно учтем в своей работе.

1. Ваш возраст _____

2. Место жительства _____

3. Образование _____

4. Профессия _____

5. Желающие могут назвать себя и сообщить свой адрес _____

6. Являетесь ли Вы:

а) подписчиком «Огонька»? _____

б) постоянным его покупателем? _____

в) знакомитесь с журналом нерегулярно? _____

7. С каких материалов Вы обычно начинаете читать или смотреть журнал?

8. Какие огоньковские материалы текущего года Вам больше всего запомнились и почему? Какие и почему не понравились?

9. Какие конкретные темы по вопросам воспитания, быта, производству товаров народного потребления Вы могли бы предложить и чьи выступления хотели бы прочесть в нашем журнале?

10. С кем из интересных людей Вы хотели бы встретиться на наших страницах?

11. «Огонек» регулярно публикует произведения мирового, русского и советского изобразительного искусства. Что бы Вы хотели увидеть на наших цветных вкладках?

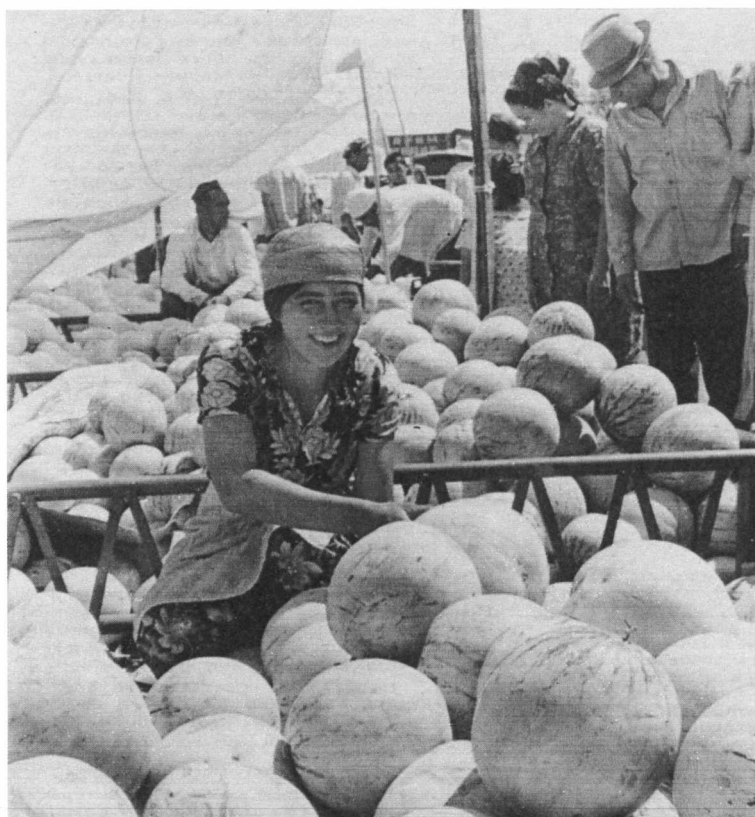
12. На наших страницах Вы встречаете постоянные рубрики. Какие из них Вам больше нравятся и почему? Какие новые рубрики хотели бы предложить?

13. Удовлетворяет ли Вас оформление журнала? Есть ли у Вас замечания и предложения по его улучшению?

14. Если Вам захочется сказать больше, чем позволяют вопросы нашей анкеты, сопроводите ее письмом.

Редакция благодарит Вас за ответ. Анкету отправьте по адресу:

101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Журнал «Огонек». С пометкой «Анкета».

Вот они, плоды труда бахчеводов.

АРБУЗНОЙ

— Холодно, — сказал ансак, вытирая клетчатый платком пот с лысины. — Холодно арбузам, даже тридцати градусов сегодня нет...

Каждое утро Тулеген Зайтов начинал с этой тирады. Прищурясь, он смотрел на солнце, вздыхал, потом переводил взгляд вниз, на бахчу. Тут, на теплой земле, демонстрируя полное пренебрежение к удобствам, лежали арбузы. Зеленые жилы плетей гнали в них сладкие соки земли, и Тулеген вполне серьезно убеждал меня, что если долго смотреть на арбуз, то можно заметить, как прямо на глазах он увеличился в размерах... Повздохав, бахчевод начинал свой обход. У самых крупных арбузов он присаживался на корточки и здоровался с ними. Солнце поднималось выше, жара плотнела. Термометр чуть ли не дымился, показывая в тени сорок пять градусов. Старик радовался: «Погреются арбузины». Однако через короткое время начинал снова вздыхать и наконец произносил:

— Нет в жизни идеала, — и пояснял, показывая на бахчу, — то им холодно было, теперь жарко. Видишь — пить просят...

Как он это узнавал, для меня оставалось загадкой.

Мы, несколько человек, сидели в тени шалаша и философствовали на бахчевые темы.

— Арбуз — это большая ягода, — авторитетно сказал агроном.

— Арбуз — это сладость, он даже лучше мороженого, — сказал ребенок.

Анатолий РУБИНОВ

В последнее время бани стали немножко походить на кино. Представляете себе: там ввели сеансы! Кассиру, у которого вместе с билетом можно купить и мочалку, говорят: «Пожалуйста, мне на вечерний сеанс. И мыло».

Идею сеансов, которые начинаются каждые два часа, подали, видимо, любители кино, из тех, что моются только в ванне. Они заставили любителя парной стоять перед заведением с веником и дожидаться, когда «зрители» предыдущего сеанса вымоются, оденутся, когда просторщик пройдет по полу подсохшей тряпкой; только после всего этого впускают народ.

Столетия, а может быть, и целое тысячелетие все было иначе. Баня в России веками служила не только чистоте — это был народный обычай, ритуал, клуб. Она вносила разнообразие в повседневную жизнь; жаркий пар, холодные обливания бодрили и закаляли людей. Бане можно построить памятник — у нее много заслуг. Русская баня сыграла еще не во всем оцененную роль: в то время, когда эпидемии косили одна за другой население средневековой Европы, обычай еженедельного горячего мытья охранял здоровье народа, нередко оберегал его от холеры и чумы. Многие заразные напасти, обшарив все европейские углы, останавливались перед русскими княжествами. Дальше их не пускала баня — чистота.

Старинный русский еженедельный обычай изумлял иностранных путешественников. Уцелели их рисунки: нагие мужчины и женщи-

ны выбегают радостные на снег как раз перед конной повозкой, в которой сидят закутанные от мороза в меховую полость ездоки. А иностранных врачей этот обычай восхищал. Сокрушаясь о нездоровье своих сограждан и сравнивая, знаменитый медик прошлого века Лассар (помните «пасту Лассара»?) говорил, что немецкий крестьянин моется в своей жизни три раза: при рождении, перед свадьбой и после смерти.

История, литература да и старинская память свидетельствуют, что обычай русского паренья был един во все времена. И в пору летописца Нестора, жившего девятьсот лет назад; по его свидетельству, прибывший на Русь из Рима апостол Андрей Первозванный подивился, что люди секут сами себя в пару вениками — «творят не мытву себе, но мучение». И во времена московских князей, которые брали с собой для долгой банной услуги только самых именитых бояр. И в пушкинские времена — поэт бывал в прежних Сандуновских банях, которые снесли почти столетие назад и на месте которых появились нынешние царь-бани. И в сравнительно недавнее время, когда уже в теперешних Сандунах хлестался и не мог при этаной радости не петь Шалаяпин, который потом из Парижа просил дочь подробно расспросить мужичков, как надобно ставить деревянные бани.

Девятьсот лет назад — повсюду, а сейчас уже лишь в уцелевших, избегших рационализации банях проверенная веками технология одна: плескали водой на раскаленный полевой, «дикий» камень, секли себя и друг друга березовым веником, стараясь выбрать такой, у которого листья на долгой ножке. И сидели в парной, стояли на мягких досках из липы, которая всегда бела, легко соскребается и не дает заноз. (Это деликатное свойство — для бани обстоятельство довольно важное.)

...Баню в последние десятилетия не раз приговаривали к уничтожению. Повод был: и в самом деле, повсюду появились дома со всеми удобствами, в том числе с ванной. Но те, кто в баню ходит только за чистотой, просчитались. Даже в Москве, Ленинграде и в новых городах, где почти нет домов без современных удобств, люди не перестали ходить в баню. Просто это стало делать трудней, потому что многие бани разобрали по бревнышку, по кирпичу и на их месте сделали скверы, поставили дома.

Московские старожилы, однако, не могут забыть Марьинских бань; вспоминают о них со вздохом. Что за вода там была! Ее поднимали из артезианского колодца, что был прямо во дворе, в ней так славно мыло мылилось; после нее так кудри вились! А в больших Бирюковских (или Самотечных) была парная — другой такой не сыскать: пар не обжигал, и старик мог выдержать самый верхний полок. Теперь на их месте частью незаросший пустырь, частью — какая-то мастерская.

А в оставшихся московских банях по вечерам очереди. В мороз и в жару, в будни и праздники, если бани в праздники работают. Тридцать лет назад в Москве было сто двадцать бань — больших, как Центральные, Сандуновские, Варшавские, и маленьких, как Преображенские, Виноградовские. Теперь не насчитывается и пятидесяти, да и то чуть не половина их всегда находится в ремонте, долгом и вялом, — раньше, когда не было ни подъемных кранов, ни элентрических бетономешалок, новые строили в пять раз быстрее.

Самые большие очереди, однако, в самых лучших, самых желанных — Сандуновских, в которых кабины из мореного дуба, турецкий зал с восточными письменами из стен, бассейн из белого гладкого камня и с античными колоннами из каррарского мрамора, который, говорят, когда-то ценил Микеланджело. Бывают дни, когда очередь занимают в обед, уходят,

В БАНЮ НА ВЕЧЕРНИЙ

СПЕЛОСТИ ПОРА

— Арбуз — это отрада души в такой вот жаркий день, — воскликнул поэт.

— Арбуз — прибыльное дело, — вставил слово директор совхоза.

— Арбуз — это арбуз, — промолвил аксакал-бахчевод. — Он слаще сладости, свежее свежести и милее отрады.

Подожел «самолет», как называли здесь терпеливого ишачка, перевозившего в деревянных корзинах арбузы и дыни с дальнего края бахчи. «Самолет» разгрузился и, подгоняемый мальчишкой, отправился в новый рейс. Куча спелых арбузов и дынь постепенно росла. Завтра за ними придет грузовик и отвезет их на базар, в Чардара или Чимкент. Наступила арбузная спелость пора...

Еще не опустилось за горизонт дневное светило, как вышла на ночное дежурство бледная луна. Но прохладнее не стало.

— Арбузы растут и ночью, — сказал Тулеген, — только не заметно, как они это делают.

«Как будто днем заметно», — подумал я про себя, но промолчал и спросил о другом:

— Сколько же их может вырасти на гектаре?

— Двести — триста центнеров, — откликнулся аксакал, — если хорошо и вовремя поливать...

Лунный свет отражался в арбузных боках. Я попытался представить себе эти двести центнеров в штуках. Получалось, что на гектаре должно вырасти несколько тысяч арбузов, каждый весом по пять килограммов.

— Много, — одобрил мои расчеты аксакал...

Внезапно на бахче заплакал ребенок. От неожиданности я вздрогнул и вскопчил на ноги, вглядываясь в темноту. Плач возобновился и перешел в безутешные рыдания. Меня удивило, что бахчевод остался бесстрастным.

— Там ребенок? — спросил я.

— Там целый детсад, — усмехнулся бахчевод.

Действительно, через несколько минут к первому плачу присоединился другой, затем третий, четвертый, и вскоре все слилось в жуткий хор.

— Что это?

— Шакалы, — пояснил Тулеген, — пожаловали из сырдарьинских тугаев, чтобы полакомиться арбузами. Очень они их любят. Их визит — верный знак, что началось массовое поспевание...

Утром мы осматривали место пира ночных гостей. Десяток арбузов простился с жизнью, некоторые из них были выедены до корок с мастерством гурманов.

— Вот шакалы, — ругал Тулеген шакалов. Потом посмотрел на небо, вытер платком лицо, вздохнул, намереваясь что-то сказать, но я уже знал, что именно, и опередил его.

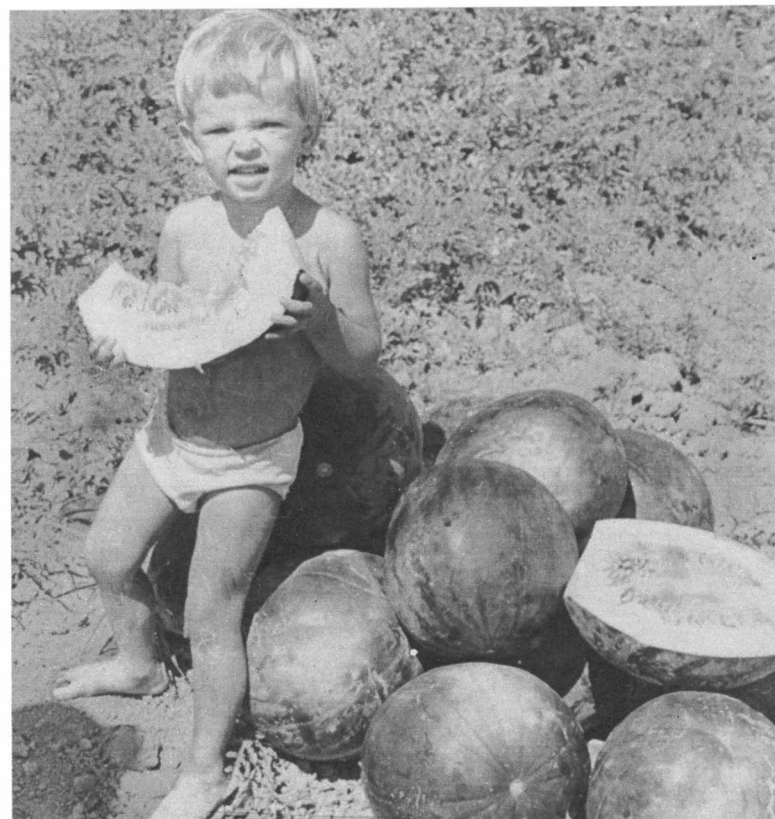
— Холодно, — сказал я, — холодно арбузам...

Пот катился с меня градом.

Ю. ЛУШИН,
фото автора

Чардара, совхоз «Юбилейный» — совхоз «Казахстан».

Сладко!

попросив, чтобы примитили и не забывали, на полдня на работу, а вечером наконец попадают из вестибюля с маркизами на стенках в предбанник и еще немного стоят: пока освободится диван в белых простынях.

Однако слава Сандунов только в их истории. Колонны каррарского мрамора с ионическими капителями кто-то приказал покрыть белой масляной краской в крапинку, чтобы походили на березу. Но забыли, что березы не бывают с античными канелюрами, желобками по всей высоте. И не бывают выщербленными. Знаменитые сандуновские души распотрошили и уполовинили. Почти два столетия славившиеся добросердечием сандуновские банщики (вообще-то пространщики: у каждого под наблюдением свой ряд, свое пространство, «пространок») ныне посухарились, научились командовать, покрикивать. А парная стала наполовину каменной. Жар в ней обжигает.

И все-таки Сандуновские содержатся лучше, чем большинство других. Во многих банях, и не только московских, произошли перемены, которые не по душе тем, кто знает, чем хороша парная, что от нее требуется. Но не ведающие о стародавних традициях, выдержавших испытание веками, банные рационализаторы, судя по всему, озабочены прежде всего выручкой, которую могут дать доверенные им заведения. Баня, однако, никогда не была особенно доходным делом. Сто лет подряд казна не давала разрешения повысить традиционную плату в две копейки. Когда-то хозяева добились только того, что отменили правило выдавать всякому входящему заодно и веник, его стали покупать отдельно. До недавних

пор банный тариф был мизерный, в упоминавшиеся Марьянские вход стоил десять копеек, в другие — шестнадцать, двадцать.

Некоторые банные руководители схитрили, обманув бдительность тех, кто следит, чтобы тарифы не поднимались, — долго не ремонтировали бани, а потом почти так же долго их перестраивали. Снимут три лавки, сделают на освободившемся месте лягушатник с холодной водой, неглубокий, сантиметров на тридцать, и назовут это сооружение бассейном. Заодно переставят лавки в предбаннике — этаким вагонным купе на четыре персоны; сменят прогнившие доски в парной, побелят. И после этого баня сразу переходит в разряд первейшего «люкса»; теперь уже не шестнадцать копеек за вход, а второе дорожке — полтинник или даже восемьдесят копеек. Дескать, за лягуша... то бишь бассейн, который уменьшил площадь. Это на три-то лавки. И за это платить второе дорожке?

И вот что произошло вследствие этого, например, с Можайскими банями. Их закрыли, когда они стали до предела запущенными. После долгого ремонта, оказавшегося реконструкцией, все посвежело, но осталось прежним, кроме тех трех лавок, на месте которых появился «тонизирующий бассейн» с обыкновенной холодной водой, не доходящей до пояса. Очень это дорогой бассейн — он повысил тариф в два с половиной раза, поднялся с двадцати копеек до пятидесяти. В первый месяц после реконструкции (главным образом тарифа) бани дали чуть ли не двойную выручку. Это могло порадовать только бухгалтерию: денег в кассу поступило больше, билетов же продано меньше. Кому-то, например, студентам, пенсионерам с их небольшими доходами удовольствие оказалось не по карману.

Во многих городах появились нынче «роскошные» бани. В Иркутске в одном реконструированном заведении есть теперь кабинки для послепанного отдыха, туда подают чаек. Имеется бассейн, в котором легче нырять, чем плавать. Парную же сильно урезали — не она главное в этом «предприятии», туда с веником редко кто и заходит. В Казани возвели «комбинат здоровья». Это тоже целое предприятие, имеющее мало общего с баней и преследующее

главным образом коммерческие интересы. Там самое дешевое удовольствие стоит 35 копеек, самое дорогое — два рубля двадцать. В разных городах РСФСР, где раньше было столько прекрасных и дешевых бань с жарким паром и деревянным полом, строят всевозможные сооружения, схожие с баней только в том, что там раздается и льется горячая и холодная вода. А цены за сомнительное удовольствие растут: вместо двугривенного — рубль, два, три.

В коммунальном ведомстве повсюду поднялась выручка. И повсюду уменьшилось число посетителей. Не поставлена ли вообще задача отводить публику от удовольствия, которое, как уже говорилось, сейчас необязательно, поскольку мы живем в благоустроенных квартирах?

«Не ради ли этой цели служит и последнее банное киноновшество с сеансами? Оно дает администрации еще больше спокойствия и позволяет не заботиться о выручке. Даже в рублевой реконструированной бане с сеансами сейчас один посетитель идет по меньшей мере за пятерых. Не беда, что четверо остальных постепенно забывают сюда дорогу. Порой даже не из-за денег — из-за новых неудобств. Раньше люди направлялись в баню тогда, когда у них имелось свободное время, проводили там столько времени, сколько им требовалось. Одни, топящие, управлялись за полчаса. Другие, которые особенно ценят парные удовольствия, сидели час-другой, но таких было не так много. Теперь в «кинобанях» берут повышенную плату, считая, что все посетители любят париться долго — два часа. Вот и установили сеансы через каждые два часа.

От этого, помимо всего прочего, возникло другое неожиданное неудобство. От того, что публику томят перед кассой, в бане вечный час пик: толпа у кранов с шайками, толпа в парной, которая только что — в пересменку — пуствовала совсем. И в бане, где раньше незнакомые люди весело хлестали друг друга, звонко перекликались, начались ссоры. Зна-

ете ли, как-то неловко, совестно писать обо всем этом: ссорах, толчее, тесноте... Это в бане-то, которая закаляет, бодрит, дает хорошее настроение.

На глазах вырождается знаменитая русская баня, превращается во что-то другое, оставив себе только прежние названия. За два десятилетия утрачено то, что жило в целостности и сохранности столетия. Очень жаль. Проверенный долгим временем банный ритуал дарит здоровье. Еще в прошлом веке ученые Петербургской военно-медицинской академии, исследуя действие русской бани, пришли к выводу, что она и лечит.

Сейчас везде увлекаются банями. Правда, за образец взяты финские — сауны. По всему миру сауна пошла благодаря напористым предпринимателям, которые ее всячески рекламировали, стали по дешевке выпускать оборудование для нее и продвинулись в этом довольно далеко. Даже у нас повсюду строят сауны, а финны усмеваются: они считают сауну упрощенным вариантом русской бани; сауну построить дешевле. И финские специалисты считают, что русская баня полезнее.

В некоторых странах стали издаваться научные журналы, посвященные бане. Там сообщают и о защите диссертаций на такие темы: «Нормализация кровяного давления под воздействием бани», «Влияние бани на функции дыхания». В западногерманском журнале «Банная новост» я прочитал сообщение об исследовании «Реабилитация больных, перенесших инфаркт миокарда, с помощью бани»...

Так разве пристало нам искажать старую традицию и в угоду сомнительным, больше того — спорным — коммерческим интересам разрушать ее? Было бы в общих интересах объяснить коммунальным работникам, что это за вещь — баня, какое прошлое она имеет, чем мы обязаны ей, что она может дать нам сейчас. Честь и место бане!

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

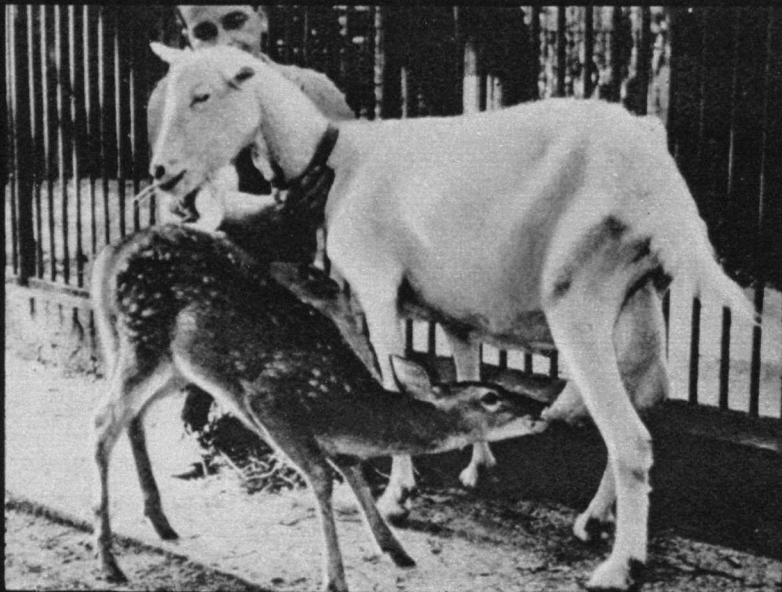
СЕАНС?

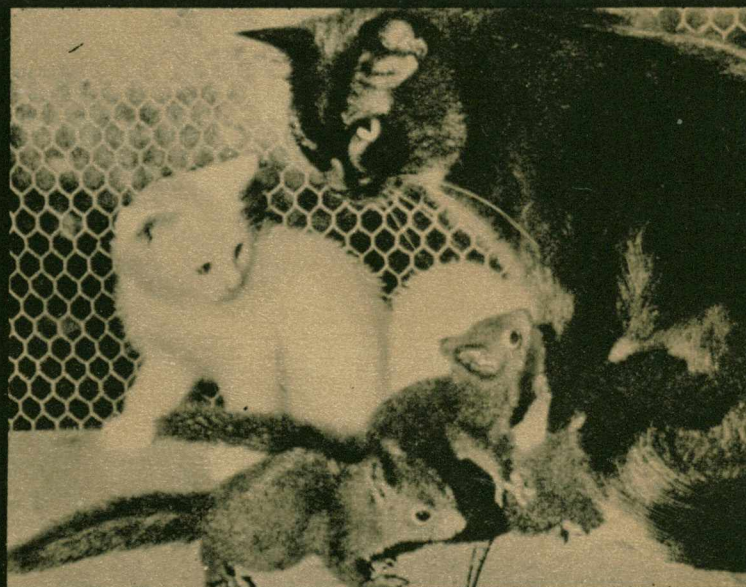

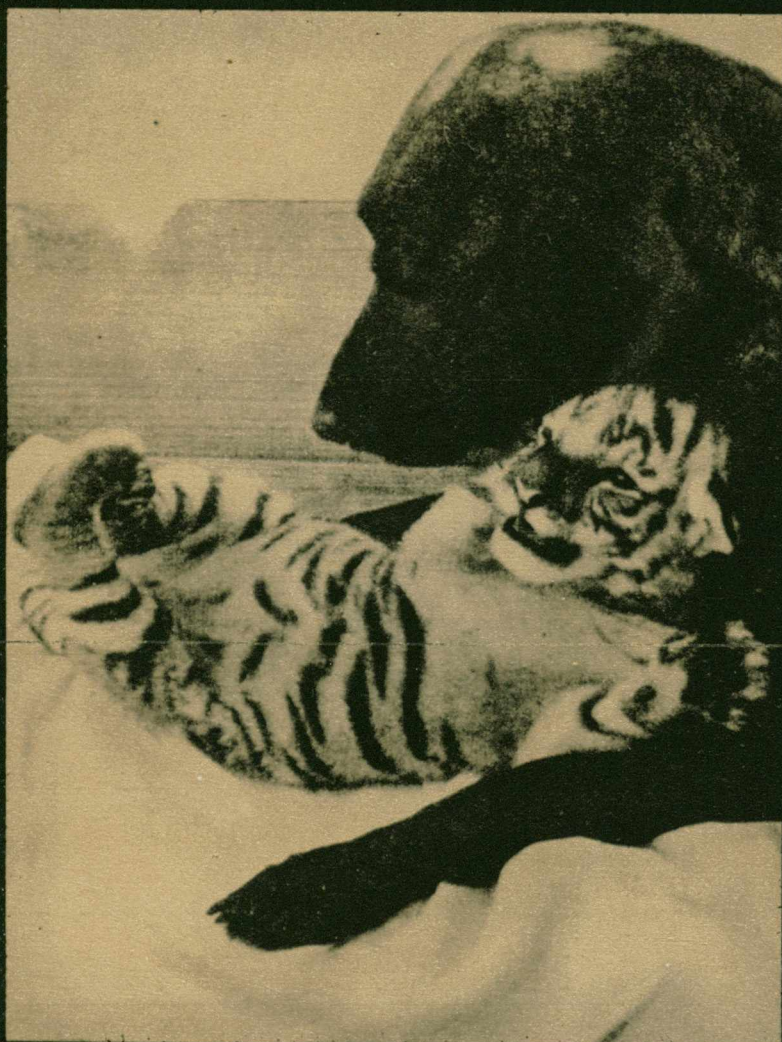
ЗДЕСЬ НЕТ ЧУЖИХ

1.

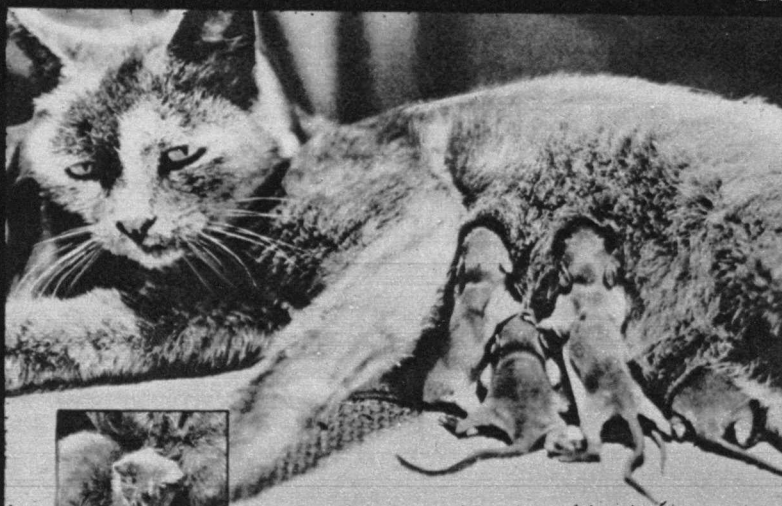
2.

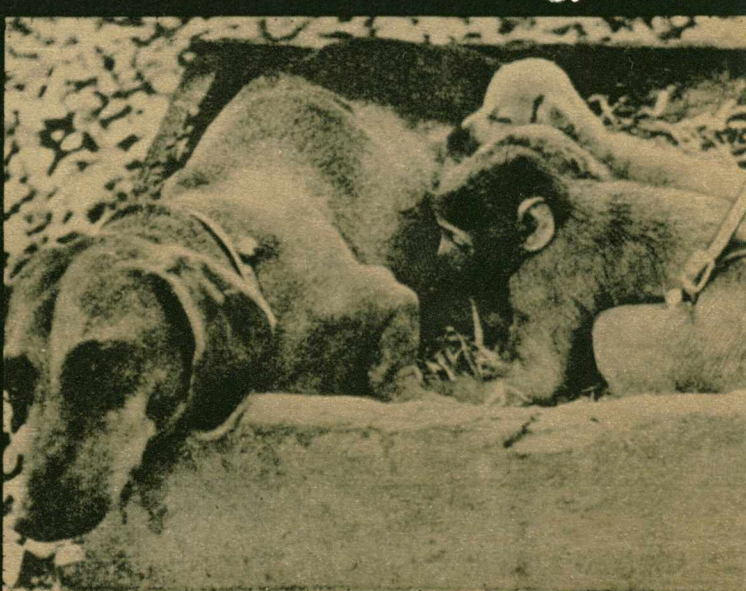
3.

4.

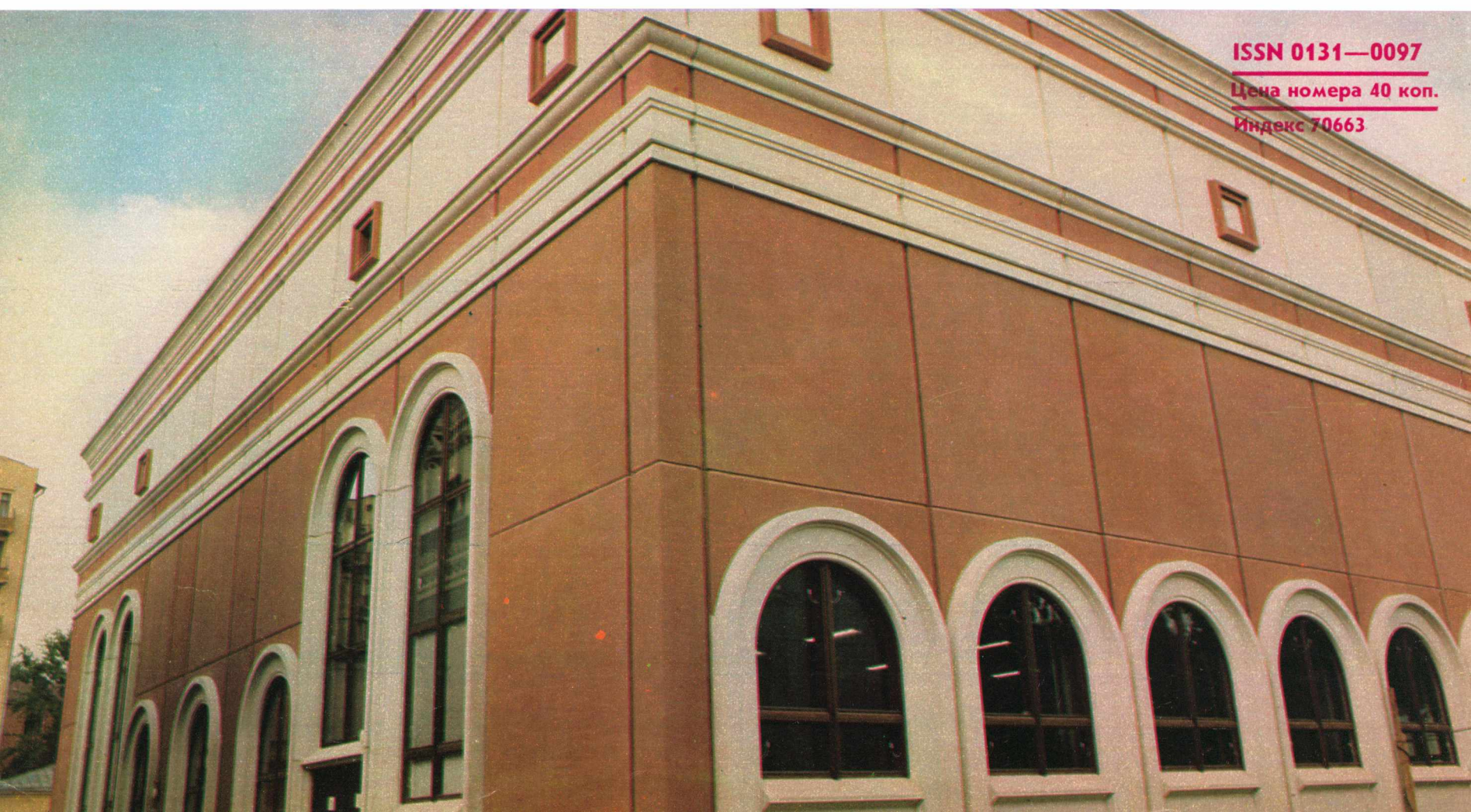

5.

6.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663